ЯАП РОББЕН

ПЕРЕВОД ЕКАТЕРИНЫ ТЕРЕШКО ЛОНГ-ЛИСТ БУКЕРА 2021

ми∞

Яап Роббен

ЛЕТНИЙ БРАТ

Перевод с голландского Екатерины Терешко

Москва «Манн, Иванов и Фербер» 2022 УДК 82-311.2(492) ББК 84(4Нид)6-443 Р58

На русском языке публикуется впервые

This book was published with the support of the Dutch Foundation for Literature.

Nederlands letterenfonds dutch foundation for literature

Роббен, Яап

Р58 Летний брат / Яап Роббен ; пер. с голл. Е. Терешко. — Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2022. — 288 с. — (Young Adult Novel. Трудное взросление).

ISBN 978-5-00195-426-2

Брайан почти не знает своего старшего брата Люсьена, ведь тот несколько лет жил в пансионе. Но когда пансион закрывается на ремонт, Брайан с отцом вынуждены забрать Люсьена домой. Проблема в том, что Люсьен — не обычный подросток. Вся ответственность по уходу за братом ложится на Брайана. Но как позаботиться о человеке, если не знаешь, что ему нужно? И как сказать о своих чувствах, не используя ни одного слова?

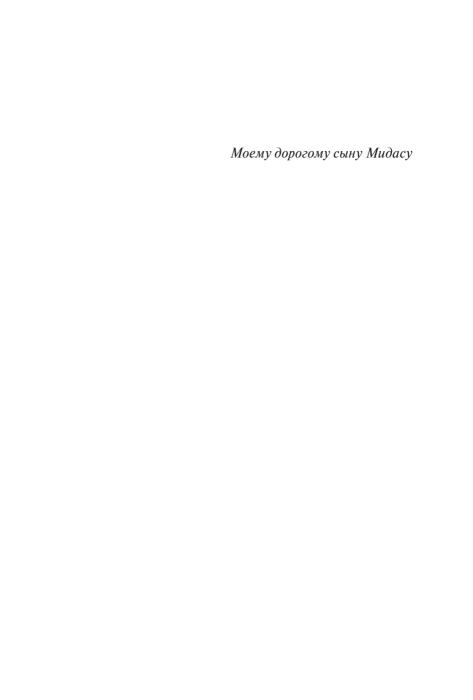
УДК 82-311.2(492) ББК 84(4Нил)6-443

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-00195-426-2

Copyright © 2018 by Jaap Robben Original title Zomervacht First published in 2018 by De Geus, Amsterdam

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2022

Я думал, что мы просто едем покататься. Ветер дует навстречу, поднимая с земли сено, сухие травинки, которые через открытые окна залетают к нам в пикап. Сейчас сезон сбора урожая, но мы в этом не участвуем. В багажнике гремят ржавые трубы и остов стиральной машины, которую мы вчера подобрали в какой-то канаве на обочине. Па поворачивает и останавливается у заправки.

— Хочешь чего-нибудь? — спрашивает он, заливая в бак бензин. Заправиться нам удается только по понедельникам, потому что в этот день работает Бенуа. Его начальник больше не продает нам ничего. Он говорит, что такие клиенты, как мы, слишком дорого ему выходят.

Мимо проезжает грохочущий грузовик, заваленный охапками сена, всколыхнув выцветшую растяжку с рекламой кофе, который тут всегда по акции. Пахнет он так, будто там вместо кофе перемолотый рубероид.

- Привет, обращаюсь я к Бенуа. Пронзительно звенит дверной колокольчик.
- Я больше не должен вас впускать, отвечает он из своей стеклянной будки, наклонившись к микрофону слишком близко. Я же в прошлый раз вам уже говорил.

Я показываю в сторону кассы и жестом даю понять, что не расслышал.

— Я говорю, я вас...

Я качаю головой и снова показываю на уши.

Вокруг его кассы стеной выстроились мешки с углем, и поэтому кажется, что он окопался и занял оборонительную позицию, защищаясь от нас. Рядом с углем погибают в ведрах букеты цветов. Я задерживаюсь у холодильника с энергетиками. Бенуа пытается не спускать с меня глаз, смотря в выпуклое зеркальце под потолком. Дверной звоночек снова тренькает.

- Бенуа! радушно приветствует его отец.
- Я только что сказал Брайану, что мне нельзя вам...
- И это тоже посчитай. Отец берет с полки с товарами по акции громадное шоколадное яйцо. Подарок для его брата.
  - Мы едем к Люсьену?

Отец прижимает ценник к защитному стеклу.

- За полцены, сообщает он, пытаясь отодрать большую красную наклейку. Вообще, можно и так оставить. Его брат все равно не разглядит.
- Да-да, как-то невнятно мямлит Бенуа, вбивая цену со скидкой.
- И перевяжи его вон той большой голубой лентой, его брату понравится.
- К сожалению, продукты по акции мы не упаковываем.
  - Красная тоже пойдет.
  - Так что не получится.
- Ты еще что-то хочешь? кричит па мне. Я отрицательно качаю головой. Сколько с нас?

Бенуа сглотнул, посмотрел на кассовый аппарат и ответил:

- Всего тридцать восемь двадцать пя...
- Вот, возьми, отец вытаскивает из внутреннего кармана своей кожаной куртки горсть монет и сваливает их все в монетницу. И вот это тоже. Из кармана

брюк он выуживает банкноту в десять евро, аккуратно разворачивает ее и разглаживает. — Может, все-таки украсишь эту штуку, чтоб было красиво?

- Сначала посчитаю, все ли верно.
- Мы, вообще-то, торопимся.

Бенуа начинает нервно раскладывать монетки.

Еще до того, как мы сели в машину, шоколад уже потек по пластиковым стенкам обертки. Отец шагает впереди меня. За ним развевается голубая лента.

- Давай, шевели ногами, Брай.
- Мы правда едем к Люсьену?

Бенуа вышел из магазина.

— Тут не хватает семь евро двадцать пять центов.

Отец разворачивается лицом к нему, но продолжает двигаться к машине спиной вперед.

- А ты хорошо посчитал?
- Здесь слишком мало.
- Не преувеличивай, па строит удивленную рожу.
  И мы немного торопимся. Его брат ждет нас.
  - Я должен доложить о случившемся.
- Ну-ну, какие слова! Вот так вы обращаетесь с постоянными покупателями? Отец замедляет шаг. Завтра донесу остальное.
  - Завтра я не работаю.
- Ага, ухмыляется па, тогда придется записать это на наш счет.

Мы выезжаем обратно на дорогу. Бенуа стоит у дверей. Отец по-приятельски машет ему рукой и поднимает вверх большой палец. Бенуа отвечает слабым движением руки.

— Почему мы едем к Люсьену?

— Я подумал, что можно и съездить разок.

Мой брат живет в кровати в получасе езды от нашего фургона. В последний раз мы его навещали перед его шестнадцатилетием, а до того, наверное, на рождественских праздниках. Все, что я помню, — он спал. А когда наконец проснулся, то смотрел только на рождественскую гирлянду на окне, танцующую огоньками по батарее. Мы никогда не ездим к нему в само Рождество или день рождения, чтобы не столкнуться с ма. Я надеюсь, что и сейчас мы ее машину там на стоянке не увидим.

Рядом с главным входом нас встречает мальчик с выпученными глазами. Большая часть его лица — это лоб. Темные волосы прядями вылезают через проемы в кожаном шлеме. Он смотрит на нас строго, будто знает, что мы уже давно тут не появлялись. Я каждый раз нервничаю, когда нам нужно заходить сюда. Боюсь, вдруг Люсьен разозлится, что мы долго не приезжали, или с ним что-то случилось, пока нас не было, а мы об этом не знаем. Но в основном потому, что это территория мамы, а не наша.

Здесь все стены на высоту примерно до пояса в царапинах, полосах и вмятинах от инвалидных кресел, колясок и больничных кроватей на колесиках. Вдоль всего коридора припаркованы кресла-каталки, которые снабжены всевозможными приспособлениями. Чуть подальше стоит тележка с прикрепленным к ней мусорным пакетом, подносами с едой и грязными тарелками. На голубом коврике в зале лежит мальчик и стонет в потолок. Его ноги вывернуты под невообразимым углом, как будто они от другого тела и их пришили к его туловищу по ошибке. С раскинутыми в стороны руками он ждет кого-то, кто упадет на него

с потолка, чтобы встретить его с распростертыми объятиями.

- Брай! - Па стоит в конце коридора. - Иди, посмотри сюда.

Автоматические двери начинают закрываться, но каждый раз снова открываются, потому что он стоит между створками. За ним статуя Девы Марии жестом призывает замедлиться, хотя здесь все и так очень медлительны.

— Палата Люсьена вель была злесь?

Весь дверной проем сбоку обтянут матовой пленкой. Когда где-нибудь в здании открывается дверь или окно, пленка с хлопком выгибается внутрь комнаты, а затем, шурша, снова заполняет проем. За ней сверлят. Силуэт человека толкает впереди себя тачку.

— Он, наверное, переехал? Так же нельзя, твоя ма должна была нам сказать.

Целлофан вокруг шоколадного яйца хрустит под его пальцами, которые еще крепче впиваются в него.

— Может, он где-то здесь?

Мы читаем таблички с именами, которые висят рядом с каждой дверью, за одной из них кто-то начинает выть.

- Спросим на стойке регистрации?
- Где же наш Люсьен? Па водружает шоколадное яйцо на стойку. Его комнаты больше нет, а нам ничего не сказали.
- Секундочку, отвечает женщина из-за стойки. Я сейчас освобожусь.

На бейдже написано, что ее зовут Эсме. Под ее блузкой скрывается такая грудь, что отец не сможет удержаться от сальных шуточек на ее счет. Глаза у него уже заблестели. Эсме ударяет указательным пальцем по кнопке «Ввод», отъезжает на своем кресле назад и поднимает на нас приветливый взгляд.

- Мы пришли навестить Люсьена.
- Люсьена Шевалье?
- Вот его брат.
- О... брат, произносит Эсме, но не смотрит на меня. А вы кто в таком случае?
  - Па.
  - А, ну конечно...
  - Он еще здесь?
- Да-да. Люсьена на время перевели в сто шестую.
   У нас внутренние пертурбации из-за ремонта.

Мы даже не успели спросить, где это, а она уже объясняла нам дорогу.

- Вот по этому коридору прямо, потом второй поворот направо, и там вам нужна третья дверь с правой стороны.
- Отлично, говорит па, метнувшись взглядом к ее бюсту. Кажется, про себя он уже сочинил шутку: лицо у него растянулось в довольной ухмылке. Он постучал по голове, давая понять, что все запомнил. До скорого.

В каждом коридоре висит фотоколлаж супергероев комиксов, но на месте лиц приклеены фотографии обитателей этого места.

- Ух ты, господи, ухмыляется папа. Вот уж два бурдюка.
  - Что?
  - Ой, да между этих титек можно пикник устраивать!
- Сто один, громко оглашаю я. А вот сто три. Нам надо на другую сторону.
- Ну посмотрим, пробормотал отец, если он спит, то мы ненадолго.

Табличка Люсьена украшена голубыми и желтыми каракулями. Вероятно, кто-то из персонала умудрился вложить ему в руку фломастер.

— Да ведь? — Отец уже взялся за щеколду и посмотрел на меня. — Брай?

Я киваю. С той же решительностью, с которой он когда-то выдирал мои молочные зубы, отец распахивает дверь. Жалюзи застучали по открытому окну. С потолка на веревочках свисают сложенные из бумаги птицы. А под ними лежит Люсьен. Жесткие волосы у него на затылке, как всегда, непослушно топорщатся. Тело распластано на одеяле, он весь развернулся в другую сторону и не смотрит на нас. С нашего прошлого визита он еще больше разросся и приблизился к краям койки. В нем меняются какие-то мелочи. Брови становятся больше, нижняя губа дальше выпячивается вперед, словно кропильница в церкви. Вдоль волос у него прыщи.

— Люсьен? — Брат приоткрывает глаза. В уголке глаза засел желтоватый комочек ото сна. Мама бы сразу вытерла. — Ты Люсьен, — говорю я, чтобы напомнить ему, кто он такой. — Мы снова тут, — я стучу себе в грудь. — Брайан и па.

Я двигаюсь, не отрывая подошв от пола, дальше в сторону, чтобы нам обоим хватило места у кровати. Но па ближе не подходит. Он стоит за мной, облизывает губы, нервно кашляет. Я делаю еще шаг в сторону и жестом показываю ему, чтобы он подошел и встал рядом.

— Мне и здесь хорошо, — говорит он и вкладывает мне в руку шоколадное яйцо. — Это для твоего брата.

 $\mathbf{S}$ уже взял у него подарок, но мне хочется, чтобы он вручил его сам.

- Давай ты сам, шепчу я, пытаясь отдать яйцо ему обратно.
  - Нет-нет, у тебя это лучше получается.

Он прячет руки в карманы куртки. Люсьен косится на нас. Пару секунд я держу яйцо так, чтобы он видел,

а затем ставлю на его тумбочку. Люсьен поймет, что такое шоколад, только когда попробует его.

— Уже несколько месяцев прошло.

Я хочу до него дотронуться, только не знаю, где лучше, так что пока держу руки на краю койки. В изголовье у него висит магнитная доска, на которой закручивается по краям фотография Люсьена в инвалидном кресле. Мама сидит рядом на корточках. Ее колени согнуты, живот превратился в два небольших валика, волосы собраны в хвост, а в руках она сжимает сумку, которую, кажется, носит уже целую вечность. Над этой фотографией — новая, на ней ма уже с Дидье. Как и на всех их совместных фотографиях, он ее обнимает, она прижимается щекой к его щеке, чтобы показать нам, как сильно он ее любит. Диииии-дьеееее, па всегда произносит его имя, растягивая гласные, будто ноет.

Их с Дидье снимки она всегда вешает в середину. Из-под них выглядывает половина фотографии, на которой запечатлены все обитатели этого места вместе с Люсьеном. Перед входом в парк аттракционов. Все смотрят в камеру, кроме моего брата. Единственное фото, на котором он улыбается, — это то, где чьи-то руки держат у его щеки морскую свинку.

В правом нижнем углу моя фотография. Магнит перекрывает мне половину лица. Такую же фотографию ма носит в кошельке. Только что выпал передний зуб. Гладко прилизаны гелем волосы. Я помню, что тогда чувствовал себя очень взрослым, так как только что проколол ухо. А сзади у меня болтался этакий крысиный хвостик из волос. Но на фотографии этого не видно.

— Смотри, — обращаюсь я к Люсьену, — таким вот я был.

Я сразу ощущаю знакомую неловкость, когда говорю с ним. В основном потому, что он не отвечает. У взрослых

это лучше получается, хоть и кажется, будто они разговаривают с собакой.

Люсьен зевает бумажным птицам, которые плавно покачиваются под потолком с того момента, как мы вошли.

— Давайте сделаем посветлее?

Па тянет за веревочку жалюзи. На всех окнах есть специальный зажим, чтобы они не открывались полностью и никто не вывалился наружу. Теперь видно, что на улице лето, но нигде оно не кажется таким далеким, как у койки Люсьена. Как во всем здании, в общем-то. Запах открытого бассейна здесь можно почувствовать разве что в ароматизаторе средства для мытья пола.

От внезапно яркого света Люсьен зажмуривает глаза, затем открывает их и быстро-быстро моргает. Потом все-таки совсем открывает, будто забыл, почему зажмурился.

За окном на выжженном солнцем поле играют в теннис две девушки. В основном они только подбрасывают мяч. Их ракетки каждый раз слишком поздно бьют по воздуху, всегда мимо. Затем они ищут резиновый теннисный мячик, поднимают его и снова подбрасывают. Они обе усердно сгибают колени и глядят очень сосредоточенно. Одна сжимает двумя руками ручку ракетки, другая отложила свою ракетку в сторону и обеими руками подбрасывает мяч. Удар. Мимо. Поиски в кустах.

— Думаю, что твой брат хочет поспать.

Па берет Люсьена за стопы — единственную часть тела, укрытую одеялом, — отчего он как бы и касается его, но в то же время и не дотрагивается.

Пойду кофе возьму. — Он зашаркал к двери. — Скоро вернусь.

Он побил собственный рекорд: обычно ему удается продержаться дольше, прежде чем он уйдет.

— Люсьен, — говорю я, — хочешь шоколада?

Лента туго обтянута вокруг яйца, я стягиваю ее для брата. Шуршание целлофана будит его любопытство, голова поднимается из вмятины на подушке.

— Смотри, — говорю я ему и костяшками пальцев разбиваю шоколад на кусочки, — это тебе.

Я держу перед ним обломок яйца.

— Хочешь попробовать?

Люсьен начинает раскачиваться, и я кладу шоколад ему в рот. Его неровные зубы мельче, чем я помню, наверное, потому, что его голова опять стала больше. Он сосет шоколад, жует и чавкает. Одновременно он поднимает руки и медленно начинает двигать пальцами, будто играет на невидимом пианино.

- Ще-ще-ще! сердито выкрикивает он.
- Еше хочешь?

Я, дразнясь, показываю ему еще кусок. Он очень широко открывает рот, и я боюсь, что в уголках он может порваться. Так что я быстрее кормлю его. Когда он еще жил дома, я понимал, что он имеет в виду сво-им бормотанием: на столе стояла еда, до которой он не мог дотянуться, или он замечал пылесос, которого боялся.

Брайан, — показываю я ему как надо, — скажи:
 Брайан. Тогда дам еще кусочек.

 ${\bf Я}$ забираюсь на широкий подоконник. Пятками слегка бью по батарее.

— Брайан, — повторяю я, — Бра-йан.

Вдруг он начинает метаться из стороны в сторону так сильно, что колесики под ножками его кровати нещадно скрипят. Люсьен вытягивает руку в моем направлении. Его пальцы хватают воздух.

— Ты понял? Ты вспомнил, кто я? — Я показываю на себя на магнитной доске. С мучительной гримасой на лице он пытается выглянуть на улицу, его взгляд

скользит мимо меня. — Хочешь посмотреть, как они играют?

Я оборачиваюсь и подпрыгиваю от испуга. К стеклу прижалась щекой девушка.

— Кто это?

Она прикладывает к стеклу другую щеку, оставляя на окне носом жирный отпечаток. Люсьен издает звук, какого я еще ни разу от него не слышал. Он воет. Волосы девушки завязаны в хвост на затылке, но два черных локона спускаются, словно занавески, вдоль ушей. Она медленно слизывает пыльцу со стекла, оставляя чистые пятнышки. Затем отклоняется назад, держась обеими руками за подоконник, чтобы оценить результаты своих усилий.

— Ты с ней знаком?

Кажется, только в этот момент она заметила меня и улыбнулась. Я не уверен, живет ли она здесь или, как и я, пришла навестить кого-то.

— Это твоя девушка?

Люсьен просто захлебывается в собственном энтузиазме. В белках его глаз набухли красные жилки, он давится воздухом и судорожно выдыхает его обратно.

Девушка машет ему двумя руками. Я похлопал Люсьена по спине, и он притих. Девушка ушла. Люсьен снова закашлялся. Повсюду капли яблочного пюре: на губах, на подбородке и на футболке.

— Тихо-тихо, не подавись.

Я беру его кружку с тумбочки и вставляю узкое горлышко для питья ему в рот. Он отчаянно трясет головой.

— Тише-тише.

Он пытается оттолкнуть кружку, которую я держу перед ним. Я надеюсь, что кто-нибудь, кто может помочь, пройдет по коридору мимо палаты, потому что я боюсь оставить Люсьена одного, пока буду бегать

за помощью. К счастью, его дыхание постепенно выравнивается. Налетает еще один приступ кашля.

— Все нормально?

Он пытается что-то сглотнуть. Я подношу кружку с водой к его губам. Он отпивает пару глотков и отворачивается.

- Дай знать, если еще захочешь, говорю я и ставлю кружку на подоконник так, чтобы ему было видно.
- Это ведь была твоя девушка или типа того? Я выглядываю проверить, не спряталась ли она под окном, но обнаруживаю там только поросшие мхом плитки и полоску позеленевшего гравия. Она часто вот так приходит?

Ответа, конечно, не последовало.

У дверей послышалось шарканье, и я подумал, что это па с кофе вернулся. Или кто-то из персонала. Ручка двери опустилась, так что там точно кто-то есть.

- Здравствуйте, — говорю я. В дверь заглянула лизунья окон. — Это ты?

Хихикнув, она снова прячется.

— Ты можешь войти.

Дверь распахнулась, ударившись ручкой об ограничитель на стене.

- Вот она я! воскликнула она, подняв обе руки вверх. Ее уже нельзя назвать девочкой, но еще нельзя назвать женщиной. Такая «девщина», у которой уже есть грудь. На ней юбка, похожая на абажур, а одна нога завернута внутрь, из-за чего кажется, что левая нога все время норовит подставить подножку правой. У кровати Люсьена она останавливается. Уставившись на меня, она будто пытается проникнуть ко мне в голову через зрачки.
  - Брайан, сказал я, меня так зовут. А тебя?
  - Щелма.

- Привет, Щелма.
- Не-е-е-ет, Щ-щ-щелма.
- Шелма?
- Не дразнить! Щел-ма!

Она вытаскивает свою футболку с Минни-Маус изпод юбки и задирает ее до подбородка. Под футболкой у нее черная майка, с которой она срывает нашивку с именем.

— Гляди, — сердито приказывает она.

Та сторона, на которую приклеивается нашивка, вся в черных катышках. Она прикладывает наклейку обратно к груди и прижимает.

- Должна клеиться.
- Селма, читаю я вслух.

Она довольно кивает.

— Ты тоже живешь здесь?

Ее лоб собирается в складочки.

- Я почти новенькая.
- Как давно ты тут?
- Длиннее, чем неделю, неожиданно громко отвечает Селма. В ее исполнении все слова звучат как будто более выпукло, чем когда я сам их произношу.
  - Две недели?
  - Длиннее!
  - Месяц?
- Может быть. Она запрокидывает голову и смотрит на меня так, будто я должен знать ответ. Раньше я жила с бабушкой.

Люсьен, насколько мог, развернулся в нашу сторону.

— Его я уже знаю, — говорит она и неловко ковыляет мимо меня к кровати. — Я же тебе нравлюсь, да?

Люсьен воет.

— Я же тебе нравлюсь, да?

Она берет его лицо в руки и сжимает щеки, так что губы складываются в трубочку. На мгновение я испугался,

что она его сейчас поцелует. Ресницы Люсьена трепещут от испуга, когда она проводит большими пальцами под его глазами.

- Ему так не нравится, говорю я.
- Нравится-нравится.

Теперь Селма гладит его закрытые веки. Мышцы шеи у Люсьена напряглись. Кажется, он хочет вырвать лицо у нее из рук. В то же время его пальцы расслабились и постепенно разгибаются из состояния согнутых веточек, начиная выглядеть как нормальные. Когда Селма вдруг отпускает его лицо, Люсьен падает обратно на подушку.

- -Xм-м-м, хм-м-м, губы растягиваются в кривой, словно банан, улыбке.
  - Это мой брат, сообщаю я.

Селма оборачивается ко мне и упирается кулаками в бока. В это время Люсьен пытается звуками и жестами снова привлечь ее руки к своему лицу.

- Нет, строго отвечает Селма. Мне нужно работать. Одной рукой держась за поручень кровати, а другой за мое плечо, она протискивается мимо.
  - Ты придешь еще?

Она прошаркала по комнате и вышла в коридор. Люсьен вытягивается, чтобы посмотреть ей вслед.

— Ушла, — говорю я, — хочешь еще шоколада?

Люсьен опускается назад, его пальцы беспокойно закапываются в простыню.

— Хочешь, сделаю так же, как она?

Я беру его лицо в руки и сжимаю щеки, пока губы не складываются в трубочку. Я чувствую, как двигаются его челюсти. Может, я слишком осторожничаю. Большими пальцами я глажу у него под глазами. Некоторое время я делаю это, и, когда отпускаю, его голова откидывается назад. Но в этот раз он не улыбается.

В коридоре ее уже нет. А па наверняка застрял в курилке.

- Тебя-то я и искал, сразу выдает он, когда я вхожу. Как раз собирался идти в вашу сторону.
  - Люсьен снова заснул.
- А... тогда сидеть тут смысла нет. Он наклоняется к аппарату с кофе. Хочешь?

Я отрицательно качаю головой. За столом в углу сидит пожилой лысый мужчина с окладистой бородой, подстриженной полукругом. Он трет указательным и большим пальцами друг о друга так, словно пытается разжечь огонь. Ногтем указательного пальца другой руки он постукивает по столу. Видимо, он умеет читать, потому что перед ним стоит согнутая пополам картонка, на которой крупными буквами написано: ЖАК, ТЫ МОЖЕШЬ ВЫ-КУРИТЬ ОДНУ СИГАРЕТУ В ЧАС. Его походный будильник показывает начало первого. Автомат с кофе плюется и затихает. Па нетерпеливо жмет на синюю кнопку, пока машина снова не начинает жужжать.

— Эти скряги так его настроили, что он никогда не наливает целый стаканчик.

Кофе переливается через край.

— Вот это я называю нормальной чашкой кофе.

Мимо проходит медсестра, я вылетаю в коридор.

— Зубида!

Когда она оборачивается, ее пластиковые тапки скрипят об пол.

- О, Брайан, давно не виделись, - она сдержанно улыбается па.

Зубида — моя любимая медсестра.

- Я думал, вы тут больше не работаете.
- Работаю, работаю. Она провела рукой по животу. Я стала мамой, так что...
- Замечательно, говорит па, надеюсь, вы понимаете, во что ввязываетесь, и толкает меня в плечо.

— С этим советом вы уже опоздали...

Проходит пара секунд, прежде чем до па доходит, что Зубида тоже пошутила. Но когда он понял, его смех прокатился по коридору так громко, что все на нас обернулись. Зубида мне подмигнула.

- Мне надо идти, сказала она. И, как всегда, когда мы видимся, она на секунду дотрагивается до мочки моего уха, как будто это еще можно как-то поправить.
  - Выглядит круто, говорит она. Пока.

Кажется, я покраснел. Вместе с па я пошел к выходу.

— Ну что, вот и навестили.

Па вскидывает руку в знак прощания, проходя мимо женщины за стойкой регистрации, но она смотрит в монитор.

2

Солнце стоит высоко. Нашим коротконогим теням приходится поторапливаться, чтобы поспеть за нами. В углу парковки вокруг своих автобусов сидят на корточках рабочие. Один из них с клокочущим звуком вливает в себя бутылку воды практически целиком, а остатки со дна выливает соседу за шиворот. Рядом присел на корточки другой парень. Похлопав руками и подняв целое облако белой пыли, он отломил кусок хлеба от ломтя, лежавшего между ними на полиэтиленовом пакете.

— У вас есть минутка? — Я сначала даже не осознал, что голос обращается к нам. — Господин Шевалье?

За нами идет мужчина, держа в левой руке папку.

— Кто спрашивает?

- В каком смысле?
- Кто вы такой?

Под подбородком у этого мужчины выпирает второй подбородок. А под тем еще один.

- Сантос, тяжело выдыхает он. И поднимает руку в знак приветствия. Я новый заведующий.
  - Ах вот как, заведующий, значит...
- В регистратуре мне сообщили, что к Люсьену приходил отец, он говорит это таким тоном, будто речь идет о ком-то третьем.
  - Ну, мы вообще приходили, э-э-э...

Па жмет на кнопку на ключах от машины, чтобы разблокировать двери, но она стоит слишком далеко, так что не начинает нетерпеливо мигать фарами, как обычно.

- Я не займу много времени. Речь идет о Люсьене.
- Тогда вам лучше поговорить с его матерью.
- Да-да, мы с вашей женой уже по...
- Бывшей женой.

Па скрещивает руки, так что кожаные рукава скрипят в месте сгиба.

- Извините, конечно, безусловно, с вашей бывшей женой.
  - Если вы насчет денег, то вам к ней.
  - Нет, я хотел поговорить о другом.
  - На этот счет тоже к ней.

Неподалеку стоит контейнер, по которому с треском и грохотом с самого верхнего этажа спускают строительный мусор.

- Из личного дела Люсьена я понял, что вас не лишили родительских прав.
- Послушайте, начал па, мы наших мальчиков поделили полюбовно и без скандала.

Он наклонился к Сантосу.

— И это был ее выбор. Ей Люсьен, мне Брайан.

- Речь идет о паре недель летом, неуверенно произнес Сантос. — Так как ваша бывшая жена на данный момент не располагает возможностью, ввиду ее свадебного путешествия, она сказала нам...
  - Свадебного путешествия?
  - Моя мама выходит замуж?
- Ну... Да ведь? Он раскрывает и тут же захлопывает свою папку. Такую информацию я получил от нее.
- За Дидье? спрашиваю я. Они уже поженились?
- Полагаю, что так. Папку он держит перед собой, словно щит. Как я понял, они едут на месяц в свадебное путешествие.
- Месяц? па рассмеялся, часто вздыхая *ox-ox-oo-oox*, так же, как когда он смотрит смешные любительские видео, где кто-то получает по морде.
  - Прошу прощения, я был уверен, что вы оба в курсе.
- То есть пока она прохлаждается где-то на пляже, Люсьен тут должен сам как-нибудь? Вариться в собственном соку?
  - Я бы не называл это так, сказал Сантос.
  - Это его мать вас попросила нам об этом сказать?
- Нет-нет, конечно, нет. Мой вопрос связан с ремонтом. Вы, наверное, тоже заметили, что нам необходимо модернизировать помещение. Сантос рад, что может сесть на своего конька. Пространство комплекса сформировано еще во времена, когда на этом месте был монастырь. Сейчас оно больше напоминает больницу, чем пансион. Мы хотели закончить еще в мае, но в таком деле без сюрпризов не обойтись. Это притом, что мы постарались учесть все подводные камни, когда планировали ремонт. Мобильных обитателей нашего комплекса мы смогли пристроить в организации, с которыми сотрудничаем в нашем регионе. Но места там

предоставили только на ограниченное время. А у нас все еще не хватает кроватей. Поэтому я хотел спросить, не могли бы вы забрать Люсьена домой на лето?

- Ух ты! Па поднимает руки. Мы тут появляемся не часто, и мальчик едва ли знает, кто мы такие. А теперь вот так пролежать у нас целое лето? Мы скромно живем. Две собаки. Брай. Я. И кстати... Он до конца застегивает молнию на куртке, потом снова опускает бегунок до середины. Мне надо работать.
- Хорошо, заведующий улыбается бессмысленной улыбкой. Мне все ясно.
- И снова за ваши ошибки приходится расплачиваться родителям. Па крутит на пальце брелок с ключами от машины. Вот что бывает, когда нанимаешь самого дешевого подрядчика.
- Ну, тут вы не правы, отражает удар Сантос, эти люди отлично делают свое дело. И наш подрядчик понимает всю срочность ситуации. Кроме того, тем родителям, кто согласится помочь, мы готовы оказать финансовую поддержку.

Сантос посмотрел на часы.

- Спасибо, что уделили мне минуту. Я попробую найти другое решение, он простился едва заметным кивком. Ах да, мама Люсьена пока недоступна, так что мы не сможем сообщить ей, куда мы переведем его. Могу я сообщать о решениях касательно вашего сына вам?
  - Что?
- Могу ли я сообщить вам, куда мы переведем Люсьена?
- Да-да-да, говорит па, конечно, конечно. Пожалуйста.

Сантос вынимает из нагрудного кармана рубашки ручку и что-то быстро пишет на желтом стикере.

- А в чем она выражается?
- Что?

— В чем выражается эта финансовая поддержка? Ваших подрядчиков?

Сантос открывает ежедневник и клеит стикер на форзац.

— Дело в том, что многие родители вынуждены взять отпуск или отгул на работе, чтобы ухаживать за ребенком дома. Часто это связано с непредусмотренными дополнительными расходами. Поэтому подрядчик предлагает покрыть эти непредвиденные траты.

Когда Сантос уже почти развернулся, чтобы пойти обратно ко входу в здание, па вдруг спрашивает:

- И какую выплату они предлагают?
- Мы называем это именно возмещением расходов, компенсацией.
  - Так сколько?
- На этот вопрос я вам прямо сейчас не отвечу. Зависит от сроков.
  - Ну хоть примерно.
  - Чуть больше двухсот тридцати восьми евро.
  - 3a?..
  - Что?
  - За месяц?
- Нет, в неделю. Сантос указывает на вход. К сожалению, мне действительно пора идти.
- Но ведь самое важное, чтобы моего мальчика перевели в хорошее место, ведь так?
- Это всегда самое главное, сказал Сантос, и мы над этим работаем.

Па уперся кулаками в бока, затем снова скрестил руки на груди.

- Ну а если бы мы все-таки смогли забрать его на время?
- Это очень мило с вашей стороны. Но в случае с Люсьеном есть несколько запасных вариантов, куда я могу обратиться.

— Месяц, думаю, мы сможем осилить.

Кажется, что от этого разговора у Сантоса немного закружилась голова.

- Вы же только что сказали, что у вас мало места? И что вы должны работать. И что Люсьен больше общается с матерью.
- Это из-за нее я так редко приезжал. Люсьен же не должен теперь за это расплачиваться?
- Это верно, ребенок не должен страдать из-за конфликта родителей.
- Я же его папа, разве нет? И мальчикам вместе будет хорошо. Па вдруг притянул меня за шею к себе и потрепал костяшками пальцев по макушке. Этот парень свободен все лето. Чего уж лучше для Люсьена? Я вырвался из его цепкой хватки.
- Послушайте, давайте я буду с вами откровенен, уверенно начинает Сантос, но затем колеблется, эта финансовая поддержка... она ни в коем случае не должна быть мотивацией забрать Люсьена домой. И э-э-э... Но тут он замолчал и не сказал больше ничего.
- Люсьен мой сын! И Брай сейчас на каникулах. Так что он всегда будет под присмотром.
- А ваша работа? Ваш сын нуждается в постоянном уходе. А те условия, которые вы описали?
- Вы прямо набросились на меня... Для родного сына у меня всегда найдется кровать. Иначе и самому можно на улице поспать. Ведь это так здорово, что мальчики смогут пообщаться подольше.

Казалось, что и Сантос, и па — оба ждали, что ответит другой.

— Ну что, договорились?

Сантос игнорирует протянутую ему руку, копаясь в бумагах.

— Мне нужно обсудить это с коллегами. И пройти некоторые формальные процедуры.

Розовые пальцы заведующего вытащили из папки бумагу, Сантос просмотрел документ и перевернул.

- У нас в системе есть ваш актуальный номер телефона?

Па проверяет номер на бумаге, пока Сантос называет цифры.

- Последняя семерка или единица? обращается он ко мне.
  - Ты же говорил, семь?
- Тут должна быть семерка. Па берет у Сантоса из рук ручку и рисует большую семерку сверху. Спросить Шевалье.
- Хорошо. Теперь Сантос коротко пожал па руку. Будем на связи.

Владея собой, папа проезжает по территории и включает поворотник, когда мы съезжаем на главную дорогу. Чуть дальше он даже кого-то пропускает. Пока нас никто не может услышать, он тихо говорит мне:

— Всего пару недель. Вам же здорово будет? И это наверняка не так сложно. Твой брат ведь только и делает, что лежит в постели. Покормить яблочным пюре с ложечки раз в пару часов, может чаще, если он захочет. Попоить из бутылочки. Все по расписанию. Помыть в душе, когда подгузник наполнится. Он наверняка какает по часам, так что мы посадим его на горшок, и останется только дождаться, пока все выйдет. Он же никуда не торопится. Поставлю ему рядом с кроватью телевизор, пусть параллельно смотрит. И оп-ля, снова вечер. Глазки протереть, зубки почистить и на боковую. Просто же?

— Мхм-м-м-м...

На асфальте лежит блинчик из кролика. Когда мы подъезжаем, от сплющенного тельца во все стороны

разлетаются птицы. Вороны не отрываются от трапезы дольше всех и первыми возвращаются на дорогу. Обычно па останавливается, если кто-то сбил кролика, но он не сильно поврежден. Тогда я должен выйти посмотреть, не слишком ли много у него в глазах насекомых. Если нет, я беру его за уши или задние лапы и бросаю в кузов: дома мы заморозим его для наших собак.

Примерно каждые пару километров мы обгоняем какой-нибудь чадящий трактор или маленький грузовичок без номерных знаков. Они все едут в ангары Синт-Арнака. А иногда в следующую деревеньку. Башни из тюков сена на качающихся прицепах опрокидываются на поворотах. Па дважды жмет на клаксон прежде, чем мы догоняем машину. За рулем грузовика сидит парень моего возраста, боясь посмотреть в нашу сторону, пока мы проезжаем мимо.

- Покажем кое-что твоей ма.
- Что?
- Как мы отлично справляемся втроем. Что я хороший отец. Свободной рукой он проводит по пустующему креслу трехместного переднего сиденья нашего пикапа.
  - А ты знал, что ма собирается выйти за Дидье?
  - Если бы знал, то и тебе уже давно рассказал бы.

Моя мать вышла замуж, а я даже ничего не знал. Может, я в тот момент сидел на какой-то заправке в машине, ждал и пытался поймать какую-нибудь волну по радио. А может, она произнесла «да», пока я ехал на велосипеде домой из школы. Или прыгал в ручей. Или читал комиксы.

Я кручу ручку с моей стороны двери, открывая окно, от чего раздается скрип резины.

— Да ведь? — спрашивает па, перекрикивая врывающийся в машину ветер.

— Да! — кричу я в ответ, хоть и не услышал, о чем он спрашивал.

Костяшки его пальцев врезаются мне в левое плечо.

— Брай?

Еще удар. Он так же колошматит по автоматам с газировкой, пока оттуда не вывалится бесплатная банка, и он продолжит меня колотить, пока не выбьет ответ из меня.

— Правда же?

Еще удар.

- A то! кричу я.
- A то, повторяет за мной па. Он несколько раз кивнул и еще что-то сказал, но что я уже не могу разобрать, потому что высунул голову в окно.

3

Правый ботинок у меня просит каши, оторванная подошва каждый раз зачерпывает горсть песка. Па высадил меня из машины, чтобы я пешком дошел домой и пожарил яйца. Сам он поехал купить картошки фри. В кустах я замечаю какое-то копошение и останавливаюсь. Это серый воробей пытается продраться сквозь листву. Под кустами лежит мусор, из которого торчат осколки плитки для ванной и куча упаковок с рекламными листовками. На колючих ветках болтаются синие лоскуты мусорного мешка, содержимое которого разлетелось. Мне осталось только пересечь небольшой ручей и подняться между кустами терновника. Оттуда я уже чувствую запах бака для сбора стеклотары. Он стоит на повороте с главной дороги на грунтовку, ведущую к нам.

Перед ржавыми воротами стоит какая-то незнакомая машина. Мужчина за рулем посмотрел на меня, отвернулся и уставился себе на колени. Когда я прохожу мимо, он открывает дверь автомобиля и выхолит.

- Извини, обращается он ко мне, я ищу Мориса.
  - Он уехал.

Белая рубашка в голубую клетку, брюки поддерживает плетеный кожаный пояс. Острый нос, редкие темные волосы с проседью. Такие люди редко сюда захаживают.

- Но он ведь тут живет?
- Возможно.
- В каком смысле?
- Зависит от того, зачем он вам.
- Кажется, здесь можно что-то арендовать, он показывает объявление, которое мы повесили на доске в супермаркете.
  - Вы не должны были срывать его.
- О, прости, он посмотрел на бумажку так, будто только сейчас заметил, что держит ее в руке. Мне нужно было что-то, на чем можно писать. Я повешу его обратно.
- Но если вы арендуете трейлер, то можете не вешать.
  - Если только на какое-то время.
- На какое-то время... повторяю я вслед за ним. Пауза важнее слов, которые ты произносишь. Это па меня научил. На пассажирском сиденье я замечаю две коробки для переезда. Из-под сидений выглядывает черный экран телевизора. Дяденька в беде. Наверняка может заплатить по полной стоимости.
  - На какое время?
  - Зависит от того, что здесь есть.

Я пожал плечами и притворно зевнул, чтобы потянуть паузу.

- Думаю, на пару дней... он бросает на меня косой взгляд. Думаю, этого будет достаточно.
  - На пару дней?
- Но лучше подольше. На пару недель, если возможно. Все это очень неожиданно.
  - На пару недель, если возможно...

Я поднимаю вверх брови. Па говорит, повторять это важно. Тогда кажется, что ты отвечаешь, и твой собеседник думает, что снова его очередь говорить. «В школе тебя ничему не научат. Слушай меня, тогда узнаешь, как с людьми договариваться. А это самое важное. Когда у тебя мало денег, надо чтобы вещи стоили подешевле. Тогда ты сможешь удержаться на плаву, если я вдруг коньки отброшу». Па часто задает вопросы только для того, чтобы самому на них ответить. «Всегда помни: ты бы приехал сюда жить ради вида из окна? Нет, конечно. Те, кто сюда приезжают, не могут позволить себе ничего лучше». Все это я уже знаю наизусть. «У этих людей проблемы, у них нет дома, они не хотят ехать в отель...» У па есть стратегия, как обходиться со съемщиками: делать длинные паузы, думать долго, давая понять, что все не так просто. Озираться по сторонам, тянуть время. «Терпение, только терпение, повторяет он каждый раз, будто это единственное, чего мне не хватает. — Чем быстрее ты разговариваешь, тем меньше получишь».

Мы прошли несколько метров.

- Может, на месяц.
- На целый месяц?

Я окидываю взглядом окрестности: сараи, трейлеры, транспортные контейнеры и ангары Черного Генри и Жана. Стены с железными заклепками практически целиком скрылись за дровницами, прикрытыми

гофрированными листами железа, на которые сверху взгромоздились булыжники, призванные не дать ветру разворотить всю конструкцию. Когда мы только переехали сюда, Жан периодически ездил тоже на каком-то куске железа, но вот уже вторую зиму его скутер «Пьяджо» стоит на сдутых шинах в зарослях крапивы.

— Это непросто, непросто, — тяну я. Мы сдаем только один трейлер, но я веду себя так, словно перебираю в голове все возможные варианты размещения, и медленно отрицательно качаю головой. — Очень непросто.

Мужчина посмотрел на собачью клетку рядом с нашим трейлером. Рико и Рита лают так, словно сейчас легкие наружу выплюнут. Они подпрыгивают и по очереди пытаются схватить зубами прутья решетки сверху. Гости у них не в почете.

Мужчина складывает руки на груди. Он смотрит на меня, но не выпускает собачью клетку из поля зрения.

- А что Морис?
- A что он?
- Мне его подождать? Может быть, он знает, есть ли места?
  - Морис это мой па.
- Как ты думаешь, во сколько примерно он вернется?
   Я смотрю на часы у него на запястье, тонюсенькая золотая стрелка плавно скользит сквозь секунды.
  - Еще не скоро.
- Может, я тогда в машине подожду? Или ты думаешь, что все равно ничего не выйдет?
  - Вам на месяц, так?
  - Если возможно.
  - Пойдемте со мной. Как вас зовут?
- Эмиль, отвечает он, явно чувствуя себя немного не в своей тарелке.

В ангаре завизжала болгарка. Генри не видно, только искры летят в темноте во все стороны.

- Я Брайан.
- Ясно. А здесь есть еще дети?
- Не очень много. А что?
- Да так, просто спросил.
- Мне только что исполнилось шестнадцать, прибавляю я себе три года. Так что мне тут и без детей хорошо.
  - У тебя каникулы?
  - Только начались.
  - А ты где живешь?
- Вон там, я машу куда-то назад. Вы один? спрашиваю я, опережая его следующий вопрос. Или с кем-то?
- Это все немного... Эмиль пожимает плечами. Я такого не ожидал. Впервые он посмотрел на меня прямо и смущенно улыбнулся. У меня, знаешь ли, остались рыбки.
  - Рыбки?
  - Да ничего особенного. Так, аквариум небольшой. Руками он примерно показал размеры.
  - Скалярии?
  - Нет-нет.
  - И что, он в машине?
- Эти рыбки переживут. В такую погоду вода охлаждается не слишком быстро, в машине уж точно. Так что все в порядке, говорит он, убеждая в первую очередь самого себя.
  - Можно мне посмотреть?
- Может, сначала мы?.. Он показывает на трейлер, стоящий спиной к пустому бетонному бассейну. Это он?

По стене расползается вверх зеленая плесень. Наклейки из парков аттракционов и курортов поблекли и отклеились по краям. На окнах засаленные занавесочки.

— Здесь кто-то живет?

- Сейчас нет. Мы не сдаем его на тот случай, если кому-то надо будет срочно переночевать.
  - И с кем такое может случиться, позволь спросить?
  - С остальными.
  - Что ты имеешь в виду?
  - Они на вас не похожи.

Па никогда не рассказывал мне, что делать, если другие молчат.

— Недавно тут был какой-то Арафат с двумя детьми и женой в парандже. Но они съехали через две недели.

Эмиль как-то отрешенно кивает.

- А до них парень, у которого были проблемы с налоговой. Он исчез неожиданно, оставив здесь кофемашину и все свои вещи. Даже грязные трусы.
  - И что?
  - Больше мы его не видели.
  - А...
- Уже год прошел, не волнуйтесь, мы уже все прибрали. Кофе-машину оставили.
  - Кофе-машина у меня тоже есть.

Я показываю, как открыть дверь. Наружу вырывается теплый застоявшийся воздух.

— Осмотритесь тут, если хотите.

Встав одной ногой на алюминиевую подножку, он заглядывает налево, потом направо. На макушке у него лысина размером с подставку под пиво.

— Если включить свет, будет лучше видно.

Ногой я отпихиваю кусок изоляционного материала, отвалившегося сбоку.

- Это только на время, говорит Эмиль, обращаясь скорее к самому себе, чем ко мне. Закрывает и снова открывает дверь. Крутит ручку. От нее тоже есть ключ?
  - Она только изнутри закрывается.
  - A...
  - Сюда, кроме нас, никто не заходит.

Эмиль еще раз окидывает взглядом помещение.

— Берете?

Он как будто кивает, это движение можно понять как «да» или «может быть». Или как «нет».

— Есть кондиционер.

Эмиль еще раз проверяет, как работает замок, осматривает его с внутренней стороны.

Па должен его еще подлатать, кондиционер этот.
 Но там ремонта на пять минут.

Я тыкаю в алюминиевый ящик для инструментов.

- Думаешь, твой отец не будет против моего аквариума?
  - Конечно, нет.
- Надо его дождаться, наверное? Или я могу с тобой договориться об аренде?
  - Сто евро в неделю, выпаливаю я.
  - O-o-o...
- Без залога. Я не очень знаю, что это такое, но па всегда так говорит. Плата вперед.
  - Цена у вас кусается.

Его взгляд задерживается на моей разорванной мочке уха.

— У меня была сережка.

Он кивает, как будто я застал его врасплох.

- Машину можно здесь оставить, и, если что-то будет нужно, обращайтесь.
  - Hy...
  - Дешевле тут в округе не найдете.

Этот трейлер вообще-то не совсем наш. Он принадлежит двум братьям, у которых была фирма по сносу зданий. Это они начали строить тут бассейн на заднем дворе. Сейчас там только бетонный мешок с пленкой засохшей слякоти на дне. С тех пор как братьев упекли, мы и сдаем этот трейлер. Я слышал, как Генри говорил, что те использовали его, чтобы девчонок водить. Два года

назад, когда мы сюда переехали, Жан и Черный Генри уже жили здесь. Они утверждают, что еще задолго до нас выкупили его. У па на это денег не было. Поэтому он получает часть прибыли, утрясая все вопросы со съемщиками, улаживая проблемы и занимаясь по мере необходимости мелким ремонтом. И он же собирает и распределяет деньги.

4

На столе стоит разорванный бумажный пакет из забегаловки Ногтя. Вообще-то это место называется «Снэк Пэлас», но мы зовем его Ноготь, потому что у Армана, хозяина заведения, на пальце ноготь длиной не меньше сантиметра. Когда покупаешь у него сосиску, он протыкает этим ногтем шкурку и проводит им по всей длине. Можно выбрать одну из трех бутылок с соусом, которым он тонкой струйкой польет разрез.

— Ты где был? — раздается голос па из кресла, говорит он с набитым ртом. Он берет два ломтика картошки и обмакивает их в майонез. — Я думал, ты яйца пожаришь.

Я уставился на него так пристально, как только смог.

— Что?

Я молчу.

— Чего с тобой?

Я не сдаюсь. Он уже прищурил глаза, долго мне не продержаться.

— Ты чего на меня уставился? — Па обтирает жирные пальцы о штанину и собирается встать. — Черт побери, Брай! Отвечай сейчас же!

Я быстро кидаю на стол четыре двадцатки.

— Это за первую неделю. — Я пытаюсь ничем не выдать, как я собой горжусь. — И жилец уже въехал.

Па переводит взгляд с денег на меня и обратно. Но продолжает работать челюстями.

- Это там, перед воротами, его машина, значит? Он пересчитывает двадцатки, как будто не верит своим глазам. За одну неделю?
  - Он не сильно сопротивлялся.

Па сдвигает занавеску на окне в сторону, но через окошко тот трейлер не виден.

- Это ведь не кто-то типа Арафата с семейством?
   Еще раз орава детей нам тут не нужна.
  - Нет-нет. Он один. Во всяком случае, почти.
  - Что значит почти?
  - У него с собой аквариум.
  - Аквариум?
  - И он хочет, чтобы ты починил кондиционер.
  - Это мы завтра утром глянем.

Па двигается, чтобы я мог сесть на подлокотник. Он пододвигает ко мне сосиску и еще больше разрывает пакет с картошкой. Из двадцаток он делает вялый веер и машет им перед лицом.

— Здорово провернул, Брай.

Пятая двадцатка жжет мне карман.

5

Чтобы вытащить из кондиционера последний мелкий шуруп, мне приходится так сильно за него схватиться, что у меня сводит большой палец. Па одной рукой опирается на ящик для инструментов и прочищает горло.

— Не потеряй, — голос его подводит, и он срывается на писк. — Это важные винтики.

Теперь, когда мы их все открутили, я могу снять крышку. Эмиль выходит, чтобы познакомиться с па. Но как только он видит, что Рико и Рита с нами, он мигом влетает обратно внутрь.

- Молодец, Брай, разглядел, прошептал па.
- Что?
- Ну... Он посмотрел, закрыта ли дверь трейлера. Что с этого типа можно стрясти. Видел его часы? А ботинки?
  - Ага, конечно.

Я сажусь на сухую траву и ерзаю, пока она не перестает колоться сквозь плавки.

— Черт, какой придурок его собирал...

Па крутит пропеллер вентилятора и опускается на колени рядом со мной.

— Тринадцатый ключ давай.

Я копаюсь в его пластиковом пакете с инструментами.

- Этот?

Па проверяет номер и начинает откручивать тугой болт. Я завязываю очередной узелок на шнурке моих плавок и быстро смахиваю засохших уховерток из короба кондиционера, чтобы па не завел свою шарманку, что ему все всегда приходится делать в одиночку.

Собаки по очереди подбегают к бетонному бассейну за трейлером. В метре от края они останавливаются, вытягивают шею и заглядывают внутрь, застыв с поднятой вверх лапой. Затем принимаются обнюхивать траву и внутренности кондиционера, чихают и мотают головой, стряхивая с носа паутину. Бассейн довольно большой, в него легко поместятся два микроавтобуса. Зная это, можно даже разглядеть на дне следы от шин. Белая краска облупилась, сломанная лестница лежит

с краю. Старые трещины еще пытались замазать, а из новых во все стороны торчат сосновые иголки. Две стены неряшливо выкрашены в лазурно-голубой, а рядом выстроились башенки из плитки в ожидании того, кто возьмется привести тут все в порядок и заполнить бассейн водой.

- Чуют, смотри, говорит па.
- Ты что, туда пописал?
- Жан говорит, там раньше устраивались собачьи бои
  - Правда?
- Отовсюду сюда стекались люди, чтобы посмотреть на это и сделать ставки. Вон там устанавливали несколько фонарей повыше, чтобы было лучше видно. Иногда они пускали туда еще лису или барсука.
  - И им было не выбраться?
- Если они пытались, их спихивали обратно, качает па головой. Бетон впитал в себя всю их кровь и панический страх. Собаки это чуют.

Па чешет Риту между ушами, пока она трется своими шершавыми подушечками о его ногу.

— Попроси-ка у нашего постояльца воды.

Обе собаки посмотрели на меня.

Я стучу в дверь и сразу распахиваю ее. Рита проскальзывает у меня между ног и вбегает внутрь.

— Можно воды для собак?

Рита носится по трейлеру.

— А можно эта... эта собака выйдет на улицу?

Рита уже залезла на диван напротив Эмиля.

— Рядом! — командую я. Рита соскальзывает с дивана, но водружает передние лапы на кухонную рабочую поверхность. — Извините, между ног проскользнула.

Тарелка с грохотом летит в мойку, а собака на лету хватает зубами что-то из остатков еды.

— Уведи, пожалуйста, собаку отсюда!

Я за поводок вытаскиваю Риту на улицу. Рико встречает нас, виляя хвостом в ожидании своей очереди.

- Вода для собак нужна? приподнимается на диване Эмиль.
  - Я сам возьму.

В одном из шкафов внизу лежат миски, Эмиль об этом знать не может. Вода течет в миску слабой струйкой, даже в туалет быстрее можно сходить. А на столе стоит аквариум Эмиля, укрытый двумя кухонными полотенцами.

- Ваш аквариум сломался?
- Нет, я просто хочу, чтобы рыбки успокоились.
- Жалко. Я хотел на них посмотреть.
- Ну, заходи тогда как-нибудь в другой раз.

Еще на столе лежит сборник кроссвордов и мобильный телефон из тех, что я до этого момента видел только в рекламных брошюрах.

— Это новая модель?

Эмиль проводит пальцем по кнопкам, смотрит на загоревшийся зеленым экран и засовывает телефон под кроссворды.

- Наверное, много новых крутых функций в нем?
- Видимо, да, улыбается он в ответ. Но до сих пор я только разговаривал по нему, и то с автоответчиками.

Эмиль посмотрел на миску, в которой тем временем вода уже начала переливаться через край.

- Получится кондиционер починить?
- Думаю, да.

Эмиль аккуратно двигает сборник кроссвордов, выравнивая и без того ровный край.

— Может, хочешь чего-нибудь? Кофе, например?

Рико и Рита вылакали всю миску до дна еще до того, как я поставил ее на пол. Кондиционер снова тихо жужжит и урчит.

— Хорошо, что трейлер такой тяжелый, а то его бы вентилятором сдуло, — не без гордости говорит па, собирая инструменты обратно в пакет из супермаркета. — Не стой там слишком близко, Брай. Глазом моргнуть не успеешь, пройдешь обряд обрезания. И будет у тебя голая головка.

Ненавижу, когда он начинает шутить об этом.

- Мило посидели?
- В каком смысле?
- Слышал, как вы разговаривали. Он что-нибудь рассказал?
  - Не особо.
  - Например?
  - Сказал, его рыбкам нужен покой.

Па скребет обвисшие сзади джинсы, надевает обратно крышку кондиционера и кивает мне, чтобы я подавал ему шурупы.

- Спросил еще, не хотим ли мы кофе.
- Ну, от этого не откажемся.

Свет дает только одинокая лампочка над плитой. Па сидит за столом рядом со мной. Эмиль не стал садиться, и из-за этого кажется, что мы у него в гостях.

— Ну вы посмотрите только, какая красота.

Па приподнимает полотенце, вглядываясь в темный аквариум. Мимо быстро проплывают несколько рыбок. Своим ртом-присоской чистит стекло какое-то коричневое чудище.

- Это же какие-то плавучие произведения искусства. Па постукивает ногтем по стенке аквариума. Бронированное стекло?
  - Не знаю, мямлит Эмиль, может быть.
- Может, и нам такой аквариум нужен, Брай? Даже лучше телевизора, скажи?

- Могу я что-нибудь для вас сделать? спрашивает Эмиль.
- Вы же предложили нам кофе? Па вопросительно посмотрел на меня. Или нет?

Я кивнул в ответ.

Пока Эмиль снимает с плитки кофейник, па окидывает взглядом обстановку.

- Да вы тут устроили уже все на свой лад.
- Точно, да...

Эмиль садится напротив нас. Я думаю, он хочет, чтобы мы выпили свой кофе на улице, но не знает, как нам об этом сказать.

- Может, пойдем? спрашиваю я па.
- Нам же только что налили кофе.

Мне прилетает легкий удар в плечо.

— Веди себя прилично. Отличный кофе, кстати, спасибо.

На кровати Эмиля лежит рубашка, на алюминиевой подставке возвышается кофемашина. На столе между нами и Эмилем лежит свернутый в трубочку и изрядно потрепанный сборник кроссвордов. Он поймал мой взглял.

- Остальное я пока еще не распаковал.
- Вам помочь? спрашиваю я.
- Я пока что попробую обойтись только самым необходимым.
- Самым необходимым... эхом повторяет за ним па.

На плитке зашипели капли кофе, пролившиеся из кофейника. Когда я заерзал, потому что плавки тянут мне в паху, они оба посмотрели на меня.

- А кондей-то снова фурычит, говорит па.
- Точно, кивает в ответ Эмиль и добавляет, потому что па не может оторвать взгляд от пачки печенья: Я не буду, а вы берите.

- Ну, если только одну штучку. Па берет печенье. И как вам тут, нравится?
- Эм-м, тут замечательно. Я, правда, пробыл здесь пока что всего день.

Па рассматривает печенье так, будто имеет значение, с какой стороны он откусит в следующий раз.

- А что вас сюда привело, так сказать?
- Уф, сложный вопрос.
- Что-то неожиданное?
- Да уж, такого я не ожидал, это точно.
- И что, вот так вот вдруг пришлось сниматься с места? Со всем барахлом и аквариумом?
  - В двух словах не расскажешь.
  - Никто не поедет сюда жить ради вида из окна.
  - Ну, мне... мне нужно утрясти кое-какие дела.

Он пальцем собирает крошки от печенья в кучку рядом со своей чашкой.

- Ну да, - соглашается па, будто точно знает, что имеет в виду Эмиль.

Рядом с дверью трейлера слышится какой-то стук. Это Рико виляет хвостом: охраняет.

- Дело в том, что... - Он трясет головой, отгоняя мысль. - Все довольно сложно.

Эмиль разворачивает пачку печенья открытой стороной ко мне.

- Ладно-ладно. па останавливает его руку. Мы больше не будем приставать.
- Нам нужно еще обсудить какие-то формальности?
- По-моему, вы вчера уже обо всем прекрасно договорились. Толкает меня в плечо па. Так что, если у вас будут вопросы, можете обратиться к Брайану.

Ко мне? Этого он мне еще никогда не поручал.

— И оплату тоже ему... — Снова костяшки на моем плече. — Договорились?

- Ну, отлично, отвечает Эмиль, как будто он сам это и предложил.
- Ну и хорошо. Па хочет еще раз толкнуть меня в плечо, но я встаю и уворачиваюсь.

На улице на меня пахнуло жаром, будто я попал в объятия потного толстяка.

- Ах да, вспоминает па уже на пороге, чуть не забыл про расчет. Давайте сойдемся на двадцатке на брата.
  - Двадцатка на брата?
  - Мы же вдвоем с ним возились.
  - За кондиционер?

Па заходит обратно, а Эмиль отходит в полутьму.

- Честно говоря, мне кажется, что это многовато.
- Это включая аренду. Он же жрет электричество. Если вы его включаете, у нас телек начинает барахлить.

Рико пытается прорваться мимо меня. Коротким рывком за ошейник я оттаскиваю его назад.

- Не пускай собачек к нашему жильцу, Брай.
- Я пытаюсь!

Па закрывает за собой дверь. Но с улицы все равно слышны их приглушенные голоса.

- Но я считал, что... раз уж я арендую трейлер... кондиционер включен в стоимость.
- Понимаю, понимаю. Но вы снимаете помещение, а кондиционер это дополнительная услуга. Зимой им никто не пользуется, так что и платить за него не приходится. Но если вы хотите, чтобы он работал, будьте любезны заплатить. Брайан не сказал?

Ответа не последовало.

— За это вы платите только один раз.

Дверь снова открывается, я вздрагиваю и притворяюсь, что не подслушивал.

— Сорок евро — это ведь совсем не дорого, да, Брай?

— Обычно это стоит полтинник.

Я вижу, как уголки губ у него поползли вверх. Это был правильный ответ.

- Хорошо. Эмиль поворачивается к верхнему шкафчику. Подождете на улице?
- Конечно, конечно. Па аккуратно соскакивает с подножки. Если вдруг он в течение двух недель сломается, мы приведем его в чувство бесплатно.

Собаки трутся о ноги, пытаясь скинуть с себя жар, скопившийся в шерсти, на нас. Затем они начинают вылизывать пустую миску, толкая ее по траве и гравию друг к другу.

Эмиль открывает дверь и отдает па деньги.

- Спасибо, говорит он и прячет бумажки в нагрудный карман на молнии. И еще одно, это последнее... Он показывает пальцем на ангар Генри. К тем ребятам лучше не соваться.
  - Почему?
- Просто держитесь от них подальше. Это люди другого склада, не такие, как мы с вами.

6

- Этого жильца надо поберечь.
- А зачем ты ему сказал держаться подальше от Жана и Черного Генри?
- Наш Эмиль это банкомат, Брай. Он наклоняется ко мне. Важно, чтобы карточка была только у нас с тобой. Понял?

Пока мы ползем вслед за нашими тенями, па жестом фокусника вытаскивает захватанную десятку.

— Bo-o-o-oт. — он запихивает банкноту в карман моих плавок. — На летние карманные расходы.

К счастью, Эмиль ничего не сказал про размер арендной платы, о которой мы договорились.

- Как думаешь, что у него произошло?
- У постояльна-то?

Мы одновременно оборачиваемся посмотреть на трейлер.

- Понятия не имею. Занавески закрыты, будто там никого нет. Может, он директор банка, сбежавший с парой чемоданов денег. А может, он из тех сосунков, до сих пор живущих с родителями, который в итоге свою слабоумную мамашу подушкой придушил.
  - Ты так думаешь?..
- Он отмалчивается. Мы тоже молчим. Па хлопает ладонью себе в грудь. — И он готов за это платить.
  - Ты куда?

Па направляется не к нашему трейлеру, а в ангар Жана и Черного Генри.

— Отдам аренду.

Внутри слышны удары какого-то инструмента по бетону. Сквозь открытую дверь внутрь свободно влетают ласточки.

- Доброе утро! голос па гулким эхом разлетается по ангару.
  - Морис...

Жан даже подпрыгивает от неожиданности. Вокруг него стоят открытые ящики. Слева — белые пластиковые бутылки с синими крышечками. Справа — те же бутылки, только уже с этикетками. Халтурка, которую он периодически делает для брата Черного Генри. На подъемнике стоит ослепительно новенький «мерседес», но Черного Генри нигде не видно.

— Эй, Брайан! У тебя уже каникулы? — спрашивает Жан.

- C пятницы.
- Хорошо, хорошо.

Он берет одну из бутылок, одновременно отковыривая овальный стикер с маркировкой.

- Что за товар на этот раз? спрашиваю я.
- Был майонез из Румынии.

Жан плавно переворачивает бутылку и аккуратно наклеивает стикер на заднюю сторону. Пальцем он крепко прижимает наклейку, а потом разглаживает все пузырьки.

— А теперь это эксклюзивный майонез. Из Пикардии.

В другой руке у него уже следующая бутылка.

- Как дела... Он хватает ртом воздух, задыхаясь: С девчонками?
  - Норм.
- Да-да. Так все пацаны говорят... Он делает паузу, вдыхает: У которых нет девчонки.

Из носа у него торчат две трубочки, которые потом соединяются в полупрозрачном шланге, протянутом над ухом к аппарату. Каждые пару секунд этот аппарат будто бы вздыхает, словно прохудился, и выплевывает из себя воздух.

- Сколько бутылок тебе еще надо сделать?
- Две паллеты, я уже... с субботы вожусь.
- Морис. Черный Генри вышел из туалета. Давно не виделись. Жан, пересчитаешь мои инструменты?

Они засмеялись. Единственный шанс па не упасть в грязь лицом — пошутить в ответ. Но его опережает Жан.

— Нет необходимости. Ведь все твои инструменты... уже у Мориса.

Снова взрыв смеха. Па переваривает сказанное, собираясь с мыслями. Жан теребит подбородок, довольный

собственной шуткой. Там у него растет родинка, чем-то напоминающая холмик над кротовой норой.

- Черт побери, Жан!
- Что? Смеяться ему сложнее, чем говорить.
- Давай я тебе эту гадость просто прижгу? Один раз c-c-c-ст паяльником и она отвалится.

Защитным движением Жан быстро подносит руку к шее, чтобы удостовериться, что все на месте.

— Я ему уже сто раз предлагал! — гаркает Генри. — Раз девки у Жана нет, со своей бородавкой он не расстанется.

Теперь вместе смеются Генри и па. Жан мнет коричневый нарост, будто это животное, которое надо успокоить.

— Брайан, если хочешь чего-нибудь выпить...

Он машет в сторону холодильника. В отделе для овощей у них всегда припасен для меня энергетик.

Довольный собой, па потягивается. После удачной шутки он всегда как будто занимает больше места. Генри еще немного посмеивается.

- Кстати, у нас новый съемщик?
- Да, отвечает па, вчера заехал.
- Я еще с ним не пересекался, говорит Жан. Что за фрукт?
- Ничего особенного. Его, видимо, неожиданно выгнали из дома. Верхними зубами па почесывает щетину под нижней губой. Думаю, разводится.

Жан приподнялся на стуле повыше, чтобы увидеть трейлер.

Рико крутится у стола, на котором стоит клетка с хорьками.

- Морис, убери оттуда собаку, говорит Генри.
- P-p-рядом! подзывает па Рико и пронзительно свистит. Пальцем он показывает себе под стул и прижимает пса головой к бетонному полу, пока тот не начинает

скулить. Рита поднимает голову, но потом снова растягивается в полоске солнечного света.

- Можно я хорьков покормлю?
- Там есть еще немного... сухой курицы.

Оба хорька встают на задние лапки. Они трясутся, водят мордами из стороны в сторону, толкают друг друга, как будто под их марлевым потолком есть только одно место, куда они могут засунуть свой розовый носик.

Грязным ножом я отрезаю маленькие кусочки мяса и бросаю их в клетку. В этот момент они из вытянутых тревожных колбасок в один миг превращаются в меховые клубочки.

— Аккуратнее с тем ножом, — кричит Черный Генри, забираясь обратно под «мерседес». — С девятью пальцами сложно досчитать до десяти.

Он показывает мне руки: на правой не хватает мизинца. Если я засматриваюсь на это место, Генри всегда превращается в зануду:

— Никогда не хватайся за болгарку с другого конца, парень... Никогда не задерживай оплату... Никогда не думай о бабах, когда тебе надо что-нибудь распилить.

Каждый раз он придумывает новое поучение. Это вполне могло бы сойти за заповеди нашей тмутаракани. А заповедь па тоже начиналась бы с «никогда», а заканчивалась бы «твоя мать». Но у него все пальцы пока что на месте.

- Скажи, Морис... едко начал Жан, ты когда аренду собираешься отдавать?
- A, да, отвечает па и бросает пару банкнот из денег Эмиля на стол. Вот.
  - Ты посмотри-ка.

Жан пересчитал купюры.

— Сколько там? — спрашивает Черный Генри, продолжая копаться в автомобиле.

- Сто десять! кричит Жан в ответ.
- И это все? спрашивает Генри.
- Если мои деньги вас не устраивают, я их обратно заберу.
  - С тебя тогда еще четыреста двадцать долга.
  - А съемщик? спрашивает Жан.
  - А что он?
  - Он что, бесплатно тут живет?
  - Да будет всё, будет.
  - И когда же?

Па быстро облизывает губы.

- В конце недели.
- В конце недели, повторяет за ним Жан.
- C тех пор как ты этим занимаешься, жильцы платят все позже и позже, замечает Черный Генри.
- У него сейчас сложный период. Мы же тоже не волки какие-нибудь.

Па отворачивается к стеллажам, стоящим вдоль стены. На одной из полок лежат начищенные до блеска выхлопные трубы. Он качает головой, будто что-то в этом смыслит и считает, что все, что он видит, — просто хлам.

- Отстаньте от этого новенького.
- Чего это?
- Ему нужно всего-то немного личного пространства. Имеет право.
- Я не хочу, чтобы от него были проблемы, говорит Генри. Может, его разыскивают за что-нибудь. Не хватало, чтобы сюда понаехали машины с мигалками.
- Такой мужик, а живет один. Жан многозначительно поднимает брови. Занавески у него всегда закрыты. Я имею в виду...
- У тебя свечи зажигания еще есть? спрашиваю я, чтобы увести разговор от Эмиля.
  - Свечи зажигания?
  - Мне для мопеда.

- Длинный стержень или короткий?
- Короткий, отвечает за меня па.
- Я могу попозже... там посмотреть.
- Сто десять, качает головой Генри. A остальное когла?
  - Я же сказал, скоро будет.
  - Да?
  - **—** Да.
  - Ты это уже два месяца говоришь.

По тому, как затряслась у него щека, я понимаю, что па пытается не дать выхода своим эмоциям.

- Или, может, снова электричество отключить?
   Тебе это обычно помогает.
- Люсьен, может, скоро приедет домой, снова меняю я тему.

Теперь все смотрят на меня.

- Кто такой Люсьен?
- Да так, никто... незаметно качая головой, па пытается замять дело.
  - Мой брат.
  - И он приедет сюда?
  - Может быть. Ненадолго.
  - На сколько?
- Максимум на неделю. Это временно, отрезал отец, не дав мне ответить.
- Брай тоже приезжал не навсегда, говорит Генри, вылезая из-под «мерседеса».
  - В каком смысле я приезжал не навсегда?
  - Не вмешивайся! рычит на меня па.

Рико и Рита вскочили, выгнули спины, навострили уши.

- Ты хороший парень, Брайан... Но это не место для тебя. А теперь твой отец... еще одного сюда притащит.
- Никого ты сюда не притащишь, Морис! пригрозил Генри.

— Да отвалите вы все!

Па подбирает с бетонного пола пакет с инструментами и выходит. Собаки, виляя хвостами, бегут за ним. На столе остаются лежать смятые банкноты.

Жан поднимается со своего садового стульчика. Тележку с кислородным аппаратом он осторожно помещает между башен из картонных коробок. Мне он жестом показывает, чтобы я шел за ним в заднюю часть ангара.

— Короткий стержень... — После пары шагов Жану стало еще сложнее дышать. — Так ты сказал?

Он открывает один из ящиков.

- Почему Генри так сказал?
- Ты о чем?
- Что я не навсегда.
- A...

Аппарат вдувает издевательски мало воздуха в его легкие.

— Подержи.

Он дает мне две картонные коробки.

- Одной достаточно.
- Одна запасная.
- Спасибо.

Жан поднимает вверх большой палец.

- Па правда так сказал?
- Забудь...
- Я же навсегда!
- Конечно.
- Почему он тогда так сказал?
- Это... Он ненадолго замолкает, чтобы выровнять дыхание. Касается только нас и твоего па.

Он неловко проводит рукой по моему предплечью. Его ладони, слабые и скрюченные, обычно безвольно висят на запястьях, как непонятные обрубки. Я и не догадывался, что они способны на такую нежность.

— Сколько с меня?

Он махнул рукой, не требуя оплаты.

- Скажи, сколько они стоят.
- Так отдам.
- Этого достаточно? отдаю я грязную десятку.
- Слишком много.
- Я еще за фару должен.

Жан ухмыльнулся.

— Ты уверен, что Морис... тебе и правда отец?

Затем он берет десятку, складывает ее пополам и сует обратно мне в руку.

- Подкопи-ка для... девчонки.
- Почему это я не навсегда?
- Ты о чем?

Но па точно знает, о чем я. Он сидит в своем кожаном кресле перед экраном выключенного телевизора, наклонившись вперед и упершись локтями в колени.

- Я же был с тобой всегда?
- Брай, неожиданно мягко говорит па, я сказал это, потому что иначе они бы нам никогда это место не сдали. Спали бы мы в том жутком автобусе или на парковках. Ты этого хотел? Тогда тебя бы точно у меня забрали.

Конечно, я этого не хотел.

- Вот, говорю я и протягиваю ему обратно ту десятку.
  - Нет-нет. У своего ребенка я денег не возьму.

Я рад, что могу оставить их себе.

- А как ты привезешь сюда Люсьена?
- Вот так и привезу.
- Но они против.
- И как они мне помещают? А?
- Понятия не имею.

— Он приедет, — сказал па таким тоном, будто возражал против этого только я один. — А когда они увидят Люсьена, то не смогут его прогнать. Спорим?

7

Па нужно что-то обсудить с Сантосом в его офисе, так что я пока пошел к брату. В коридоре я встречаю Селму. Очень сосредоточенно она толкает вперед тележку с полотенцами.

- Привет, здороваюсь я. Но она смотрит только на стопку полотенец и изо всех сил старается, чтобы они не упали.
  - Привет, повторяю я чуть громче.
- Не разговаривать, отвечает она со всей серьезностью. Двумя руками Селма берет верхнее полотенце, несет его на маленькую кухню и очень аккуратно кладет на стол. Затем выходит обратно в коридор.
  - Я брат Люсьена, помнишь?
  - Не разговаривать. Я работаю.
  - Работаешь?

Она раздраженно вздыхает и опускает плечи.

- Не раз-го-ва-ри-вать.
- Ладно, не буду.

Люсьен в палате больше не один. Рядом с ним стоит припаркованная кровать Хенкельманна. Последний раз я видел Хенкельманна, когда мы приходили сюда еще с мамой. Тогда он большую часть времени прятался под низким столиком в комнате для посещений. И хоть он

никого, кроме себя самого, не кусал, я не хотел сидеть с ним рядом. Уже тогда у него на локтях и на внутренней стороне запястий была корочка, похожая на кожу крокодила. И между большим и указательным пальцами тоже.

Теперь он тихо лежит в постели и не отрываясь смотрит на свою елку со светящимися иголками, которые, медленно переливаясь, меняют цвет. На запястьях у него ремни на липучке, которыми он привязан к кровати.

— У тебя новый сосед, — обращаюсь я к Люсьену. Все губы у него расцарапаны. Он негромко мычит, как всегда, когда нервничает. — Хенкельманн ничего тебе не сделает, не переживай, он кусает только себя.

Кто-то дал Люсьену коробку. По всей видимости, он сосет ее уже довольно давно.

— Это не еда, — осторожно тяну я за картонку.

Люсьен поднимает руку, пытаясь укрыть от меня коробку. Мокрый клочок картона прилипает к его зубам.

— Я же хочу, чтобы тебе было лучше.

Но он не отпускает.

Хенкельманн издает какой-то трещащий звук, распахнув свой беззубый рот. Я могу туда заглянуть. Он похож на внутреннюю сторону ракушки, а его высунутый язык — на ее мясистого обитателя. Люсьен тем временем беспокойно царапает лицо.

Я осторожно беру его за руку, но он тут же ее вырывает. Я снова беру его руку в свою и нажимаю на запястье костяшками пальцев, пока они не белеют. Люсьену можно сделать довольно больно, прежде чем он это почувствует. Я провожу пальцем по перепонке между его мизинцем и безымянным пальцем, как всегда делала мама. И еще раз. Под его сухой кожей я чувствую, как сухожилия тянут за скрюченные кости.

— Мама вышла замуж, ты знал? Дидье тебя иногда навешает?

Я провожу по перепонкам между другими пальцами тоже и продолжаю делать это, пока его глаза не начинают открываться и закрываться медленнее. Теперь мне не нужно прилагать усилия, чтобы удержать его руку.

— Та-а-а-а-ак, — зычно раздается у двери. Мы оба подскакиваем от неожиданности. — Время позаниматься.

Мужчина с волосами, похожими на витой телефонный шнур, вкатывает в палату кресло-каталку.

— Пока что тут припаркуем.

Он такой высокий, что ему приходится нагибаться, чтобы катить кресло.

О, здравствуй, — говорит он, когда замечает меня. —
 Я пришел украсть у тебя Люсьена.

Но сначала он подходит к другой кровати.

— Хочешь, поиграем?

Хенкельманн сразу весь сжимается и напрягается так, что, повиснув на сдерживающих его запястья ремнях, приподнимается над матрасом.

— Да ладно тебе, всего разочек.

Подтрунивая над ним, он подносит палец к открытому рту Хенкельманна. И еще чуть-чуть ближе. И тут же отдергивает руку.

— Ух, — говорит человек-кудряшка, — ты сегодня терпелив. Тренировался, небось, втихаря?

Хенкельманн таращится в потолок. Палец рисует круг у него прямо перед носом, снова пролетает мимо рта. И еще раз. Ам! Хенкельманн заливается смехом.

Мужчина трясет пальцем, как будто ему больно.

— Быстро ты, однако.

Затем он подходит к нам.

- A ты кто такой?
- Я Брайан, брат Люсьена.

- А я Тибаут, физиотерапевт. Мы учимся ходить.
- Он еще может ходить?
- Конечно. Он опускает вниз ограничитель. И если бы у меня было больше времени, я бы добился от него большего. Но сейчас главная задача заставлять его двигаться.

Тибаут пропускает тоненькие икры Люсьена между рук.

- Лекарства тоже не сказать, что помогают.
- Вы про что?
- Да про все, что он принимает.
- Это что, вредно?
- Нет-нет, как раз наоборот. Но как физиотерапевт я замечаю в основном побочные эффекты таблеток, влияющие на моторику.

Он видит, что я не совсем его понимаю.

— Из-за некоторых лекарств начинаешь хуже двигаться.

Он аккуратно поворачивает ноги Люсьена в разные стороны.

— Так, давай-ка сначала ступни разогреем.

Люсьен недовольно кряхтит.

- А вы ему так ногу не вывихнете?
- Эти движения он мог бы делать и самостоятельно. Я только напоминаю его ногам, на что они способны.

Тибаут щупает и мнет его колени, затем берет в руки стопы и рисует ими круги, будто Люсьен едет на велосипеде. Он пару раз пукает. Тибаут отпускает его. Люсьен пробует продолжать сам, но у него не получается.

— Вот так.

Врач ловко переворачивает Люсьена, чтобы его ноги свесились с кровати, и надевает на него ботинки на липучках.

— Сейчас пойдем.

Двумя руками Люсьен обхватывает волосатую руку Тибаута, который потихоньку стаскивает его вниз и ставит в вертикальное положение. Люсьен несколько раз пружинит, сгибая и разгибая колени, словно хочет проверить, выдержит ли пол его вес.

- Через полчасика доставлю его обратно. Ты еще будешь здесь?
  - Думаю, да.

Делая шаг, Люсьен каждый раз поднимает ногу слишком высоко и снова ставит ее на землю через каких-нибудь несколько сантиметров.

— Молодец, — хвалит его Тибаут, медленно продвигаясь вместе с ним по направлению к двери. Люсьен делает пару испуганных шагов, но топчется на месте. — Давай дальше, у тебя все отлично получается!

Тибаут подмигивает мне и приоткрывает дверь пошире. Из коридора доносятся его команды:

- А теперь вот эту ногу! Хорошо. А теперь ту. Нетнет, вон ту.

Я остаюсь в палате один.

Хенкельманн лежит и смотрит на меня в упор. Я еще помню то время, когда у него были зубы. Но он не давал их чистить, поэтому десны воспалялись, а на зубах был кариес. Чтобы дантист мог делать свою работу, Хенкельманну приходилось каждый раз давать общий наркоз. И тогда ему просто удалили все зубы. Но десны у него стали такими твердыми, что он все равно мог себя укусить.

— Хочешь, я с тобой сыграю в эту игру?

Я встаю рядом с кроватью и осторожно касаюсь пальцем его руки. Я думал, что кожа на ощупь будет похожа на древесную кору, но она оказалась мягкой и теплой. Тут же слышится треск липучки на ремнях.

Не знаю, смогу ли я решиться. Пальцы у меня слегка трясутся. Я вытягиваю руку. Он задерживает дыхание. Я рисую пальцем круги у него перед носом и так быстро, как только могу, касаюсь губ. Ам! Чуть не поймал. Я слышу, как в ушах у меня зашумело.

Какой ты быстрый!

Хенкельманн хохочет, от его движения койка под ним слегка позвякивает.

- Хочешь еще раз?

Он тут же замирает. Я дотрагиваюсь кончиком пальца ему между бровей и рисую линию до кончика носа. Это одно из немногих мест, где кожа у него гладкая. И не успел я даже дотронуться до губ — ам! Чуть не поймал. Хенкельманн снова громко хохочет, но мгновенно замирает, как только я собираюсь уходить.

- Ну ладно, еще разок.
- Ты придешь в гости?

В дверном проеме стоит Селма.

- В гости?
- В мою комнату.
- А ты закончила работать?

Она кивает, так низко опуская голову, что подбородок касается груди.

- Вообще-то я тут жду Люсьена.
- Пожа-а-алста.

Она наклоняет голову чуть набок, как другие девчонки, когда стараются выглядеть милыми.

- Моя комната на один... она показывает наверх. На четверть.
  - В каком смысле на четверть?
  - Пока длинная стрелка не будет там.

Прижав палец к правому виску и закрыв левый глаз, она косится на часы над дверью.

- А потом?
- Мальчики можно на четверть. И дверь должна быть открыта.

Вдруг она хватает меня за руку и качает ее из стороны в сторону.

- И ты тоже мальчики.
- Ладно, говорю я и тяну ее за собой, словно она стоит на водных лыжах, к лестнице. Туда?

Ее живот сотрясается с каждым взрывом смеха.

Выпятив зад, Селма взбирается на лестницу. Каждый раз она ставит на ступеньку обе ноги и только затем идет дальше. Через каждые пару шагов она оборачивается проверить, иду ли я следом.

— Не обгоняй, иди за мной, — тяжело выдыхает Селма и машет рукой, не сгибая ее, словно шлагбаумом.

Рядом с дверным косяком висит табличка с именем и криво нарисованным солнышком.

— Тут я живу.

Сразу видно, какие из вещей принадлежат ей. Остальные — точно такие же, как во всех остальных комнатах. Стол и стулья — из общего зала. Шкаф такой же, как у Люсьена. Наверху рядком сидят куклы, уставившись перед собой невидящим взглядом.

— Дверь с мальчиками должна быть открыта, — говорит она строго. Она открывает дверь нараспашку. — Такое правило.

У стены на ее кровати сидит игрушечная мягкая обезьяна такого размера, что Селма легко утонет в ее объятиях. И три пупса в платьицах и с сосками во рту.

- Смотри! она показывает на умывальник. Это мои штучки для красоты.
  - М-м-м, понятно.
- Смотри! Косметичка так набита, что не закрывается. Смотри!

Я вижу помятый тюбик зубной пасты. На вешалке для полотенец висят цепочки, шарфики и диадемы.

— Смотри!

И если я недостаточно быстро поворачиваюсь:

— Смотри-и-и!

Над изголовьем кровати висит постер с парочкой, сидящей на мопеде.

— Я хочу на мопед. К нему.

Юноша наклонился вперед, чтобы ехать еще быстрее, и, улыбаясь, оглядывается назад, на девушку, одной рукой обнимающую его за талию. Из-под ее шлема вырываются развевающиеся длинные пряди волос, на губах блестит помада, у нее ровные зубы и юбочка, которую она придерживает свободной рукой, чтобы не задралась от игривого порыва ветра.

Смотри.

Она натягивает козырек от солнца, на котором едва читается полустертая надпись: Disneyland Paris.

- Ты там была?
- C бабушкой, она вдруг помрачнела. После того как дедушка умер.
  - Как жаль.
  - -A?
  - Жаль твоего дедушку. Что он умер.

Она показывает фотографию, на которой она стоит маленькая, в очках для плавания и купальных трусиках.

- Это я очень давно там.
- Что ты имеешь в виду?
- О-о-о-о-очень далеко на автобусе. На каникулах.
- Как называлась страна?
- На-зы-ва-лась... она покусала губу. Мореландия.
  - А ты каждый день к Люсьену приходишь? От улыбки у нее меняется лицо.

- Я Люсьену нравлюсь.
- Ты всегда его так гладишь?
- Всегда! отвечает она так, будто я ее только что в чем-то обвинил. Его мама показала.
  - Его мама? Она и моя мама тоже! Ты ее видела?

Спустя очень много времени я вдруг почувствовал, что мама где-то рядом, почти как если бы она стояла с нами в этой комнате.

— Что она сказала?

Селма смотрит на меня, разинув рот.

— Она часто приходит?

В ответ она только улыбается.

- Она что-нибудь говорила?
- Люсьену я нравлюсь.
- И всё? А обо мне она ничего не говорила?

На все мои вопросы она отвечает одной и той же улыбкой.

— Можешь его включить?

Она протягивает мне видеомагнитофон. Я не понимаю, шутит она или нет. Я никогда еще не встречал никого, кто был бы знаком с моей мамой.

Селма дает мне в руки кассету. Я вставляю ее в проигрыватель и жму на кнопку «Пуск». Она мне аплодирует. Я собираюсь включить и телевизор тоже.

- Нет! - кричит она. - Это я сама.

Она тянется к красной кнопке на пульте от телевизора, но в последний момент отдергивает руку.

Затем она тащит меня к шкафу и вытаскивает оттуда лифчик.

- Смотри, смотри, смотри! кричит она мне, а я ведь и так уже смотрю.
- Положи это обратно, говорю я, пытаясь не покраснеть.

Она смеется, набрасывает лифчик на шею наподобие боа, двигаясь под музыку, которая слышна только

ей, и поет в невидимый микрофон. Пальцами другой руки, без микрофона, она щекочет в воздухе. Я вижу, как у нее под футболкой колышутся грудь и живот. В шкафу есть еще лифчики. Все большие и белые. Теперь она поднимает свой лифчик над головой, как болельщики на футболе поднимают шарфы с логотипом своего клуба.

— Положи его обратно.

Я не хочу, чтобы кто-то прошел мимо и застал такую картину.

- У меня тоже есть мопед, киваю я на плакат рядом со шкафом.
  - Правда? спрашивает Селма. Ты правда?

Лифчик безвольно повисает у нее на правой руке, а затем она и вовсе роняет его на пол.

- Я его починил. Мне надо только вставить туда новые свечи зажигания.
  - А шлемы у тебя есть?
  - Шлемы?

Некрепко сжатым кулаком она легко ударяет меня в голову.

- Чтобы если упадешь, дурачок.
- Мне без шлема больше нравится.

Я сел на ее кровать. Лифчик так и лежит посреди комнаты. Селма плюхается рядом со мной, матрас продавливается, и я немного съезжаю в ее сторону. Носком правого ботинка она рисует на старом линолеуме круги. У нее маленькие круглые уши, и до меня вдруг доходит, почему они называются ушными раковинами.

- Ты первый, кто пришел ко мне в гости, тихонько говорит она.
  - Правда?

Селма кивает и заправляет прядь волос себе за ухо.

— А твоя мама?

- Моя мама бабушка.
- Так не бывает.
- С моей настоящей мамой случилось пло-о-о-охо. Тогда мне надо было остаться у ба-а-а-а-абушки, она растягивает каждое последнее слово, будто рассказывала мне это уже тысячу раз, и это жутко скучно, и я там осталась.
  - А твои настоящие родители?

Она пожимает плечами.

- Они умерли?
- Нет, заговорщически шепчет Селма, они немного... Она вертит пальцем у виска. —И поэтому тоже я осталась у бабушки с дедушкой. А потом дедушка умер.

Последнюю фразу она произносит так, будто считает, что он поступил очень глупо.

- Моя бабушка вот столько лет была моей мамой, она показывает мне девять пальцев.
  - Почему ты с ней больше не живешь?
  - Она переехала в дом переспелых.
  - Дом переспелых? хихикнул я.
- Не дразнить. Не глядя, она достает из-за спины куклу и проводит пальцами сквозь спутанные волосы.
  - А твоя бабушка в гости не заходила?
  - Хочешь пить?

Она вскакивает, кукла падает мне на колени.

— Здесь я могу сама выбирать.

Она подносит стакан под кран с водой и сама выпивает его залпом. И набирает опять. Она держит стакан двумя руками и подносит к нему лицо очень близко, чтобы убедиться, что ни капли не прольется через край.

- Вот, пожалста.
- Спасибо.

Вообще-то я никогда не пью воду. Вода — это для собак. На другой стороне стакана она оставила след от губной помады. Я делаю глоток.

Я все еще сижу на краю кровати, а она стоит очень близко, так что мне приходится задирать голову. Обычно девчонки никогда не подходят так близко к мальчикам типа меня. На две-три секунды она отворачивается. Так кажется, что она никак не связана с этим местом. Может, только нос ее выдает. Хотя любой нос покажется странным, если на него смотреть достаточно долго.

- A какой у тебя любимый напиток? спрашиваю я, чтобы поддержать разговор.
  - Энергетик.
  - Правда?
  - Это мой любимый.
  - И мой тоже.

Она придвигается еще чуть поближе, почти вплотную. Я чувствую, как сердце колотится где-то у меня в горле. В коридоре тишина. Если я сейчас встану, наши лица соприкоснутся. В уголках глаз у нее появляются морщинки. Она наклоняется ко мне. Я разливаю воду на штаны, потому что отклоняюсь назад. В нос ударяет запах шампуня, ее волосы щекочут мне щеку. Раздается смешок, затем я ощущаю вкус ее губ, и она шепчет:

— На ужин у нас лазанья.

8

Мы идем по парковке. Через свернутые трубочкой документы па кричит мне, чтобы я поторапливался.

— Что это у тебя?

Он дает мне взглянуть на бумаги.

— Такие дела, кучу бумажек надо заполнить.

На первой странице вверху заглавными буквами написано: СОГЛАШЕНИЕ. В рамке под фамилией па — подпись. Я даже не знал, что у него есть подпись.

- Достаточно ли у нас места, перечисляет он дальше, поместится ли в душ инвалидное кресло, кто будет ответственным лицом. Еще список лекарств с расписанием, когда какое принимать. И расписание приемов пищи. Будто я собственного сына не знаю. И этот Сантос хочет еще отправить кого-нибудь на проверку.
  - Зачем?
- Посмотреть, как мы живем, ухмыляется па. Не нужно ли что-нибудь там переделать, улучшить.
  - Но все получится?
  - Ты о чем?
  - Люсьен правда приедет к нам жить?
  - А ты сам как думаешь?
  - A когда?
- Скоро уже. Но сначала нам надо раздобыть для него специальную кровать и кресло-каталку.

Па разблокировал двери машины.

— Но... но...

Мы садимся в автомобиль.

- Разве Люсьену не будет лучше тут?
- Нет, конечно. Он же очень долго жил дома. И мы его регулярно забирали, ведь так? Только сейчас он погостит чуть-чуть подольше.

Па кладет документы мне на колени.

— Или ты считаешь, что только ма его может забирать к себе?

Я трясу головой.

- Так-то. Люсьен и мой сын тоже. Я могу делать с ним все, что захочу.
  - А ты уже получил те деньги?
  - Сказали, переведут в конце месяца.

— Только в конце?

Неожиданно па три раза бибикает, и я аж подпрыгиваю от испуга.

— Мы проведем вместе пару чудных недель, Брай.

Жду удара в плечо, но ничего не происходит.

— Договорились?

Я киваю.

— Все вместе, втроем.

Я ничего не рассказываю о Селме и о том, что она видела маму. Могу представить, что за шутку выдаст па, если я скажу, что разговаривал с девчонкой отсюда.

Я пролистываю бумаги. Большинство слов я могу прочитать, но понятия не имею, что это все значит. И я не замечаю, что па сворачивает на дорогу, ведущую к нашей старой квартире.

— Заглянем на минутку, — говорит он.

Здесь мы жили вчетвером. Па заезжает на тротуар и не глушит мотор. Мне снова все здесь кажется знакомым. Даже мальчишки, гоняющие мяч, хоть у них и совсем другие лица.

— Ну да, ну да, — бормочет про себя па и качает головой, — свадебное путешествие...

Он наклоняется к окну с моей стороны. От его волос пахнет старым линолеумом. Он пытается посмотреть наверх, будто там за входной дверью прячется наша старая жизнь. Надо только найти ключ.

— Вы оба появились тут, в этом самом доме.

Все осталось таким же, как было тогда. Только общий балкон теперь выкрашен не в красный, а в синий цвет.

Когда Люсьен начинал щипаться, мама выпускала его туда погулять. Обычно я шел чуть впереди него, пиная перед собой мяч.

Наш кафельный дом — так па называл это место. Потому что, если у тебя есть кафель, ты уже кое-что из себя представляешь.

— Ты еще не заглянула за туалет? — спросил он как-то бабушку, когда та неожиданно приехала в гости. Как оказалось позже, в последний раз.

Она долго сидела и разговаривала с мамой, а потом позволила помочь ей надеть серое пальто.

- Думаешь, я вру? спросил па.
- Ничего я не думаю, Морис.

Бабушка проверила содержимое своей сумки. Ей хотелось уже поскорее оказаться у себя дома.

- Даже под кухонными шкафами кафель лежит.
- Ох, реакция бабушки на па всегда звучала как вздох.
  - Ты мне не веришь?

Па встал на колени и начал отдирать заслонку, закрывавшую низ кухонных шкафчиков. Из-под них выкатились клубки старой паутины.

- Смотри, прижался он щекой к полу, до самой стенки.
  - Ты можешь отвезти меня домой, Морис?

Бабушка отправила мне воздушный поцелуй, который вместе с ее рукой приземлился на моей макушке.

— Это правда, — сказал я ей, — посмотри сама.

Я тоже лег на пол: жирные шмотки пыли, макароны, ускользнувшие с плиты, клочок старой газеты.

- У-у-у-ух, — крикнул я, — до самой стенки. Не у каждого такое богатство, а, па?

Он тем временем уже направлялся к лифту. Мама обняла бабушку в дверном проеме. Пятки ее колготок показались над туфлями, потому что она встала на носочки.

— Люсьену мать ты, — сказала бабушка, — я за тебя этот выбор сделать не могу.

Ее очки съехали на бок. Морщинистой рукой она похлопывала маму по спине, точно так же как в дзюдо, когда борцы сдаются. Мама что-то спросила, но я не расслышал. Бабушка ответила:

— Это и его ребенок тоже. Хочешь ты этого или нет. Беспокойно мыча, Люсьен подошел к ним, скребя пальцами по обоям. Можно было следить за тем, как он растет, потому что он доставал и обдирал обои все выше и выше. На глазу у него болтался кусочек повязки.

— Ма! — крикнул я. — Люсьен опять трогал бровь! Пару дней назад он свалился с журнального столика. Столкнул его я, но этого никто не видел.

Обычно это Люсьен щипал меня. Мама считала, что я сам виноват, потому что играл с ним слишком грубо. А если и нет, то я должен был быть мудрее. Иногда, когда Люсьен вдруг что-то такое делал, она сидела рядом на диване. Тогда она сажала меня на обеденный стол и гладила красное место, которое потом должно было превратиться в синяк.

— Ты же знаешь, что твой братик ничего не может с этим поделать, да?

Звучало так, будто мы вместе придумывали тайну.

- Мама все видела. Люсьен не нарочно.
- Мне больно, пищал я.
- Сейчас мама что-нибудь придумает.

Из кухни раздавался треск открывающегося ящика морозилки.

- Смотри-ка, она осторожно прикладывала к красному месту фруктовый лед. Уже лучше?
  - Немножко.
- Когда совсем перестанет болеть, можешь его съесть.

Тогда я считал про себя до пятидесяти, чтобы не слишком быстро заявить, что боль прошла.

На одеяле перед диваном лежал Люсьен. Вытянутыми руками с крючковатыми пальцами он силился поймать свет потолочной люстры. Можно было есть мороженое прямо в его присутствии, он никогда не просил поделиться.

9

Посреди дороги стоит полицейский и жестом приказывает нам остановиться. Его машина спрятана у обочины.

- Что ему нужно? Ты превысил скорость?
- Говорить буду я, заявляет па, пока мы останавливаемся. Рот держи на замке.

Гаишник хлопнул по кузову и появился у открытого окна со стороны водителя.

- А вот и Морис, говорит он и снимает солнечные очки, придававшие ему строгости.
- Ив, приветствует его па, продолжая смотреть вперед.

Мне кажется, я раньше не видел этого полицейского. Он инспектирует содержимое кузова, рассматривает старые железяки, но ничего не трогает. Затем просматривает бумаги, которые па просит меня достать из бардачка.

— Ну вот опять, Морис...

Снаружи стрекочут кузнечики, скрипят стволы старых елей.

— Тут только что звонили насчет тебя. — Он пару раз постучал по зеркалу заднего вида. — Уехал с заправки, не заплатив. Буянил в баре.

Па отрицательно мотает головой.

- Что, скажешь, опять все врут?
- Бенуа я заплатил.
- Он считает иначе. Во всяком случае, ты остался должен.
  - Иди-ка ты лови лучше преступников.
- Я как раз этим и занимаюсь, ухмыляется полицейский. Номер машины на тебя зарегистрирован?
  - Да-да.
- То есть, если я сейчас проверю, все будет в порядке?

Он уже собирается пойти к полицейской машине.

- Почти, бормочет па. Там административная ошибка, но я с этим разбираюсь.
  - Частенько что-то тебе не везет.
  - В каком смысле?
  - Ну, всегда у тебя что-то идет не так, как надо.
  - Да там просто на почте бардак полный.
- У тебя штраф неоплаченный, Морис. Меньше тридцати евро. Если не заплатишь сейчас, прилетит уведомление, а после этого сумма будет только расти.

Па нервно теребит дырку в обивке переднего сиденья.

— Слышишь, Морис?

Па кивает, но голову не поворачивает, продолжая смотреть вперед.

Я лезу в карман.

- Вот, я протягиваю полицейскому все свои деньги. Теперь оставите моего отца в покое?
  - Брай! гаркает на меня па.
  - За тебя теперь сын долги платит?
  - Деньги возьмете или как? спрашиваю я.

Ив снял полицейскую фуражку с козырьком, запустил пальцы в волосы, пошебуршил и снова надел фуражку.

— Последний раз тебя отпускаю. В следующий раз, если мне попадешься, бумаги должны быть в порядке.

Па елва заметно кивает.

— А на той заправке сам разберись.

Ив делает шаг назад и показывает нам, что мы можем проезжать. Па заводит мотор и слишком резко трогается, отчего шины буксуют, пока снова не находят сцепление с дорогой.

- Ну вот и отделались, говорю я, ожидая получить тычок в плечо.
  - Доволен, да? Окунул папку своего в говно?

Я не понимаю, почему он злится.

- Понравилось, значит? Чувствуешь себя взрослым, да? Чего заткнулся?
  - Я только помочь хотел.
  - Деньги откуда у тебя?
  - Откладывал.
  - Не ври.

И тут он ударил меня по лицу так, что я влетел головой в стекло.

В ушах звенит. Я вижу, что па орет на меня, продолжая смотреть под колеса. Ему не важно, отвечаю я или нет. На приборной панели кивает своей трясущейся головой фиолетовая собачка, во всем с ним соглашаясь.

10

Солнце садится за облака, напоминающие горную цепь. Где-то вдалеке раздается крик лисы, будто женщина кричит. На холме, скрывающем горизонт, горят огоньки, разбросанные по всему лесу то тут, то там.

Каждый вечер они загораются в одних и тех же местах, хотя днем и не скажешь, что там тоже живут люди. Па сидит на ящике и вытаскивает из пакетика пригоршню семечек. Он берет одно, вставляет между передних зубов, надкусывает, открывая, и выплевывает шелуху.

- Брай? это первое, что он говорит мне после того, что произошло сегодня днем.
  - Что?
  - Сходи посмотри, наш Эмиль еще не спит?
  - Зачем?
  - Можешь тогда взять с него аренду вперед.
  - Он же уже заплатил?
  - За эту неделю заплатил, да.
  - Ну и?
- Аренду надо платить вперед, Брай, мальчик мой. Это везде так заведено. А по средам мы всегда берем плату за следующую неделю.
  - По средам?

В клетке заливается лаем Рита. Рико скулит и возит хвостом по бетону. Он не может решиться снова понюхать у нее под хвостом. Он уже лез к ней, и в итоге она его цапнула.

- Может, завтра отвезти тот металлолом, который у нас в кузове, и посмотреть, сколько за него дадут?
- Ты же у нас с жильцом дела ведешь? Или мне этим заняться?
  - Нет, я сам, отвечаю я.

Рита снова набросилась на Рико. Он покрутился на месте и лег в свой угол клетки, уткнувшись носом в прутья решетки.

Через щели между занавесками в трейлер, который снимает Эмиль, пробивается голубоватый свет. «Я пришел

за арендной платой», — тренируюсь я про себя и стучу в дверь. Как в фильмах, отступаю на шаг, будто стою перед дверью в номер отеля. На заднем сиденье его автомобиля замечаю телевизор и настенные часы. Рядом с ними стоят две картонные коробки, на верхней жирным фломастером написано: ЛУИЗА.

— Я пришел за арендной платой! — кричу я.

Дверь неуверенно открывается, у Эмиля мешки под глазами после сна.

- Платой?..
- За следующую неделю.
- Я же тут всего два дня.
- Я вас разбудил?
- Нет-нет, все в порядке.
- Аренду всегда нужно платить вперед. У нас платежный день среда.
  - Вот как.
  - Я же вам сразу сказал, когда вы приехали.

 $\mathfrak{A}$ продолжаю смотреть на него так долго, как только могу.

- У вас деньги не здесь?
- Здесь, но...
- И можно ведь посмотреть на ваш аквариум?

Он выдавливает из себя улыбку, но у него ничего не выходит.

— Ах да, мой аквариум.

Эмиль прикрывает дверь до половины. На секунду мне кажется, что он притащит эту бандуру с плещущейся водой и рыбами прямо сюда.

— Заходи, — все-таки приглашает он, — я их только что покормил.

Воздух в трейлере уже пару раз прошел через его легкие. Во всяком случае, так там пахнет. А из-за лампы в крышке аквариума все покрыто голубой прозрачной лымкой.

- А что это жужжит?
- Это насос.

В маленькой раковине высится неровная башня из тарелок, вилок, ножей и ложек, готовая рухнуть в любую минуту. Спагетти почти не тронуты.

Можешь подойти поближе.

Из-за дверцы верхнего шкафчика Эмиль достает пухлую кожаную папку и оглядывается на меня через плечо. Я быстро отворачиваюсь к аквариуму.

- А вам от этого постоянно писать не хочется?
- Что, прости?
- Журчит же все время.
- Вообще, это в основном успокаивает.

Маленькие красно-синие рыбки скользят в воде, набрасываясь на плавно спускающиеся цветные хлопья. Оранжевая рыбка леопардовой окраски, наверное, думает, что проплыла уже пару-тройку километров, но плывет она всего лишь против течения, создаваемого фильтром для воды. Из невидимой дырочки под вибрирующим хвостовым плавником вылезает какашечный червячок. Как только он отрывается, сине-красная полосатая рыбка, опережая другую, хватает его ртом. И снова выплевывает мелкими кусочками.

- Какашки им не нравятся, заключаю я.
- Что, прости?
- Да ничего.

Эмиль пролезает мимо угла стола и садится на полуторный диванчик напротив меня. Когда наши колени соприкасаются под столом, он ничего не говорит. От голубого света аквариума его щеки кажутся еще бледнее, а круги под глазами еще больше. Мы оба смотрим, как колышутся водоросли и переливаются пвета.

Красиво, — говорю я, показывая на всех рыб сразу.

- Спасибо, благодарно отвечает Эмиль, будто он сам их раскрасил. Иногда я вот так сижу и смотрю на них, и незаметно может пролететь целый час.
- Вы поэтому весь день тут сидите? Или вам нравится этот затхлый воздух?
- Нет, усмехнулся он, не очень. Но утром я вроде и собираюсь выйти на улицу, но ничего не выходит. До сих пор вечер наступал сам собой, незаметно для меня.

Его руки лежат на столе. Ровно обрезанные ногти, никаких шрамов. Могли ли эти руки придушить мать подушкой?

— Это из-за Луизы?

В его глазах мелькнул ужас.

— Откуда ты?.. Она здесь?..

Он тянет за занавеску. Отодвигает в сторону витраж, висящий за ней.

— Как она меня нашла?

Не посмотрев наружу, он поворачивается ко мне.

— Она хочет поговорить?

Некоторое время я молчу, но и он больше ничего не рассказывает.

- Я увидел это имя на коробке у вас в машине.
- На коробке.

Он еще раз бросает взгляд на занавеску.

- Значит, ее здесь нет.
- Вы не хотите, чтобы она вас нашла?
- Ох, он как будто сомневается, хочу, конечно. Но не думаю, что она этого тоже хочет.
  - Почему?
- Вот, возьми, он придвинул ко мне две банкноты по пятьдесят евро, за аренду.

 $\mathbf{\mathcal{S}}$ уже взял деньги, когда понял, что тут что-то не сходится.

— Черт...

- Что такое?
- A вы можете мне разменять? На пять двадцаток.

11

Я обещал па, что пойду к Люсьену, но сначала направился к комнате Селмы.

- Брайан! радостно кричит она, как только видит меня. Ты мой гость?
  - Если хочешь.
- И тако-о-о-ой большо-о-о-ой! восклицает она удивленно. Она делает комплименты насчет таких вещей, которые нельзя считать моей заслугой. Но все равно приятно. Я раньше не замечал, что у нее зеленоватые глаза, а в правом есть коричневое пятнышко.
  - У тебя там что-то коричневое в глазу.
- Ой. Она пытается вытереть глаз. Теперь чисто?
- Нет-нет, это у тебя глаз такой. И это как раз очень красиво.

Она еще раз трет глаз.

— А теперь чисто?

Я не знаю, что на это ответить. Она схватила меня за запястье и покачала руку из стороны в сторону.

- Тяни, командует она и уже слегка отклоняется назал.
  - Ты хочешь на водных лыжах покататься?

По ее сосредоточенному взгляду и кончику языка между губ я вижу, что хочет она именно этого.

- Тогда держись крепче, говорю я и тяну ее за собой по кругу. Она наклоняется вперед, и из-за этого мне видна ложбинка у нее между правой и левой грудью.
  - Ух, ты такой сильный! кричит она.

Я прохожу еще кружок.

Сбив дыхание, она повалилась на кровать, но запястье мое не отпустила. Так что мне пришлось сесть рядом. Когда я тыкаю ее пальцем в бок, она смеется, и смех разливается по всей комнате.

— Ненавижу щекотку, — выдыхает она.

Селма сажает себе на колени куклу, которую, неловко погладив, тут же роняет.

— Ты и правда очень большой, — повторяет она и встает с кровати.

Она продолжает смотреть на меня, и я вынужден ответить:

Спасибо.

Селма покачивается из стороны в сторону, держа руки на бедрах, и говорит:

- Нино тоже очень большой.
- Нино?

Через открытую форточку в комнату залетела божья коровка. Она приземлилась на подоконник и ползет наверх.

- Нино это кто?
- Божья ко-о-о-орка! хлопает в ладоши Селма.

Насекомое еще не успело спрятать крылышки под жестким покровом, а она уже пытается схватить его.

Ну давай же, — бормочет она, опираясь щекой о стекло. — Поймала!

Она смахивает божью коровку в полураскрытую ладонь.

— Смотри!

С гордостью Селма рассматривает маленький пузатый комочек с черными ножками и крапчатым панцирем.

- Это тебе.
- Она умерла.
- Нет!

Она перекатывает жучка по ладони и слегка поглаживает его, пытаясь воскресить.

- Да, смотри, она больше не летает.
- Божья коровка?
- Я думаю, что она и правда умерла.

В панике всё, что она пытается сказать, смешивается в одно большое слово:

- Этаявинавата?
- Ψ_{TO} ?
- Явинавата?
- Ну, может, она была очень старенькой.

Селма кивает, соглашаясь.

- Может, она была очень-очень старенькой.
- Дай мне.

Но Селма уже вытерла ладонь о штанину.

— Она была очень старой, — произносит она таким тоном, будто объясняет мне что-то. — Я сразу это увилела.

Мы снова сидим рядом на краю кровати.

— Я не могу остаться надолго. Мой отец решает, что делать с вещами Люсьена. Он поедет с нами домой.

Наши руки смущенно лежат рядом, чуть касаясь друг друга. Я хочу взять ее руку в свою, но понятия не имею, что делать потом.

- Чик, вдруг весело говорит Селма.
- Ты о чем?

Она показывает на мою голову.

- A, об этом?

Я потянул себя за рваную мочку уха. И раз я до нее дотронулся, Селма тоже хочет ее потрогать.

- Чик-чик.

Она пододвигается поближе и сосредоточенно изучает пальцами мое ухо, гладит невидимые волоски, которые можно только почувствовать. Впервые чьи-то чужие пальцы касаются меня вот так. Она проводит по краешку ушной раковины и возвращается по кругу обратно к мочке. Кажется, что мурашки, побежавшие у меня по всему телу, тонкими проводками соединены с моим ухом.

Селма вздыхает и отпускает мочку. На ее ресницах видны черные комочки туши. Зрачки большие. Мы улыбаемся друг другу. Под окном ревет газонокосилка, поэтому мы бы не расслышали друг друга, даже если бы заговорили. Селма рассматривает мой рот. Кажется, что она хочет его укусить, но не знает, с какого места начать. Медленно она наклоняется ко мне ближе. Я чувствую ее дыхание и слышу, как размыкаются ее губы. И тогда она прижимает свои губы к моим. Уголки наших ртов на мгновение соприкасаются. Она снова отстраняется.

У меня покалывает язык. Я сразу испытываю сожаление, оттого что все так быстро закончилось.

- Брай! раздается из самого нутра здания.
- Черт, это па. Мне надо идти. Никому не проболтайся, что я был у тебя.
  - Брай! раздается уже ближе, чем в первый раз.
  - Пока, бросаю я Селме.

Ее губы складываются в слабую улыбку.

Я вылетаю в коридор. Па стоит на лестнице посередине пролета. Он замечает меня, только когда двери автоматически открываются.

- Что такое? кричу я.
- Черт побери, Брай, ты где был?
- В туалете.
- А чего тут? Рядом с палатой Люсьена ведь тоже есть туалеты.

- Там было занято.
- Ну, спасибо тебе, мне пришлось грузить все в одиночку.

Мимо проехала девочка, управляя джойстиком от инвалидного кресла подбородком.

- Добрый день, поздоровалась она, на удивление четко произнося все слова. Рот у нее такой, что поцеловать его просто невозможно, даже если кто-нибудь этого вдруг захотел.
- Пойдем, мы едем домой, надо еще все это там установить. У меня вся машина забита.
  - А можно мы еще зайдем к Люсьену?
  - Вы скоро много времени будете проводить вместе.
  - Только на минутку?

Хенкельманн пялится на свою светящуюся елку. Как только мы заходим в палату, он весь напрягается. Кажется, будто он задержал дыхание, но грудь его поднимается и опускается. Взгляд похож на взгляд крокодила перед нападением. Па проходит мимо него к кровати Люсьена. Брат поднял ноги и лежит лицом к окну.

— Помнишь этого мальчика?

Па отрицательно качает головой.

- Это Хенкельманн, тот, который постоянно себя кусает.
  - По именам всех запоминала твоя ма.

Я дергаю Хенкельманна за руку, дразнясь. Так иногда можно случайные кнопки на клавиатуре нажимать и смотреть, что будет.

- Я знаю игру, которая ему нравится.
- Оставь мальчика в покое, Брай. Ты же вроде с братом хотел поздороваться?

Я подхожу к кровати Люсьена. Он спит, и во сне его желваки ходят туда-сюда. Под закрытыми веками

подрагивают глазные яблоки, а еще подергиваются пальцы, прямо как у наших собак, когда они спят и вилят сны.

- Мы его прямо сегодня заберем?
- Нет-нет, наш король поедет на специальном такси.
  - Такси?
- Такой специальный микроавтобус. Завтра где-то к обеду привезут.
- Ты приедешь домой, говорю я Люсьену, надеясь, что он приоткроет глаза.
  - Пусть спит, шепчет па.

Пока мы выходим из палаты, ремни на липучках вокруг запястий Хенкельманна трещат.

- Ты хочешь поиграть в нашу игру?
- Оставь его в покое.
- Но Хенкельманну нравится наша игра. Смотри.

Я осторожно провожу указательным пальцем между его бровей, спускаюсь до кончика носа и спрыгиваю оттуда, будто мой палец — это жокей, преодолевающий препятствие. Он летит вниз и быстро касается подбородка.

- Ты уже почти схватил меня, а?..
- Брай, хватит.

Издевательски, как назойливая муха, мой палец наворачивает круги у него перед лицом. Ам! Я чувствую его влажный рот кончиком пальца и падаю назад, ударяясь шеей о полку на стене. Хенкельманн в восторге.

- Ну и ну, говорит па, классная игра.
- Обычно он не такой быстрый. Ты тренировался с этим Тибаутом?

Хенкельманн сразу снова задерживает дыхание, надеясь, что мы сыграем еще разок.

— Нет-нет. — Я потираю шею рукой, чтобы перестала болеть, — на сегодня хватит.

В кузове нашей машины стоит огромная кровать. Матрас завернут в прозрачную пленку.

Брайан. Бра-йен!

Па стоит рядом с машиной и ищет ключи. К счастью, он пока не услышал крики Селмы.

— Бра-йен!

Вслед за ней идет какой-то мальчик, положив руку ей на плечо.

— Быстрее, Нино, быстрее.

Он запыхался, стараясь угнаться за Селмой. Жестами я пытаюсь показать ей, чтобы она не называла меня по имени.

- Бр-р-ра-йен! — орет она так, будто я приз, который она выиграла в лотерею.

Па ухмыляется.

- Ну и кто это тут у нас?
- Открывай уже. Я дергаю за ручку двери с моей стороны.
  - Спокойно, приятель, дверь не сломай.
  - Бра-йен!
  - Она из здешних, видимо.
  - Наверное. Я ее не знаю.
  - Смотри!

Селма показывает на свое лицо. Она накрасилась, как ребенок, который только-только научился раскрашивать, не выходя за границы рисунка.

Па подмигивает мне.

— А, ну да. — Я притворяюсь, что только что вспомнил, кто это, — это Селма. Она иногда приходит к Люсьену. Открыл?

Па гремит связкой ключей.

— Я брат Люсьена, — обращаюсь я к Селме.

Она наклоняет голову чуть набок.

 А Люсьен едет домой, так что мы сюда больше не приедем.

Она не понимает. Теперь, когда па тоже на нее смотрит, я вдруг замечаю, что у нее что-то с глазами. И каждый раз, когда она произносит звук «с», слюна брызжет с ее губ во все стороны. Она из тех девушек, которых нельзя обнять, потому что они оставляют на тебе свой отпечаток, так что все могут увидеть, что ты сделал.

- Поце-луй-чики, шепчет она слишком громко, поце-луй-чики.
  - Заткнись.

Селма только хлопает ресницами.

Па залезает в машину.

— Посмотри на меня, — я коротко беру ее за руки. — Люсьен завтра поедет домой. Так что я какое-то время не смогу приезжать.

Заводится мотор, мы вздрагиваем и отпускаем руки.

Я скоро вернусь к тебе, — обещаю я.

Вдруг Селма резко разворачивается, таща мальчика за собой, словно прицеп.

Па пару раз резко и громко гудит клаксоном. Все, кто бродит по полю, смотрят в нашу сторону. Кроме Селмы. Она неуклюже взбирается по пандусу для колясочников, закрыв уши руками.

К счастью, всю дорогу домой па ничего о ней не говорит. На коленках у меня пластиковая сумка, а в ногах лежит подъемник для сиденья унитаза. Между нами втиснулась огромная упаковка подгузников.

Я опускаю солнцезащитный козырек, чтобы посмотреть на себя в зеркало. Как можно незаметнее я рассматриваю свой рот. Ничего не видно.

Тем временем па, к моему облегчению, снова завел шарманку о том, что ему пришлось все складывать в одиночку.

13

— Вот!

В меня летит длинная-предлинная подушка-валик.

— И вот это еще занеси внутрь.

Он дает мне зеленую папку. На корешке написано: ЛЮСЬЕН. Я открываю ее, пролистываю и нахожу схему.

- Что это?
- Его инструкция. На случай, если с ним случится припадок. Там написано, когда какие таблетки давать, что твой брат любит, важные номера телефонов и все такое.
- A как тебе удалось в одиночку втащить эту кровать в машину?
- Ребята местные помогли. Монголы, они очень сильные... Он восхищенно цокает языком. Во какие у них ручищи.
  - Так ты не один грузил это все?

Па передает мне еще одну сумку.

- И это возьми еще, можешь? Или слишком тяжело?
   Вся сумка забита коробочками и баночками с лекарствами.
  - Люсьен это все принимает?

Но па уже внутри. Я втаскиваю за ним вещи в наш трейлер.

— Куда поставить?

- К тебе в комнату.
- Почему это ко мне?
- A куда ты предлагаешь?
- В твою комнату давай поставим.
- Брай... только и говорит он. Спор на этом окончен.

Вещи Люсьена как-то неестественно стоят среди моих вещей. Я не могу себе вообразить, что мой брат тоже скоро будет здесь. И что он будет жить со мной в одной комнате.

- A он не может спать рядом с телевизором? спрашиваю я па, когда он входит с пачкой подгузников и уткой.
  - А кто за ним там будет следить?
  - Мы с тобой.

Он кидает подгузники на мою кровать.

- Освободишь полку в шкафу?
- Тебе надо это увидеть!

Па протягивает удлинитель к машине. С пультом управления в руке он ложится на кровать, которая все еще стоит в кузове. Под матрасом шумит моторчик.

— Вот так спит наш король!

Он опускает изголовье вниз, а его ноги остаются задранными вверх в углу кровати.

- Попробуй тоже, двигается он. Упираясь ногой в заднее колесо, я подтягиваюсь и забираюсь в кузов.
- Только не с грязными ногами, он пинает меня в икры, ботинки сними. Пятьдесят евро взяли в залог, парень, так что мы должны вернуть ее чистенькой.
  - Она же в пленке.
  - И пленку мы тоже пачкать не будем.

Я ложусь с ним рядом.

— Вот, — он отдает мне пульт и показывает на верхнюю кнопку. — Просто нажми тут.

Па закрывает глаза. Волосы у него на руке щекочут мою руку. Я жму на кнопку, моторчик под нами начинает жужжать.

— Класс, — кряхтит па, когда я сгибаю нас пополам, — теперь сам выбери что-нибудь другое в меню.

Только ноги наверх, только спину. Закрывая глаза, я представляю, что рядом со мной лежит Селма. Теперь еще разок складываю нас пополам. Из этого положения я опускаю нас вниз и выпрямляю кровать. Нам с Селмой так нравится больше всего. Па тоже. Довольный, он лежит рядом. Когда он открывает глаза, то замечает, что я на него смотрю, и даже не отпускает никакой шутки, и даже не тычет меня кулаком в плечо, в этот момент я почти что хочу его обнять.

- А как мы ее внутрь затащим?
- А давай-ка ты нас еще разочек пополам сложишь, Брай?

Электрическая кровать двумя колесами стоит в кузове машины, а двумя другими на траве. Что мы не пробуем, поднять ее у нас не получается.

Черный Генри увидел, как мы над этим бьемся, и вот он илет к нам.

- Ни слова о твоем брате, предупреждает меня па. Жан следует за Черным Генри вместе со своим кислородным аппаратом.
  - Купили больничную кровать?
- Типа того, отвечает па, надо поставить ее вот тут, рядом с холодильником.
  - A что, собрался в аварию попасть?
  - Ну, никогда же не знаешь, как там сложится.

Па стаскивает паллеты в сторону, хотя они и не лежат на дороге.

 Можешь помочь поднять? Брай с этой штукой не справляется, слишком тяжелая.

Жан окидывает взглядом вещи, сваленные в пикапе.

- A это все что еще такое?
- Мы открываем больницу, встреваю я, чтобы они перестали допрашивать па.
- Ах, вот как, говорит Жан, не хотел бы я в нее попасть.
- Она для людей, которые хотят поскорее умереть, отвечаю я.

Все засмеялись.

- Мы у скупщика взяли, па сверкает глазами то на одного, то на второго. Ему надо было поскорее от нее избавиться, так что я получил ее почти даром.
  - Почти даром?

Черный Генри заглядывает под кровать, как он это обычно делает с автомобилями.

- Недорого.
- Я тоже так решил. Продам с выгодой.
- А нам так и ждать наших денег?
- Я скоро отдам.
- A съемщик?
- Работаю над этим.
- Может, нам самим к нему заглянуть? А откажется платить так ты его отсюда взашей и вышвырнешь.
  - Дайте ему еще немного времени.

Тогда Генри забирается в кузов и приподнимает кровать. Я с папой тяну ее с другой стороны. Жан наблюдает.

— Давай, давай еще, — кряхтит па. — Так, сюда, теперь немного вперед.

Риту пнули в зад, потому что она постоянно присаживалась у нас на пути.

 Последний метр, — кричит па, — всё, опускай, ставим ее! Жан смотрит на дверь.

- А как ты планировал затащить ее внутрь?
- Никак.
- И что ты будешь с ней делать?
- Будет садовой кроватью. Па вытаскивает из холодильника две полулитровые банки пива. Господа, спасибо за помощь.

Одну банку он протягивает Генри, вторую бросает Жану.

— Это вам на ход ноги. Очень жаль, но у нас с Брайем еще есть дела.

Жан пинает носком своего рабочего ботинка одно из колесиков кровати. А Генри старается прочитать, что написано на бумажке под пленкой на матрасе.

- И кто же будет здесь спать? спрашивает Жан. Па мигом скрывается в трейлере. Морис, я тебе вопрос задал!
- Я же уже сказал, отрезал па через кухонное окошко. Чисто биз-нес.

Жан и Генри быстро переглядываются.

- Брайан? обращается тогда ко мне Генри.
- Что?
- Это для твоего брата?
- Конечно, нет. Я мотаю головой подольше, чтобы выглядело достаточно достоверно. Вы же слышали, что сказал мой па.

Как только они ушли, па снова возникает в дверном проеме.

- Как думаешь, дождь будет?
- Понятия не имею.

На всякий случай мы укрываем кровать брезентом. Теперь отовсюду слышно, как он хлопает, когда им играет ветер. Па закрепил его двумя ремнями.

— А что ты скажешь, когда они увидят, что здесь лежит Люсьен?

Вокруг нас медленно кружит рыжий шмель. Рико пытается схватить его зубами, но промахивается, и жужжание становится тише: шмель исчезает в дырочке в земле.

— Когда они твоего брата увидят, больше не осмелятся сказать что-то против. Поверь своему па.

14

Старой рубашкой, которую еще мама носила, я пытаюсь до блеска оттереть спицы и обода колес на своем мопеде. Ткань рвется о ржавчину, а я царапаю пальцы.

Здравствуй.

Вдруг поодаль от меня появляется Эмиль.

- Вы ко мне подкрались!
- Извини, я не хотел тебя напугать.

Солнце светит слишком ярко, и я не могу смотреть на Эмиля прямо.

— Па нет дома. — Я поднялся с земли. — Он где-то через час вернется.

Ступнями я удерживаю банку с энергетиком в вертикальном положении. Вокруг отверстия в ней ползает оса, привлеченная сладкими капельками напитка. И все-таки я решаюсь на всякий случай поинтересоваться:

- А что, какие-то проблемы?
- Да нет, его взгляд скользнул по кровати. Просто не могу целыми днями сидеть взаперти.
  - Это кровать для моего брата. Он приедет сегодня.

— У тебя есть брат?

Эмиль изучает поручень, держась за который можно забраться на кровать.

- Он в аварию попал?
- Что?
- После аварии обычно прописывают постельный режим для восстановления.
  - Нет, он с рождения на постельном режиме.
  - Понятно. А что у него?
- Мне кажется, у этого нет названия. В животе у мамы что-то пошло не так.

Эмиль рассматривает паллеты, просевший журнальный столик, который па когда-то использовал как рампу для своего мотоцикла, металлолом, заросший травой.

- Он на пару недель всего к нам.
- Я думал, ты единственный ребенок в семье.
- Ну, почти что. Брат у меня скорее приходящий, точнее, это мы обычно ездили к нему по воскресеньям.
- Ну ладно. Эмиль неопределенно махнул рукой в сторону ворот. Пойду прогуляюсь. Приятно было поболтать.
  - А вы?
  - А что я?
- Да так, говорю я тогда, сам не очень понимая, о чем спросил. У вас дети есть?

У него на лице снова появляется фирменная улыбочка. С ее помощью он будто пытается дать понять, что все, что он говорит, не так уж и важно. Или заранее извиняется за то, что еще только собирается сказать.

- Э-э... нет.
- Луиза не хотела?
- Нет, она как раз хотела. Но не все в этой жизни зависит от наших желаний. Может, оно и к лучшему.

— A почему вы постоянно улыбаетесь, когда что-то рассказываете?

Он заливается краской.

- Правда?.. Я так делаю? Хотя да, конечно, ты прав. Некоторые заикаются, когда нервничают, а я — вот так.

В этот момент он изо всех сил старается не улыбаться.

- А сейчас вы нервничаете?
- Это не из-за тебя.

Снова улыбочка.

- Просто так вот...
- А Луиза не звонила?
- Нет.
- А по другому номеру с ней не связаться?
- Кажется, я уже все возможные номера испробовал.
  - А вы женаты?

Он кивнул. Я хочу рассказать ему про Селму, но не знаю, с чего начать.

- A может, вам позвонить какой-нибудь подружке Луизы?
  - Как ты много вопросов задаешь.

Эмиль скрещивает руки на груди.

- А вы не любите вопросов?
- Вопросы это хорошо, но... Кому попало все рассказывать не будешь. Мне бы хотелось знать, кто эти вопросы задает.
  - Я задаю.
  - Да, но мы практически не знакомы.

Я снова присаживаюсь рядом со своим мопедом. Там, где я еще не протер, на спицах поблескивает масло. Под ногтями у меня грязь, так что я получше наматываю на руку рубашку и тру дальше. Эмиль продолжает стоять рядом.

— Но вопросы у тебя хорошие.

Я вижу, как шевелятся под тряпичными носками ботинок его пальшы.

- Честно говоря, я попытался связаться и с ее подругой, и с родителями, но, по всей видимости, они видят на экране, что это звоню я.
  - Или ее никогда нет дома.
  - Это тоже возможно, посмеялся он.

Мне хочется уже вставить новую свечу зажигания, хоть па и сказал, чтобы я этого без него не делал. Спицы снова блестят как новенькие. Я беру свечу с нагретого сиденья и играю с ней. Эмиль замечает, что я не знаю, куда ее нужно вставлять.

— Под вот тот провод.

А когда я потянул за другой, он уточняет:

- Тот, который со штепселем.
- Вы в этом разбираетесь?
- Я тоже когда-то был молодым.

 ${\bf Я}$ вытаскиваю из пластикового пакета с инструментами торцевой ключ, но он не подходит.

- Кажется, тебе нужен ключ подлиннее, он произносит это так тихо, что кажется, я слышу не слова, которые вылетают у него изо рта, а мысль, возникшую в моей собственной голове. — Двадцать первый, если не ошибаюсь.
  - Я его и искал.

Старая свеча зажигания откручивается без проблем, и я как можно более небрежно вставляю новую. Эмиль молчит, поэтому я не знаю, все ли я делаю правильно, и останавливаюсь.

- Так? все-таки спрашиваю я его.
- Отлично. Теперь закрути ее этим ключом.
- У вас раньше тоже был мопед?
- В мое время все на таких гоняли. Но меня больше интересовала техническая составляющая, а так

он большую часть времени пылился в сарае. Я не из тех ребят, что любят скорость.

Я, видимо, слишком давлю на ключ.

- Все, закрутил, говорит он, по идее, теперь он должен завестись.
  - Только бензин нужен.
- Да, это довольно важная деталь, снова засмеялся он.

Я убираю обратно инструменты.

- Можно теперь у тебя я кое-что спрошу? спрашивает Эмиль.
  - В каком смысле?
  - Ну ты же расспрашивал меня только что.
  - Эм... ну давайте.

Эмиль смотрит по сторонам.

- Ты живешь здесь с отцом один?
- Ага.
- А где твоя мама? Сюда же твой брат скоро приедет, вот я и спрашиваю.
  - Она в свадебном путешествии.
- Ах вот оно что!.. восклицает он с таким энтузиазмом, будто я только что сообщил, что у меня сегодня день рождения.
  - Я с ее новым парнем не знаком.
  - Вот как...
- Видел его всего один раз, когда он подвозил ма.
   Его зовут Дидье.
  - Неприятно, наверное.
  - Да все равно мне.
  - Правда?
- Ма считает, что Дидье выбрал только ее, а не все, что там к ней еще прилагается. А Люсьена он получил в качестве бесплатного бонуса. Дидье было вполне достаточно одного ребенка. Так что я остался жить с па.
  - О, так значит...

Но Эмиль не говорит, что это значит.

- У ма куча родственников, и все такое. И Люсьен. А теперь вот еще и Дидье. А у па никого, кроме меня, нет.
  - И с тех пор вы живете тут?
  - Типа того.

Рядом с нами приземляется воробей и начинает купаться в песке.

- Тогда твоему отцу повезло.
- Почему?
- Потому что у него есть такой сын, как ты.

На это я только пожал плечами. Вокруг глаз у него от смеха появились морщинки.

- Я пошел. Хорошо тебе повеселиться.
- В смысле?

Эмиль кивает на кровать:

— С твоим братом.

15

«Мы перестали справляться, — всегда отвечала моя ма на вопрос о том, почему Люсьен больше не живет дома. — Особенно он с Брайаном не ладил, было сложно. Но и с Морисом тоже». В супермаркетах она говорила это другим мамам, которых мы встречали. Часто даже если ее об этом никто не спрашивал.

В комнате Люсьена ничего менять не собирались. На тот случай, если он приедет погостить на выходные. А в остальные дни мы туда ставили сушилку. И пылесос. На его кровати выросла гора выстиранного белья, которое надо было погладить, а еще туда же поставили коробку от нашего нового телевизора.

Я думал, он изменится, оттого что будет жить там. Может быть, станет лучше. Но каждое воскресенье, которое я просиживал у его кровати, я отмечал, что все в нем остается прежним.

Казалось, ма все время ждала кого-то, кто никак не приходил. Она без конца звонила спросить, все ли в порядке. Мне кажется, я не скучал по Люсьену. Его просто не было дома. Он не исчез, а просто как будто отошел в сторону. Ушел в сон. После каждого нашего визита он всю неделю спал и видел сны о нас. И в тот момент, когда мы въезжали на парковку, кто-то из персонала будил его.

Но я знал, что на самом деле это не так. Я часто замечал ранки у него на руках, которых раньше не было. А иногда и царапины на лице. А один раз у него был синюшный ноготь на большом пальце. Так что Люсьен явно просыпался и когда нас рядом не было.

Ма целовала меня перед сном коротко, будто старалась не дать мне фору по поцелуям перед братом, ему-то ее поцелуи не доставались. И по той же причине мы старались навещать его так часто, как только могли. Уже через пару недель мы взяли его с собой на денек поплавать в пруду.

Меня оставили ждать в машине на парковке, а ма пошла забрать Люсьена. Так получалось быстрее. Па тоже ушел, чтобы помочь толкать кресло-каталку. Здание интерната напоминало школу.

— Но в отличие от школы, тут ничему не научат, — сказал на это мой отен.

У главного входа в здание стояло несколько человек. Я знал, что тут живут еще какие-то люди, но кроме Люсьена пока никого не видел. Для меня все они были сродни динозаврам. Но у всех была какая-то

особенность, которая делала каждого непохожим на всех остальных. Так что все вместе они были коллекцией последних представителей своего собственного вымирающего вида.

- Идет, громко сказал я, обращаясь к самому себе. К машине Люсьена подвезли на кресле, пешком этот путь занял бы у него слишком много времени. Теперь, когда я его увидел, я вдруг осознал, что ужасно соскучился, и начал нетерпеливо дергать ручку задней дверцы машины. Она не поддавалась, на ней стояла детская защита.
- Садись вперед, сказала мне ма. Я быстро проскользнул между сиденьями. Пока па усаживал Люсьена назад, ма держала его голову, чтобы он не ударился.
  - Привет, сказал я.
- Ку-ва-ваа, отреагировал он, будто я сказал что-то не то, ку-ва-ваа!
- Смотри, солнышко мое, мама сядет с тобой рядом.

Она залезла к нему на заднее сиденье, взяла его руку в свои, чтобы погладить ладонь между мизинцем и указательным пальцем, но он начал сопротивляться.

— Ку-ва-вааа!

Влажными пальцами мама попыталась пригладить ему выбившиеся пряди. Она хотела его поцеловать, но Люсьен весь извернулся и отполз от нее так далеко, так только мог.

- Так здорово, бодро произнесла она тогда, вот мы снова все вместе, вчетвером.
- Мы все вместе, вчетвером, повторил я вслед за ней. Π а, па?
  - Вчетвером, сказал он.

Мы все произнесли это вслух, и эта фраза прозвучала как договор.

— Хм-м-м, хм-м-м...

При каждом новом «хм-м-м» Люсьен кивал, будто соглашался со всем, что мы говорили. Волосы у него снова непослушно топорщились.

Наш пляж на песчаном карьере не был похож на те, которые снимают в рекламах. На нашем был серый грубый песок, который забивался мне под ногти, когда я в нем рылся, и было больно. Крепость так точно не построить. В таком песке можно было только ямки выкапывать. Вокруг на каждом шагу лежал утиный помет: зелено-черные полоски с белым пятном на конце. Похоже было. булто гномы начали расписывать их красками, но, заслышав наши шаги, все бросили и убежали. Не вляпаться было просто невозможно: чистого места не было на всем пляже. Но ныть по этому поводу я не собирался, а то мама сложила бы полотенца и мы отправились бы домой. А карьер тут такой глубокий, что однажды в нем пропал водолаз. Я всегда удивлялся, что вода такая гладкая, но под этой гладью все равно никак не рассмотреть, насколько там глубоко. Вдруг набежали облака и стало так холодно, что кожа покрылась пупырышками, но, когда ненадолго снова выглядывало солнце, становилось опять очень жарко. Ма через голову стянула с Люсьена футболку, а он сопротивлялся, отпихиваясь тонкими ручками.

— Может, он хочет пить! — крикнул я. Ма подняла его ногу, согнула в колене и натянула плавки поверх его подгузника, хоть он никогда и не заходил в воду глубже, чем по щиколотку. Она проверила сгибы локтей, коленей, ямочку у него на шее.

Па пришел попозже и сел рядом с нами. Ему надо было что-то там подлатать под капотом. С собой он принес пакет из супермаркета, в котором было несколько банок пива. Он никогда не держал такие пакеты за ручки, а зажимал верхнюю часть в кулаке, будто боялся, что

иначе что-нибудь выпадет. Так мой отец, в общем-то, держал все, что ему принадлежало.

Люсьен ползал между деревьев. Зеленая вода почти доходила мне до плавок. Дальше заходить пока не хотелось, яички подмерзали. Пальцами ног я загребал со дна холодный ил и мелко дрожал. Было очень легко понять, откуда я пришел, потому что в том месте в воде поднялась черная взвесь.

Па лежал на животе рядом с полотенцами, которые расстелила ма. Он уперся локтями в песок, чтобы дотянуться и достать из пакета банку пива. Ма начала оглялываться в поисках Люсьена.

— Он стоит у деревьев! — крикнул я.

Люсьен прикрыл глаза рукой. Может быть, мой брат думал, что мы его не видим, потому что он сам нас видеть не мог. Когда он убрал руку от лица, то громко рассмеялся.

- Мам, иди загорать! крикнул я.
- Не ори так, Брай.
- Да оставь мальца в покое, огрызнулся на нее па.
- Я присмотрю за Люсьеном, сказал я. Под ногой у меня было что-то острое. Может, акулий зуб. Я попытался вытащить его пальцами ноги, но упустил. Ма стянула широкий ворот блузки на плечи, посмотрела на свою кожу и еще раз обернулась к Люсьену.
  - Он играет! крикнул я.

Она легла. Па повернул голову и посмотрел на нее, когда она прикрыла глаза. Я нырнул под воду. Чем ближе ко дну, тем зеленая вода становилась темнее. Я едва различал в ней свои парящие бледные руки. И хотя губы мои были плотно сжаты, я все равно ощутил вкус воды. А потом снова вынырнул.

— Я видел рыбу! Вот такую огромную! — закричал я, разведя руки в стороны. — Почти поймал ее, но она испугалась.

Па выставил вверх большой палец.

— А еще мне показалось, там был водолаз.

Ма снова посмотрела на Люсьена. Он нашел веточку и дрался с воздухом. Иногда он случайно задевал ею дерево. Из него вышел бы никудышный рыцарь, не считая тех моментов, когда он злился. В такие минуты он мог и укусить тебя, и даже сломать кофемашину или электрическую сушилку в ванной.

Па теребил маме сзади блузку. Она отстранилась и оттолкнула его руку.

- Да сними ты, - сказал ей па, - тут же никого нет.

Ма еще раз посмотрела на Люсьена.

- Отстань от моего лифчика, Морис.
- Ох, ты ж...
- Маме это не нравится! крикнул я.

Па сплющил банку из-под пива и взял взамен из пакета новую.

— Иди с сыном поплавай.

Па отвернулся и посмотрел на другую сторону карьера, другого ответа от него не последовало.

— Да не надо, мам.

Он поднял полную банку пива, как бы салютуя в мою сторону. Люсьен мычал и двигал бедрами туда-сюда, словно исполнял какой-то танец. Запрокинув голову, он смотрел, как свет играл в иголках сосен. Затем он издал свой динозавровый вопль.

- Ему тут нравится! крикнул я.
- Да, кивнула ма, ему тут нравится.

Па поплелся с банкой пива к турнику, сплющил банку и бросил ее на песок. Потом повертел плечами, взялся за верхнюю перекладину, медленно подтянулся до самого верха, пока его подбородок не оказался выше рук. Затем аккуратно опустился и повторил все еще дважды. Я похлопал ему.

Ма лежала на своем полотенце, подставив лицо солнцу. Люсьен снова размахивал своей палкой во все стороны, но себе не вредил.

Казалось, что все хорошо.

Чуть поодаль от нас расположилась другая семья. Когда пришли еще люди и их дети побежали к воде с надувной лодкой наперевес, ма начала собираться. При этом она постоянно посматривала то на Люсьена, то на нарушителей спокойствия, которые тоже заметили моего брата. Дети с любопытством на него уставились. Но я представил себе, что Люсьен — это только наполовину мой брат, а наполовину — динозавр, так что уже не боялся, что они о нем подумают, а даже стал гордиться, что у меня есть такой брат.

— Вылезай из воды, Брай, — крикнула ма, когда все собрала. — Я повторять не буду!

Ма очень хотелось заехать вместе с Люсьеном домой до того, как его надо будет везти обратно. Чтобы он не забыл свой дом. Но па считал, что Люсьен тогда захочет остаться и не поймет, что теперь он живет в другом месте.

Последний отрезок пути Люсьен несильно стучался головой о стекло. В машине его всегда начинало клонить в сон. И он издавал такие звуки, будто он устало напевал песню, слов которой не помнил.

- Проводишь Люсьена вместе с папой, поможешь?
   Ма сидела сзади с открытой дверью.
- Сделаешь это для мамы?
- Конечно.

Вдвоем мы с папой справились очень быстро. Колесики инвалидного кресла визжали на поворотах. На всех

парах я пронесся мимо комнаты Хенкельманна и мельком увидел, что на локтях у него повязка. Наверняка потому, что он грыз и кусал себя до крови. В коридоре нас уже ждал Камиль.

— Здрасьте, мистер! Здрасьте, мистер!

Он вставал прямо перед тобой, выставив руку так, что тебе ничего не оставалось, как дать ему пять, и только после этого он пропускал тебя дальше. Па хлопнул его по ладони и пошел дальше, а Камиль остался с интересом изучать собственную руку.

В то время Люсьен делил комнату с Лиззи. У нее были короткие черные волосы, вившиеся колечками. Мама у нее была блондинка, но Лиззи больше походила на китаянку. Отца ее я там никогда не видел. Лиззи умела чуть больше, чем Люсьен. Она могла похлопать в такт песенке, сама держала кружку и могла показать на пластиковой доске картинку со столом или клубникой, имея в виду стол или что-то красное. Все инвалидные кресла были ей велики, поэтому ее носили в слинге. Нижние веки у нее немного обвисли, так что были видны две красные полосочки. Я боялся только, что, если она расстроится и заплачет, из глаз у нее вместо слез пойдет кровь. Па говорил, что существуют статуи Девы Марии, которые так могут, но у такой китаёзы не выйдет.

— Заткнись, — шипела на него ма. А я должен был обещать, что никогда и ни за что не скажу ничего такого маме Лиззи.

Когда мы вкатили Люсьена в комнату, мама Лиззи подняла глаза от журнала.

- А Мила не с вами?
- Она ждет в машине, выдохнул па. Не нравится ей оставлять его здесь.

Понимаю.

Она снова занялась журналом, а па застегнул свою кожаную куртку до самого верха и потом опустил бегунок до середины.

- А в остальном как, всё в порядке?
- Да, конечно, улыбнулась она. У Лиззи сегодня был отличный лень.

Люсьен уже тогда жил на кровати у окна. Рядом висела магнитная доска с нашими фотографиями. У него был пластиковый динозавр, которого я ему подарил. А напротив кровати висел постер с черепашками-ниндзя. Не то чтобы он их очень любил, просто у нас с ним были одинаковые пижамы с таким рисунком. С потолка свисали бумажные птицы. Они остались еще от того ребенка, который жил в этой кровати до Люсьена.

- У него подгузник полный, прошептал я па. Даже когда он был в штанах, я видел, что подгузник уже болтается у него между ног. Пописал, подумал я, потому что запаха я не чувствовал. Па?
- И будет полный, пока кто-нибудь из персонала не придет, всего через каких-то пару минут. Им за это платят.

Когда он затащил его на кровать и неловко укрыл одеялом, мы еще немного постояли рядом.

— Хороших снов тебе на этой неделе.

Люсьен уже водил головой из стороны в сторону по подушке, и он будет продолжать делать это, пока не заснет.

— Идем. — Па разгладил складки на одеяле. — Скажем на стойке регистрации, что сдали твоего брата обратно, — подмигнул он маме Лиззи.

Ма все еще сидела на заднем сиденье автомобиля. Казалось, что ее руки пытались утешить друг друга. Когда

мы с ма садились сзади, па обычно начинал ворчать что-то вроде того, что он не такси. В этот раз он изучающе посмотрел на ма в зеркало заднего вида и поехал, не успел я даже пристегнуться.

- Все прошло хорошо? как-то по-детски спросила ма.
  - Как всегда, ответил па.
  - Люсьен теперь опять всю неделю проспит?

В кулаке у ма был зажат измятый носовой платок. Но по ее глазам я не понял, плакала она или нет.

- А можешь меня погладить, как Люсьена? попросил я и протянул ей руку.
- Ты себя сам можешь погладить, чуть слышно произнесла она. Я навалился на нее на крутом повороте. А потом меня швырнуло обратно, так что я снова сел ровно.

Я постарался согнуть пальцы как можно более неестественно и угловато, чтобы было похоже на пальцы Люсьена. Но долго я так не продержался. А пока гладил себя, ощущал только, что это я сам себя трогаю.

Под передним сиденьем я увидел игрушечного динозавра. Вообще-то это был лётозавр. Ногами я подтянул его к себе. Посередине живота у него был пластиковый шов. На нем были написаны слова на непонятном языке, но я мог прочитать некоторые отдельные буквы. На ногах у него было по три скрюченных пальца, но они были слишком маленькими, гладить их не получалось.

Динозавр хотел посмотреть в окно, поэтому я поднес его к стеклу и называл ему все, что мы проезжали мимо: бетонный фонарный столб, бетонный фонарный столб, аварийное ограждение с вмятиной. Жестянки на обочине. Мост через другую дорогу. Магазин напольных покрытий. А вдалеке гора, которая на самом деле не настоящая, это просто куча щебня, от которой под дождем шел пар. Лопнувшая шина на обочине. Грузовик

без прицепа. Кусты. Коробочки из «Макдоналдса». Все это было лётозавру в новинку.

— Быстро едем, да? — прошептал я ему.

Он кивнул.

— Это все мой па, он хочет побыстрее оказаться дома.

Я помню, что мы в тот момент только что переехали железную дорогу. Потому что ма вдруг взяла мою руку, положила к себе на колено и начала гладить меня по перепонкам между всеми пальцами.

16

- Не трогай, говорит мне па, хотя сам всегда пытается прибить осу, если она лезет ему в рот. Чем ближе мы к баку для сбора стекла, тем больше вокруг ос. На обочине дороги много гороха, так что я срываю стручок, выдавливаю из него горошинки и провожу волосатой кожицей по уголку рта. Больше не колется. Мы стоим у дороги, усыпанной песчаной крошкой, которая ведет туда, где мы живем. Па считает, что нам лучше подождать здесь, пока не приедет автобус с Люсьеном, чтобы Жан и Черный Генри не трепались с водителем.
  - Ну вот, скоро мои пацаны снова будут вместе.

Па вытряхивает из тапка камушек и потирает руки.

- A ты знал, что наш постоялец не может иметь детей?
  - A? па смотрит на меня. Ты чего там болтаешь?
  - А он хотел детей. И она тоже.
  - Чего-чего?

- Он мне сам рассказал.
- Когла?
- Пока тебя не было, он заходил.
- Вот, значит, что он тебе рассказывает?
- С Луизой хотел.
- А это кто еще?
- Его жена. Но она ему не перезванивает.
- Так наш мешок с деньгами еще и женат?

Здорово, когда мне есть что рассказать па. Хоть это и не бог весть что.

- А почему эта Луиза его вышвырнула?
- Мне-то откуда знать?
- Ну как, он же тебе все рассказывает?
- Я просто сам спросил. А он ответил.
- Сам спросил?

Я кивнул.

- Я его тоже спрашивал, но наш мистер сказал только, что все очень сложно.
  - Эмиль не очень любит расспросы.
  - Но твои любит, очевидно.
  - И кому попало не рассказывает.

Я хочу еще добавить, что, по словам Эмиля, па со мной повезло, но объяснить, почему ему повезло, я не смогу.

— А зачем еще он приходил? Какие-то проблемы?

В том, что я еще могу рассказать, слишком часто звучит слово «ма», так что я отрицательно мотаю головой.

— Так что, больше ничего не хочешь рассказать?

Я не могу понять, он считает, что я знаю слишком мало или слишком много.

- Он просто вел себя любезно.
- Любезно, значит... повторяет па.

Вдруг вдали появляется автобус, но у поворота замедляется, будто в сомнениях.

 Притворись, что мы просто случайно мимо прохолили.

Па, рисуясь, выходит на середину дороги, жестами показывает шоферу, что дальше не пойдет и что тот должен развернуться. Позади шофера подпрыгивают и трясутся на кочках и ухабах головы. Слышен скрип жестких заржавелых рессор. Люсьен — на самом последнем сиденье. Девочка со стянутым в одну точку лицом злобно смотрит на меня. А я надеялся увидеть там Селму. Она могла бы проводить Люсьена. И пока па улаживал бы все формальности с шофером, я бы показал ей наш холодильник и предложил бы ей напиток. И это не было бы чем-то странным, просто проявление гостеприимства. Сейчас жарко, все хотят пить. А Люсьен начал бы с таким энтузиазмом раскачиваться в своем кресле-каталке, что па сразу же решил бы, что Селма — его девушка. И когда мы стояли бы друг напротив друга у холодильника, полоски тени от жалюзи падали бы ей на лицо. Рико лизнул бы ее соленую коленку, и она захихикала бы. А я бы выждал подходящий момент, чтобы сказать, как мне жаль, что я вел себя некрасиво. И что иначе было нельзя. И что я был бы не прочь поцеловаться по-настоящему. Селма бы улыбнулась и протянула мне свой пустой стакан, потому что сначала она хотела попить еще. Тем временем па был бы очень занят заполнением всяких бумаг. И Селме разрешили бы остаться на обед, если мы обещали бы привезти ее попозже обратно. И мы бы пошли к Ногтю за картошкой фри.

[—] Можешь уже разворачиваться! — кричит па шоферу и рисует рукой полукруг, показывая, куда ехать. Окошко со стороны водителя ползет вниз. Па фамильярно засовывает руку внутрь и показывает Люсьену

на заднем сиденье большой палец. Мне не слышно, что они там обсуждают.

Автобус разворачивается, начинают мигать аварийные огни. Па шлепает ладонью по задней двери, которая вся в пыли, дергает за ручку. Но дверь, само собой, еще закрыта.

- Шевалье? Худой бородатый мужчина медленно и скованно, словно в спину ему вставили железную спицу, обходит минивэн сзади.
  - Мы ждали вас еще полчаса назад.
- Нигде не мог отыскать нужный номер, говорит он, отмахиваясь от осы. Где ваш дом?
- Он там, дальше, отвечает па и жестом показывает на все еще закрытую дверь. Мы пошли вам навстречу.
  - Вообще, я должен довезти клиента до порога.
- Кажется, вам еще много кого надо доставить. И в повисшей тишине па добавляет: Кстати, там за поворотом дорогу ремонтируют, так что вам там все равно не проехать.

Как только задняя дверь открывается, все головы оборачиваются и пытаются что-то разглядеть из-за подголовников. Кроме головы Люсьена. На ручках его кресла-каталки болтается холщовая сумка. Я помогаю па выдвинуть алюминиевый пандус. Пока кресло Люсьена отстегивают, па делает пару шагов назад и оказывается рядом со мной.

— Ну вот и твой брат.

Прежде чем отправиться дальше, автобус ждет даже слишком долго. Бледная кожа на голове у Люсьена почти что светится из-под его темных волос. Ногами он нетерпеливо натягивает ремешки на подножках, а руками пытается вытереть у себя из глаз солнце, словно

это шампунь. Головой он вертит во все стороны, но яркий свет льется на него отовсюду. Наконец автобус, пропустив вперед груженную древесиной фуру, выезжает на шоссе.

- Мда-а, протянул па. Мы оба смотрим на Люсьена. Только теперь, когда он не утопает в своей кровати, а сидит тут посреди дороги в своем взятом напрокат кресле-каталке, я вижу, какой он все-таки маленький. В шею ему впивается воротник застегнутой на все пуговицы рубашки-поло, которая свисает с плеч. И эти его узловатые кривые ноги.
  - Феффе, издает он.

В холщовой сумке я обнаруживаю маленькую сумочку с умывальными принадлежностями, шесть баночек яблочного повидла и его кружку. Я надеялся на привет от Селмы, хотя бы записку.

— Давай посадим его в тень, — предлагает па.

Люсьен подается вперед, насколько ему позволяет сдерживающий его ремень.

Маленькие передние колесики каждый раз натыкаются на траву и крутятся, поворачивая не туда, или застревают в засохшей грязи в колее на дороге. Па чертыхается, поворачивает кресло-каталку, отклоняет Люсьена слегка назад и снова толкает его вперед. И при этом не забывает поглядывать в сторону ангара.

В тени от трейлера лежат Рита и Рико, оба с открытой пастью. Они мотают головами в такт тяжелому дыханию. Имлень даже подняться и обнюхать Люсьена, когда мы подходим ближе. Па останавливается у кровати, отвернув кресло Люсьена спиной к нашему трейлеру.

— Надо дать ему немного оглядеться.

Люсьен прижимается щекой к плечу.

- Он так быстрее привыкнет.
- Феффе, феффе, звучит так, словно он пытается передать нам какое-то сообщение от медсестер.

Все то время, когда я представлял, как все будет, когда приедет Люсьен, мне казалось, что он будет лежать в кровати и спать. И в общем-то, больше ничего делать не будет.

- А ты нигде письмо какое-нибудь не видел? Па непонимающе мотает головой.
- Письмо?
- Ну или что-нибудь, где они написали, что нам делать.

Я снова перерыл сумку Люсьена. И все еще не нашел там ничего, что могла бы передать Селма.

— Поискать в папке?

Я знал, что она лежала на шкафу у телевизора.

— Давай.

Я рад, что могу что-то сделать. Ощущение такое, что где-то все-таки должны быть какие-то инструкции.

- Нашел! кричу я из дома. Выглянув в окно, я замечаю непослушный пучок волос на голове у Люсьена. Па задумчиво постукивает пальцами по сложенным в трубочку губам, оттягивает складку носа. Вдруг прямо у лица Люсьена появляется оса.
- Осторожно, предупреждаю я, но па уже прогнал ее.
- Может, ему сначала просто надо посидеть, говорит мне па. Или попить.
- Ну да, отвечаю я, изучая таблицу приема лекарств, что-то такое было в его папке.
  - Феффе, феффе, феффе.

Под самой крышей виднеется гнездо, слепленное из старых серых жвачек. Вдвоем мы затащили Люсьена на кровать прямо под ним. Брат раскачивается из стороны в сторону и трет глаза о плечо. Мимо стрелой пролетают две ласточки. Одна за другой они ныряют вниз,

чтобы исчезнуть в своем гнезде, но в последний момент вынуждены изменить траекторию, потому что теперь тут лежит Люсьен.

Па всё переставляет и передвигает вещи. Трава перед трейлером примялась, и там появились темные пятна земли и оголились муравейники, битком набитые блестящими белыми яйцами. Па говорит мне облить все муравейники кипятком из чайника со свистком. А когда он устраивает короткую передышку, то бросает взгляд на ангар, а потом на Люсьена. И слегка улыбается мне, когда видит, что я это заметил.

Я не могу перестать смотреть на Люсьена. Вот так он и лежит, бесконечно качаясь из стороны в сторону, в своей постели, а вокруг него все так непривычно движется.

Люсьен слышит, как Рико и Рита зевают. Он приподнимается на локтях так, чтобы свесить подбородок за край кровати и посмотреть, что там внизу.

- Му-ва-ва.
- Это Рико и Рита. Они теперь тоже немножко твои.
- Му-ва-ва.
- Без хвоста это Рита.

Теперь, когда Люсьен отвлекся от переезда, я пытаюсь дать ему попить. Но он криво сжимает губы и продолжает смотреть на собак.

Я сижу на подножке трейлера и читаю инструкцию по применению, которая прилагается к Люсьену: листаю схемы с лекарствами и пробую записывать их непонятные названия. Когда, сколько и какие таблетки ему давать. В сумке у него пять разных видов всяких коробочек и баночек. В схемах не прописано, для чего они. Но побочные эффекты они в этой табличке перечислили полностью. На первом месте везде стоит сонливость. Два раза я встретил потерю мышечного тонуса. И еще Люсьену запрещено управлять транспортным

средством. Шанс умереть — один на сто тысяч, но это касается только трех из пяти лекарств. На первой странице его папки есть телефон. Интересно, есть ли у Селмы в комнате ее собственный телефон? Люсьену нам никогда не приходилось звонить. Наверное, в каждом отделении должен висеть общий телефон.

- Иди-ка сюда, кричит па из-за трейлера. Я должен помочь ему подтолкнуть вперед две внушительного вида паллеты. Люсьен будет спать на моей кровати, когда мы будем внутри, и па хочет приколотить к ней что-нибудь по бокам, чтобы он не вывалился. А я пока посплю на матрасе рядом с братом.
- Что ты там вычитал? спрашивает па, кивая на папку с бумагами.
- Там список лекарств, которые мы должны ему давать. От некоторых можно умереть.

Па пытается прочитать текст вверх ногами.

- По большому-то счету это всё яд.
- Яд?
- Одна таблетка помогает от боли в ухе, но от нее появляются проблемы с коленями. Тогда они дают тебе порошочек от боли в коленях, но от него кружится голова, а на языке выскакивают волдыри, и тебе опять нужны новые таблетки.
  - Люсьен принимает пять разных.
  - Это еще ничего.
  - Каждый день. Довольно много выходит за год.
- С этими докторами договаривалась твоя ма. Это была ее задача. Сначала она бесилась, что все проблемы решаются таблетками, а потом, когда твой брат и ей стал в тягость, она все-таки согласилась на эту дрянь.

Между тем па вытаскивает одну из паллет, чуть наклоняет ее и включает в удлинитель свой электролобзик.

— Надень-ка это твоему брату на голову! — бросает он мне противошумные наушники.

Когда я пытаюсь надеть их ему на уши, Люсьен изо всех сил вжимает голову поглубже в подушку. Он еще уворачивается от меня, а совсем рядом уже оглушительно визжит лобзик. Только когда па закончил пилить, я услышал, что Люсьен тихо-тихо гудит.

- Ты не знаешь, что они ему дали после той истории с моим ухом?
  - Что-то успокоительное.

Я протягиваю ему папку.

- Пуфф... он проводит по списку мизинцем, оставляя след из древесной пыли. Да тут почти все подходит.
  - А как доктора понимают, где у Люсьена болит?
  - А я откуда знаю.
  - Так, может, ему не нужны эти таблетки?
- Брай, я что, доктор, по-твоему? Мы просто скормим твоему брату то, что они там написали.

Рико и Рита перемещаются под кровать, ища тени, крутятся, трутся спинами о рейки внизу. Люсьен изо всех сил подтягивается на поручнях, пытаясь подняться. Иногда он видит мелькающий хвост Рико.

- Брай?
- М-м-м-м.
- Я уйду ненадолго, па не сводит глаз с ангара, минут на сорок, сорок пять.
  - А что ты будешь делать?
- Поеду яблочное повидло куплю. А то твоему брату будет нечего есть.
  - А с ним что делать?
  - Он останется с тобой.
- Со мной? Нет, не выйдет. Я же не знаю, что с ним делать.
- Да просто... ничего. Пусть посмотрит на собак.
   Проследи только, чтобы осу не съел. Может, попить

дай. А если будет нервничать — погладь немножко. Тут сложно ошибиться.

- А если все-таки ошибусь?
- Максимум час, Брайан, одна нога здесь, другая там. Па ушел, а я зашел внутрь положить папку на место. Все вокруг кажется мне таким знакомым, даже сложно представить, что Люсьен теперь живет с нами. Я выглядываю в окошко над плитой: он все еще здесь.

Из стопки помятых школьных тетрадей с прошлого года я вытаскиваю комикс, который уже давно не перечитывал, и сажусь с ним в кресло па. В темном экране телевизора видно мое отражение. Нет, все-таки еще раз выглядываю в окно: Люсьен спокойно лежит на кровати. Снова сажусь в кресло. На часах 15:32. Я просматриваю первые страницы комикса, которые мог бы воспроизвести по памяти практически дословно. 15:35. 15:36. На улице шумят высокие тополя, выстроившиеся в ряд. Слышится лебединый свист и щелканье. 15:38. Я листаю комикс дальше.

— Без пятнадцати четыре!

Люсьен там уже слишком долго один, я выбегаю на улицу. В воздухе, прямо у него перед лицом, зависла любопытная оса, она резко отлетает в сторону, но снова возвращается к его носу, ненадолго зависает у него над макушкой и исчезает.

— Хочешь попить?

Люсьен протягивает ко мне руку. Рико и Рита по очереди ее лижут.

- Ых-х-х-х, выдыхает он затяжным зевком.
- Осторожно, предупреждаю я, они так и укусить могут. Но Рико и Рита продолжают лизать ему пальцы, будто это мороженое, которое никогда не закончится. И даже не рычат друг на друга. Иногда они лижут одновременно, но чаще терпеливо ждут, пока другой не отвернется.

Из ангара выходит Жан, паркует свою тележку с кислородным аппаратом и достает зажигалку. По тому, как он на мгновение замер, я понял, что он заметил Люсьена. Я увидел, как он что-то крикнул через плечо.

Затем появляется Генри, вытирая свои руки-клешни о старое кухонное полотенце. Я вижу, как они о чем-то разговаривают. Когда я поднимаю руку, на приветствие отвечает только Жан. И они снова скрываются в ангаре.

17

— Брайан, ты посмотри только! — с энтузиазмом кричит мне па. Он выходит из машины и по пояс ныряет обратно в кабину, вытаскивая ящик из-под бананов. — Приветственный подарок для твоего брата.

Явно гордясь собой, он позволяет мне заглянуть внутрь. Там башенки из лего, собранные еще предыдущим хозяином. А еще там игрушечные машинки, настолько потрепанные, что с них уже даже сошла краска. Я натыкаюсь на кость из домино. На дне коробки в кучку собрались сухие елочные иголки. — Классные игрушки, скажи?

Я пожимаю плечами.

- Ты же за повидлом поехал?
- Все будет, все будет. Тут ведь такой шанс выпал. Помнишь, сколько ты такими играл, когда был маленьким?

Я помню только, как мама раз в пару месяцев собирала все наше лего в наволочку, застегивала ее и отправляла в стиральную машинку. Хотя все детальки и так были чистыми, потому что Люсьен очень любил

их сосать. На всех моих кубиках были отпечатки его зубов.

Па встает рядом со мной.

- Случилось что-нибудь, пока меня не было?
- С Люсьеном?

Он кивает в сторону ангара.

- Эти заходили?
- Жан выходил. Он позвал Генри, и они его увидели.
- И всё?

Я киваю.

— Ну вот видишь, — доволен па. — Сначала пасть раскрывают. Но твой брат уже тут, так что они ничего сказать не посмеют.

Лего в коробке из-под бананов грохочет, потому что Люсьен пинает его ногами. Рико и Рита думают, что этот звук как-то связан с едой, и с любопытством обнюхивают изножье его кровати.

- Твою ж за ногу, произносит па, ядрён батон!
- Чего такое?
- На брата своего посмотри. Эта щека нормальная. Он берет Люсьена большим и указательным пальцами за подбородок и поворачивает его голову другой щекой ко мне. А тут его солнце пожевало.

Кожа там настолько красная, что светлый пушок волос светится золотым. Па поворачивает лицо Люсьена еще раз, чтобы увидеть разницу, и отпускает.

- Надо было зонтик ему поставить, что ли.
- Ты же сказал, я не могу ошибиться.
- Ну, тогда-то твой брат в тени лежал.

Люсьен прижал обгоревшую щеку к подушке. Внутренние стороны рук у него тоже обгорели.

— И что теперь?

Нам надо позвонить в интернат. Может быть, трубку возьмет Селма. Да нет, конечно, она этого не сделает.

— Для начала организуем тень.

Па уже направляется к бассейну за трейлером, в котором живет Эмиль. Люсьен облизывает уголки рта.

Я аккуратно беру его подбородок большим и указательным пальцами и поворачиваю его лицо, чтобы посмотреть еще раз, как отличается цвет с двух сторон. Шея, краешек уха и половина лба у него тоже горят. Мизинцем я нажимаю на кожу, и на ней остается белое пятно, которое тут же снова заливается краской.

- Извини, братик, говорю я виновато. Надо лучше за тобой присматривать. Я беру его лицо в руки и поглаживаю большими пальцами по щекам.
  - Вот так тебе нравится, да ведь? Как Селма делает.
  - Xy-xy-xy-y!
- Селма, произношу я еще раз ее имя. Люсьен начинает раскачиваться, переворачиваться и старается вытянуть шею, чтобы посмотреть, что там за моей спиной. Нет-нет, лежи. Селмы здесь нет.

Па возвращается с тентом для вечеринок, который с прошлой весны пролежал среди сорняков в грязи.

— Никогда не выбрасывай хорошие вещи, — триумфально восклицает он. Он держит тент только за две дуги, поэтому еще две тащатся за ним по траве.

Люсьен недовольно хмурится, глядя на растянутую над ним хлопающую белую крышу. Из швов выползают на свет пауки-сенокосцы.

— Не бойся, — шепчу я брату, — зато теперь ты больше не сгоришь.

Мы сбиваем паутину и возимся с веревками. Одна из них не достает до трейлера, поэтому я просто привязываю ее к кровати. А когда тяну за другую, то она как раз достает до прутьев собачьей клетки. Па катит перед собой старую покрышку, которая подпрыгивает

и замирает у кровати. К ней он привязывает последнюю веревку.

— Ну вот...

Мы трясем опоры, проверяя, прочно ли они стоят, а сверху летит засохшая грязь, падая прямо на постель Люсьена. Но мы быстро смахиваем ее на землю.

— Ах да, — говорит па, будто только что вспомнив о чем-то важном, — чуть не забыл!

Он идет к кузову.

— Закрой глаза.

Я слышу глухой хлопок, видно, что-то упало на траву, потом шорох, па дает собакам команду «не тронь». Когда мне можно открыть глаза, я вижу, что он раскатал рядом с кроватью пару рулонов искусственного газона.

- У нас сквозь пальцы не утечет!
- Как ты это достал?
- Получилось прихватить, отдали по хорошей цене.
- А есть еще?
- Я же могу побаловать немножко моих мальчиков?
- Да, но тут...
- Снимай шлепки, весело командует он. Пройдись-ка босиком.

Я опускаю ноги на мягкую поверхность.

- Ну? па толкает меня в плечо.
- Приятно.
- А то.
- Надо чем-нибудь помазать щеку Люсьена. Давай я позвоню и спрошу, может, они знают чем?
  - Кто знает?
- Ну, позвоню по тому номеру в его папке. Который для чрезвычайных ситуаций.
- Еще чего! рявкнул он так, будто я уже набирал номер. Что вы сказали, простите? Люсьен еще и дня дома не пробыл, а у него уже волдыри по всей голове?

Очень плохо, мы сейчас же вышлем машину, чтобы забрать его обратно.

Он берется обеими руками за ножку кровати и слегка приподнимает ее над землей. Люсьен этого не замечает, он неотрывно смотрит на растянутый над ним тент. Кажется, что его правая щека горит от стыда, отдельно от всего остального.

— Жирным йогуртом намажь, это всегда помогает.

18

Из-за света, ворвавшегося в комнату, когда я открыл дверь, его торчащие скрюченные ноги выглядят еще бледнее. Люсьен сбросил с себя одеяло. А моя старая кровать превратилась в нечто, напоминающее крепость. Как можно тише я крадусь и ложусь на матрас на полу рядом. Моя тень скользит по фигуре брата. Его дыхание влажно, а глаза закрыты.

Я стягиваю плавки и отпихиваю их ногой куда-то в сторону, встаю на колени и натягиваю на себя пододеяльник, хоть еще и слишком жарко. Дверной проем заполняет силуэт па:

- Свет выключаю?
- Да, отвечаю я, спокойной ночи.
- И вам тоже.

Через секунду все становится черным, па закрывает за собой дверь. Я прислушиваюсь к знакомым звукам его отхода ко сну. Как он расстегивает ремень и сбрасывает рабочие ботинки. Вдалеке слышно, как ночные гонщики с визгом проходят повороты и на всем ходу въезжают на мост.

Посреди ночи я в ужасе вскакиваю от звуков, будто кого-то душат. Еще нет и трех часов. Рукой я нащупываю в темноте выключатель ночника. От внезапного яркого света Люсьен жмурится. Три пальца, все, кроме большого и мизинца, он запихнул в рот.

— Ты что делаешь?

Я отвожу его руку в сторону, чтобы заглянуть ему в горло. Он снова пытается засунуть пальцы в рот.

- Не делай так, говорю я. Ты же так задохнешься.
  - Нга-нга-нга.

Из его кружки на матрас пролился розовый лимонад. Подушка и волосы Люсьена измазаны в йогурте, высохшем и потрескавшемся на щеке.

— Хочешь пить?

На донышке еще что-то осталось. Он тянется языком к горлышку.

— Выпей пока что вот это.

Дверь в спальню распахивается.

- Блин, па. Ты что тут делаешь?
- Я слышал, кто-то подавился, и подумал... Он протяжно зевнул и почесал в паху. А вдруг он тебе кислород перекрыл.
  - Он пить хочет.
- Ложись обратно, бормочет он, обращаясь скорее к самому себе, и уходит. Люсьен всасывает воздух из пустого стакана.
  - Еще?

Он прижимает плечо к уху, думая, что я буду его щекотать, а я всего лишь хочу поправить ему подушку.

Я налью тебе.

В темноте нашей ванной тлеет огонек сигареты. Слышится плеск нерешительной струи в унитазе, а потом несколько раз, словно насос, па вдавливает кнопку слива, прежде чем из бачка льется вода.

- Поспи еще немного, шепчу я Люсьену, дав ему свежей воды. Поглаживаю несколько раз перепонку между мизинцем и безымянным пальцем. Не знаю, я ли тому причиной, но он закрывает глаза.
- Ну что, все снова спокойно? из-за двери выглядывает заспанное лицо па.
  - Кажется, да.
  - А что было?
  - Пить хотел.
  - Если хочешь, можешь поспать у меня.
  - У тебя?
  - Ну если ты не спишь из-за него. Если он мешает.
  - Да не.
- Или можешь лечь на его кровать на улице, но тогда комары могут зажрать.
  - Да он заснул уже.

Голубоватый свет уже разрывает ночную мглу. Прямо под нашим окном сипло кричит фазан. Люсьена он тоже разбудил. Пижама у него задралась, и оголилась часть живота. Подгузник перекосило. Я перегибаюсь через него и хлопаю форточкой; фазан, сделав вид, что испугался, отлетает на пару метров. Эти птицы летать не умеют, но сами они не имеют об этом ни малейшего понятия. Есть в них что-то вычурное, будто кто-то их специально выдумал. Например, какая-нибудь богатая размалеванная косметикой женщина.

Над стальной дверью у Черного Генри горит строительный фонарь. Рита залаяла, а за ней и Рико. И снова Рита.

— Tc-c-c-c, — зашипел я на них, чтобы пасть не разевали. Я бросаю в них тапком, но уже слишком поздно. Вдали в ответ уже лает другая собака. Широко раскрытые глаза Люсьена блестят в голубоватом свете.

- Му-ва-ва-а-а.
- Правильно, это собаки.

Я не понимаю, холодно ему или нет. На всякий случай накидываю ему на ноги одеяло.

19

Я пишу ручкой на внутренней стороне руки номер Селмы. С тех пор как Люсьен проснулся, он не перестает качаться из стороны в сторону. Па пришлось искать какую-нибудь халтуру, потому что еще как минимум неделю компенсацию за Люсьена мы не получим. К счастью, перед своим уходом он поменял ему подгузник, пока я был в душе.

За дверью слышатся шаги и пыхтение кислородного аппарата.

- Брайан?
- Что случилось?
- Ты где там?
- В комнате.

Я не помню, чтобы Жан сюда когда-нибудь заходил. Генри пришел с ним вместе.

- Это он? - отдуваясь, спрашивает Жан. Он держится за косяк двери в мою комнату.

Я киваю. Жан и Генри оба изо всех сил стараются не смотреть на Люсьена.

- Как там звали твоего брата, напомни?
- Люсьен.
- A что с ним? интересуется Генри таким тоном, будто Люсьен не должен услышать вопроса.
- Сгорел на солнце. Нам не сказали, что он плохо переносит солнце.

- Я в том смысле... что он таким родился?
- Кажется, да. Что-то пошло не так в животе у мамы, она сказала, что ничего нельзя было сделать.
- A Морис что, тебя вот так одного оставляет... с братом?

Жан обвел комнату взглядом.

— Ну, я вряд ли могу сделать ему хуже.

Кислородный аппарат свистит, выпуская воздух. Жан качает головой.

- И на сколько он здесь?
- Это надо у па спросить. Он обещал днем вернуться.

По их взглядам я понял, что они о чем-то условились.

— Смотри-ка, что я принес.

Жан достает из карманов две баночки энергетика. Они еще холодные.

- Спасибо, осторожно отвечаю я.
- Я подумал, что тебе понравится.
- Слушай, Брайан, встрял Генри, сколько твой брат тут пробудет?
  - Не знаю.
  - Ну, неделю, две?..
  - Вы же слышите, что я говорю: я не знаю.

Генри отталкивает Жана в сторону и хватает меня за предплечье.

- Ай! вскрикнул я. Не трогайте меня!
- Это еще не больно, говорит Жан.
- Сколько твой брат тут пробудет?
- Говорю. Же. Не. Знаю.
- Да знаешь, конечно.

Генри впился мне в руку.

- Мне больно.
- Могу и посильнее.

Я смотрю на Жана в надежде на помощь, но он только нервно теребит бородавку на шее. Тогда я пытаюсь

выкрутиться и освободить руку, но Генри от этого сжимает ее еще крепче.

- Сколько твой брат будет здесь?
- Да скажи ты уже.

Жан гладит меня по плечу.

- Твой па и не узнает, что ты с нами разговаривал.
- Месяц или около того.
- Целый месяц? Они быстро переглядываются. Вот вилишь.

Генри ослабил хватку, и я смог освободиться.

— Черт побери, — бормочет Жан.

Не говоря больше ни слова, Генри вышел из моей комнаты и из трейлера.

— Мне жаль, Брайан. Это совсем неподходящее место для ребенка, особенно для такого, как ты. — Жан говорит серьезно, иначе бы он не выдал такую тираду на одном дыхании. — И, черт, твой па это тоже отлично понимает.

20

Люсьен сосет мокрую мочалку, которую я ему дал. Я уже два раза ходил проверять, но Жан и Генри и правда ушли. Затем я скармливаю брату баночку яблочного пюре. И даю еще пару кусочков нашего хлеба.

— Пойдем прогуляемся?

Он перестает качаться.

— Как вы с Тибаутом делали?

Я осторожно беру его теплую сухую ступню и стягиваю с матраса. Мне казалось, что он будет мягким и податливым, но я чувствую в основном узелки суставов

и натянутые сухожилия. А ногти на ногах у него с острыми уголками.

Сначала я верчу его лодыжку во все стороны. Люсьен гудит. Но кажется, что он не ощущает моих прикосновений. Будто это вовсе и не его нога, а чья-то еще, случайно пристегнутая к его бедру еще до того, как его привезли к нам. Ногтем большого пальца я нажимаю ему на мизинец на ноге. Люсьен продолжает гудеть. Я нажимаю сильнее. Тогда его нога пытается вырваться из моих рук.

Извини.

Я продолжаю вертеть лодыжку во все стороны. До того момента, когда дальше не поворачивается. В этих точках я немного надавливаю и все-таки поворачиваю ногу еще чуть-чуть.

- Я помогаю твоим ногам вспомнить, что они это умели.

Слова Тибаута звучат в моем исполнении неуверенно, но мне начинает казаться, что я все делаю правильно.

Тем временем Люсьен сосет свою мочалку и водит рукой по выпуклому рисунку обоев.

— Я научу твои ноги ходить, как раньше. Обещаю.

После того как я проработал обе лодыжки, я проглаживаю большими пальцами нежную кожу на подошвах его стоп. Он растопыривает пальцы.

— Они вот тоже проснулись.

Затем я смахиваю песок и черные катышки. Я не видел, чтобы Тибаут так делал, но думаю, что хуже от этого не будет.

Потом я массирую ему икры. Они совсем худые и костлявые, я не очень представляю, что конкретно мне с ними делать. Кажется, что коленные чашечки у него держатся только за счет кожи. Когда я берусь за одну большим и указательным пальцами, она вдруг

выскальзывает, словно старый обмылок. Я боюсь чтонибудь повредить.

Бедра массировать гораздо проще. Люсьен начинает тихонечко трястись.

— А теперь немного поделаем велосипед.

Для этого я взбираюсь к нему на кровать.

- Крути, крути педали, говорю я и щекочу его под коленкой. Так мне удается согнуть одну ногу. Тогда я повторяю манипуляцию и с другой ногой. Рефлекторно дернувшись, он чуть не заехал мне в лицо.
- Не надо так делать, говорю я. Тогда он упирается в меня обеими ногами, из-за чего его шея выгибается и хрустит, врезавшись в изголовье.
  - Осторожно, шею не сверни.

Но Люсьен продолжает отталкиваться ногами. Я слезаю с кровати.

— Пойдем, мы готовы к прогулке.

Я тяну его за руки и отрываю туловище от кровати. Затем засовываю одну руку ему под колени, чтобы приподнять ноги. Но попа, словно на якоре, продолжает сидеть на матрасе. Он хватает меня за лицо. Один я с ним не справлюсь.

— Не вставай, я сейчас вернусь.

Эмиль не закрывает дверь трейлера плотно, оставляя щелку.

- А твой отец не может помочь?
- Он ушел. На работу.

Я не решился попросить помочь Генри или Жана, поэтому постучался к Эмилю.

- Вам нужно только вынести его на улицу.
- Ладно. Заодно и познакомимся.

Познакомимся... Мне нужно всего лишь, чтобы он вытащил Люсьена наружу.

- Он намного старше тебя?
- На три года. Ему шестнадцать.

Вдали вокруг линий электропередач кружат аисты.

- А Луиза уже...
- Нет.
- Вы же даже не знаете, что я хотел спросить.
- Да знаю. И ответ нет.
- -A.
- Every time the phone didn't ring, it was her*.
- Что?
- Это цитата на английском.
- А вы говорите по-английски?
- Я его в университете учил. А потом пришел в школу.
- Звучит так, будто вы там заблудились.
- Ну, примерно так и есть.
- Так вы учитель?
- Yes, my boy**.

Люсьен дотянулся до края занавески. Эмиль мешкает. Я недоумеваю, что интересного он мог найти в тетрадках и комиксах у меня на столе. Или в моем открытом нараспашку шкафу с пустыми полками, в то время как вся моя одежда кучками собрана на полу в ожидании, что она сама себя постирает.

— Ну что, ты, значит, брат Брайана?

Эмиль быстро проводит рукой по его ноге.

- Приятно познакомиться.
- Он не умеет говорить.
- А он меня понимает?
- Типа того.

Эмилю не нужно привыкать к Люсьену, он сразу просовывает руку ему под мышки.

— Или ты хотел с этой стороны?

st Каждый раз, когда телефон молчал, это была она (*англ*.).

^{**} Да, мой мальчик (англ.).

— Нет-нет, все хорошо.

Колени сгибаются очень легко. Строгим взглядом Люсьен изучает новое лицо.

- Чем крепче вы его держите, тем меньше он боится.
  - Хорошо, говорит Эмиль.

Я считаю до трех, и мы поднимаем его с кровати. В один момент Люсьен, кажется, полностью доверился нам, будто чувствует, что мы оба нечасто таким занимаемся и надо нам помочь. Очень осторожно мы выносим его из моей спальни.

В кухне Люсьен начинает тянуться к чашкам.

- Ox, - только и говорит Эмиль.

Рука Люсьена чиркает по фотографии моей бабушки в рамке на стене.

- Осторожно.

Но портрет уже летит на нас. Бабушка в своих огромных очках. Кожа туго обтягивает скулы и челюсть, и кажется, что щеки втянуло вакуумом. Скупо натянута ниточка губ, словно бабушка знала, что мы ее сегодня уроним. Стекло разлетается по полу.

Люсьен сначала пугается, но потом весело кричит:

- Феффе, феффе, феффе!
- Извини, говорит Эмиль, я слишком поздно увидел, рук свободных не было.

Оказавшись на улице, мы ставим Люсьена ногами на искусственный газон. Рико и Рита подняли головы и сели в своей клетке навытяжку.

- Ну вот, говорит Эмиль, куда его теперь? В кровать?
  - Мы будем ходить, ему надо упражняться.

Я протягиваю Люсьену руку, он хватается за нее без моей помощи. Его ноги топчутся на одном месте.

- Сам справишься?
- Конечно.
- Уверен?
- Справлюсь. Это же мой брат.

Мне хочется, чтобы Эмиль исчез, но, когда он уходит, я тут же об этом жалею.

- Может, хотите чего-нибудь выпить?
- Нет, спасибо.

Люсьен хватается за горло моей рубашки, а другой рукой тянет меня за волосы.

— Эй, отпусти меня, отпусти!

Эмиль подбегает и берет Люсьена за запястья, хватка ослабла.

— Нганг-нганг-нганг.

У Люсьена между пальцев пара вырванных волосков, он сучит ногами по искусственному газону.

- Крепко он тебя схватил.
- Вы можете идти. Теперь я сам справлюсь.

Эмиль все еще держит его за руки, а Люсьен пытается сесть на невидимый стул.

— Возьми меня за руку, — говорю я ему, — как Тибаута.

Никакой реакции. Тогда я вкладываю свою руку ему в растопыренную ладонь, сжимаю его пальцы, как прищепки, на своем предплечье. Теперь Эмиль его отпускает.

— Сначала эту ногу.

Сейчас я покажу Эмилю, как хорошо я справляюсь.

- Теперь ту. Я легонько тыкаю его носком тапочка.
- А ботинки ему не надо надеть? спрашивает Эмиль.

Где же эти дурацкие ботинки на липучках?

- Они остались внутри. Можете его подержать пока?
- А может, уложим его в кровать?
- Ему надо ходить.

Люсьен отпускает мою руку и тянется к поручню кровати. Затем берется за него и второй рукой. Держась за поручень, он отходит от нас на пару шагов по направлению к изножью.

- Молодец, хвалит его Эмиль.
- Ну вот, вздыхает Эмиль после того, как мы уложили Люсьена. Непростая задачка. Но ты хорошо все делаешь.
  - Что все?
  - Ну все вот это. Он тебе доверяет.
  - Но он почти ничего не прошел!
- Каждый день по чуть-чуть. Твоему брату тоже надо привыкнуть.

Эмиль оттягивает рубашку на груди двумя пальцами, пропуская прохладный воздух вдоль живота.

- Жаль, что фотография упала.
- Это была моя бабушка.
- Отцу твоему не понравится.

Я пожал плечами:

— Он начал звать ее мамочкой только после того, как она умерла. За всю жизнь я от силы раз пять был у нее в гостях.

Я вспоминаю, как мне казалось, что изо рта у нее идет дым, хотя сигареты во рту в тот момент не было, но внутри будто бы все время что-то тлело. А еще она целыми днями смотрела телевизор, особенно рекламу, и при этом постоянно кашляла.

- Не нужно мне ничего, бормотала она каждый раз, качая головой, ничего не нужно. И гораздо реже: Уже купила.
- Мамочка, повторяет Эмиль, улыбаясь. Иногда начинаешь ценить людей только после их смерти.
  - Что вы имеете в виду?

- C тех пор как умер мой отец, я тоже веду с ним гораздо более приятные беседы.
  - Вы верите в привидения?
- Нет-нет, но у него на могиле я по меньшей мере могу выговориться.

Эмиль рассматривает трейлер.

- А вы в нормальный дом не хотите перебраться?
- А с этим домом что не так?
- Есть организации, которые могли бы вам помочь.
   Ты же еще ребенок.
  - Наверняка есть.
  - Зимой в трейлере, должно быть, очень холодно.
  - Да нормально.
- В доме все равно лучше. Жизнь стабильнее, ты мог бы общаться со сверстниками по соседству. Тут не оченьто много твоих ровесников, или я ошибаюсь?
- Они сейчас все на каникулах. И вообще, вы ведь тоже живете в трейлере.
  - Это временно. Я скоро вернусь домой.
  - Правда?

Эмиль долго смотрит на меня, потом, будто очнувшись, замечает:

— По крайней мере, я надеюсь.

21

Над горой из шин роятся зудящие комары. Солнце уже скрылось за верхушками деревьев, но еще не слишком холодно, и Люсьен может еще полежать на улице. Словно полированный, он лежит на кровати, повернувшись на бок, но с торчащими вверх ногами. В этой позе он

похож на спасенное из моря существо, которое лежит на пляже и никак не может отдышаться. Волосы после душа у него еще не высохли. С подбородка не до конца смылся след от томатного соуса, который был к ужину. Под ним лежит несколько полотенец, чтобы в случае чего матрас не слишком промок.

- Пусть сам обсохнет, ветер-то нам на что! говорит па, когда я собираюсь высушить Люсьена. Только слегка полотенцем останется пройтись. А как ты его на улицу-то вытащил?
  - В каком смысле как?
- Когда я вернулся домой, он уже лежал здесь.
   Но утром он же был внутри?
  - Вытащил.
  - В одиночку?
  - Нет.

Па бросил взгляд на ангар.

- Съемшик помог.
- Съемщик? И ты позволил ему дотронуться до брата?
- Один я бы Люсьена не поднял, а ты ушел.

Я еще никогда не видел такую белую спину, какая была у Люсьена. Между ног у него виднеется немного выпирающая вперед мошонка, под морщинистой натянутой кожей напрягается жилка, исчезающая между ягодиц. Не знаю, будет ли у меня такая же. Член у него, к счастью, снова скукожился до состояния гладкой шишечки. И у него, и у меня там растут темные волосы, но у него их чуть больше. Глаза Люсьена смотрят в пустоту. В позе, в которой он сейчас лежит, лучше, чем обычно, просматривается длинная вмятина у него на груди.

Когда он еще жил дома, ма всегда мыла нас вместе, в одной ванной. Мне приходилось мыться сидя, потому что иначе моему брату не хватало места, чтобы лечь. Вокруг нас плавали игрушки. Я сидел попой на отверстии для слива, а спиной упирался в ту железную штуку.

- Не ной, - говорила мне ма, - радуйся, что можешь сидеть сам.

Вода закрывала Люсьену уши, он лежал и высасывал влагу из мочалки.

Когда она выходила и оставляла нас одних, я опускал игрушечную леечку под воду и потом поливал ему грудь, а из-за этой его продолговатой вмятины у него на теле образовывалось целое озеро. А потом было самое веселье. Люсьен уже начинал икать и брызгаться, когда я во второй раз еще только набирал под водой лейку. Ногтями на ногах он нетерпеливо скреб мне бедро. Тогда я поливал его член, который слегка напрягался и фонтанировал прямо на его живот и на мои подтянутые к груди коленки.

Когда мы только что мыли его в душе, член у него тоже немного увеличился. Но па ничего не сказал.

Зажигалкой он сорвал крышку с пивной бутылки.

- Я это заслужил.
- Феффе, феффе, бормочет Люсьен. От легкого ветерка по его спине до самой шеи бегут мурашки. Па повисает на поручне с краю кровати. Средний палец обхватывает горлышко бутылки: он всегда их так держит.
- Феффе, феффе. Люсьен начинает трястись. Феффе.
- Да-да, парень, и не говори, реагирует па. Он делает большой глоток пива.

Руки Люсьена похожи на железную клешню из автомата с кучей мягких игрушек. Как и клешня из автомата, он почти всегда роняет то, что хочет взять. Но бутылку он хватает с первой попытки. От энтузиазма он весь приходит в движение, пытаясь прижать к груди свою добычу.

— Эй-эй-эй, отпусти-ка.

Пиво выливается на живот Люсьена и простыни.

- Отпусти! командует па. Рико и Рита вскакивают, но не понимают, что они сделали не так. Па пытается осторожно выкрутить бутылку из рук Люсьена. Пусти!
- ФЕФФЕ! практически кричит Люсьен. Я не знаю, нужно ли мне вмешаться. ФЕФФЕ!
  - Ну, тогда как знаешь.

Па высовывает руку Люсьена с зажатой бутылкой за бортик и переворачивает ее так, чтобы остатки пива вылились на траву.

- Видал в душе, какой у него? па кивает на Люсьена. Он все-таки заметил его член? Я пожимаю плечами.
- Тогда и в душ его можешь водить без меня.
- Олин?
- A ты что думал?
- Что вместе.
- Вместе? Мы же не можем всё делать вместе.
- И что, ты меня каждый день одного будешь оставлять?
- Кажется, твоему брату становится холодно. Он повыше натягивает на Люсьена полотенце. Сейчас мы ему подгузник поменяем, это у тебя тоже должно получиться.

До сих пор мне удавалось не присутствовать при этом.

- Или ты лучше оставишь его лежать в собственном дерьме, если меня не будет рядом?
  - Нет, конечно.

Мы оба следим за траекторией полета шмеля у лица Люсьена. Как раз в тот момент, когда па уже хочет его отогнать, он юркает в песчаный туннель среди травы. В дырочку меньше мышиной норки. Перед ней виднеются точечки мертвых красно-рыжих мохнатых жучков.

- А помнишь, тогда, со шмелями?
- **—** Что?

Хоть я абсолютно точно знаю, что па имеет в виду. И знаю, что он любит об этом рассказывать, в основном потому, что в конце он обязательно каждый раз делает мне «сливку». Понятия не имею почему.

- Мы выбрались поплавать, ма тогда еще была с нами. В карьер, помнишь?
  - Там, где когда-то водолаз утонул?
- Наверное. Ты рассматривал этих шмелей и вдруг спрашиваешь: «Папа, а шмели это шубки для гномиков?»
  - Что, так и спросил?
  - Ага-а! Вот таким вот ты был шпенделем.

Его рука гладит мою невидимую голову где-то на уровне его бедра.

— Блестящая идея! Мне бы тоже такую шубку из шмелей.

Он несильно выкручивает мне нос.

- A когда у тебя день рождения? спрашиваю я.
- Ну если ты сейчас начнешь откладывать, ухмыляется па, то на следующий год сможешь подарить мне рукав от такой шубки.

22

- Еще рань несусветная! слышу я возглас па. Чего вам тут понадобилось?
- А ты иначе снова уйдешь,
   это уже голос Генри.
   Тебя последнее время целыми днями не бывает.
  - Некоторым приходится работать.

- Да что ты?
- Да, представь себе!
- A младшенького, значит, оставляешь ходить за братом?
  - Я не могу быть во всех местах одновременно.
- Притащил, значит, сначала сына-инвалида сюда, а потом вдруг пошел работать.
- Ну вы же, черт возьми, ноете постоянно, что я денег должен.
- Ну-ну, не прибедняйся, Морис. Долг у тебя уже много месяцев. И где, кстати, наша доля от оплаты постояльна?
  - Какая доля?
  - Он же в конце недели должен был заплатить.
  - Я этим занимаюсь.
  - Слушай внимательно, Морис...

Жан, судя по всему, тоже там.

- Мы тебе дали два дня... чтобы ты сам к нам пришел.
  - Зачем?
- Этот твой второй сын... Брайана мы еще готовы были терпеть. Но...
  - И куда деваться моему Люсьену?
- Ты помнишь, что мы на это сказали. И все равно привез его сюда.

Я приоткрываю дверь. Генри и Жан стоят ко мне спиной. Па наворачивает круги в одних трусах и шкрябает ногтями себе по рукам, будто у него татуировки чешутся.

- Но это всего на пару дней, пытается он снизить накал. А потом Люсьен уедет.
  - Не ври.

Па распахивает глаза так широко, что они чуть ли не вываливаются из глазниц.

— Я не вру!

- Он тут, черт бы все побрал, на целый месяц.
   Повисла тишина
- Это, это... не так.
- Не так?
- Максимум неделя.
- А кровать, конечно, все еще перепродаешь?
- Люсьен в ней пока что полежит. Но на продажу я ее уже выставил.
- Ну что ж, тогда я ее покупаю. Сколько ты за нее хочешь?
- Не получится, па сомневается, ее уже купили.
- Врешь, выплюнул Генри ему в лицо. Удар в плечо прилетает па так неожиданно, что он врезается головой в дверцу шкафа. Жан тянет Генри за руку назад.
  - У тебя есть неделя, Морис.
  - На что?
  - Закрыть долги.
  - Всего неделя?
- И отдать нашу долю от аренды трейлера. Раз ты так много работаешь, как утверждаешь, это будет несложно.
  - А иначе что?
  - Сам увидишь.

Па со всей силы ударяет себя в грудь.

- Ничего вы мне сделать не сможете.
- Ты нас слышал, Морис.

Они разворачиваются и выходят. Когда они уходят, замечает меня только Жан.

— Десять дней! — кричит им вслед па. — Дайте мне десять дней.

Как только они уходят, он бросается одеваться.

- Ты куда? спрашиваю я.
- Работать.
- У тебя есть работа?
- И ты туда же?

Па ощупывает голову, проверяя, не пошла ли кровь.

- Что Жан и Генри с тобой сделают?
- Ничего, конечно. Люди, которым от тебя что-то нужно, только и могут, что угрожать. Могут сделать больно, и только. А иначе они своих бабок не увидят.
  - А почему ты просто не заплатишь аренду?
- Перестань, Брай. Как они узнали, что твой брат тут на месяц?

Я замешкался всего на пару секунд, прежде чем без тени сомнения ответить:

- Я не знаю.
- От кого еще они могли это узнать?

Он прожег меня глазами.

- Эмиль, выпалил я.
- Съемщик?
- Ну, может быть.
- А ты что об этом знаешь?
- Он меня спрашивал.
- К чер-тям со-ба-чьим.

Звучит это так, будто по склону катится сорвавшийся булыжник. Он влетает в тапки, достает ключи из кармана штанов.

- Ты куда?
- Ра-бо-тать.

23

- Можно у вас телефон одолжить?
- Ну, замялся Эмиль, удивленный моим внезапным появлением в его трейлере. Для начала я бы хотел, чтобы ты подождал, пока я скажу «можно войти».

- Ладно, отвечаю я. Но можно?
- Что-то случилось?
- Нет.

Всю грязную посуду он помыл и убрал. Алюминиевая столешница сияет, я ее такой еще никогда не видел.

— Налить тебе чего-нибудь попить?

Он жестом приглашает меня сесть.

- У меня, в общем-то, только кофе.
- Не нужно, отказываюсь я, надеясь, что этим отказом я как бы сделал шаг навстречу. Можно мне позвонить?
- Знаешь, это, конечно, не мое дело, но я все равно спрошу: а зачем тебе надо позвонить?
  - Девушка.
- Девушка? Он подтолкнул ко мне телефон. Ну тогда заодно и проверишь, работает ли он. Или никто не берет трубку, потому что это я им звоню.

Аппарат весит не больше пульта от телевизора. Я посмотрел Эмилю прямо в глаза:

— А вы не выйдете?

На лице у него снова появляется та самая улыбочка.

— Конечно.

Он оглядывается вокруг, проверяя, не оставил ли он чего-нибудь, что мне видеть не следует, и берет ключи от машины и сборник кроссвордов.

- Я тогда в машине подожду.
- Да я не так долго.
- Не торопись.

Я набираю номер интерната. Случайно я жму на какую-то не ту кнопку, и на экране появляется список сообщений. Все адресованы Луизе. Последнее состоит из одинокого вопросительного знака. Отправлено вчера поздно вечером. В предыдущем сообщении тоже только вопросительный знак, оно отправлено на пару

минут раньше. А над ним еще сообщение, в котором написано: *Позвони мне, пожалуйства*. Э.

Чем дальше я читаю, тем длиннее сообщения.

Я знаю, что не имею права, но я беспокоюсь.

Рыбки пристально следят за мной из аквариума своими глазками-бусинками.

Дай мне всего один шанс извиниться. Не наказывай меня так. Э.

Ни одного ответа.

Можешь меня ненавидеть. Но дай мне шанс позаботиться о тебе. Пожалуйста, позволь мне. Э.

Дверь трейлера неожиданно открывается.

— Получается?

От испуга я роняю телефон на колени.

— Там занято.

Эмиль вытирает у порога ноги.

— Подождите! Не входите. Я еще раз попробую.

К счастью, он разворачивается и выходит.

Я снова набираю номер. «Я дядя Селмы, — повторяю я про себя. — Я хотел бы побеседовать с Селмой. Я ее дядя». В трубке раздается два гудка, кажется, что у меня сердце сейчас выпрыгнет из груди.

- Медицинский центр Святого Франциска, Эсме Дежардин у телефона.
  - Здравствуйте, прошептал я.
  - Простите?
  - Я звоню Селме.
  - Извините, я не расслышала ваше имя.
- Я ее дядя. Можно с Селмой поговорить? я стараюсь говорить громче и ворчливей, как дядя, у которого нет времени и которому надо только быстро что-то спросить.
  - Назовитесь еще раз, пожалуйста.
- Эмиль, выпалил я первое, что пришло мне в голову.

- A фамилия?
- Это и есть моя фамилия.
- Вот как... А как мне записать имя?
- Она живет на втором этаже, не даю я ей договорить.
- Да-да, я знаю Селму, но прежде, чем соединить вас с ней, мне нужно записать ваши имя и фамилию.
  - Морис Эмиль.

К счастью, она не заметила моего замешательства.

 Морис Эмиль. Минутку, я переведу вас в режим ожилания.

Пип... пип... Получилось. «Селма, это я», — тренируюсь я. И тут слышу где-то очень близко странное шуршание. Я оглядываю трейлер.

- Алло? спрашиваю я. В ответ раздается эхо. Пип... пип... Может, кто-то хочет подслушать, что я буду говорить, пока жду? Я внимательно вслушиваюсь, пока снова не улавливаю этот звук. Вдруг я понимаю, что это мое собственное дыхание.
- Морис Эмиль, повторяю я. Может быть, она соединит меня прямо с комнатой отдыха на втором этаже. Или кто-нибудь отнесет беспроводной телефон в ее комнату. И мне надо будет что-то сказать Селме, чтобы она не проболталась, что я несуществующий дядюшка. И сказать ей, чтобы она ответила: «Здравствуйте, дядя Морис». А потом спросить, оставили ли ее одну в комнате, прежде чем признаться, кто я на самом деле.
  - Господин Эмиль?
- Да, отвечаю я нечаянно своим собственным голосом.
- Спасибо за ожидание. Я проверила список контактов Селмы, но... Она щелкает сначала языком, затем мышкой. Нет, тут тоже нет Мориса Эмиля... Может быть, вы записаны у нас как-то иначе?

- Просто как ее дядя. Брат ее ма. У Селмы темные волосы, до плеч. Мне бы только на минутку ее услышать.
  - К сожалению, в моем списке нет вашего имени.
  - Я не очень часто ей звоню.
  - Но вас нет в списке ее контактов.
  - В таком случае добавьте меня туда.

Я решил, что отлично все придумал.

- Так, к сожалению, не получится.
- Почему это?
- Это может сделать только родитель или опекун.
- Я ж говорю, я ее дядя. Просто позовите ее к телефону.
- Не нужно настаивать, господин Эмиль... голос у нее остается раздражающе спокойным.
  - Я хочу поговорить с Селмой.
- Я кладу трубку, господин Эмиль. И сделаю пометку, так как я не довер...

Из-за того, что я нажал на все кнопки телефона одновременно, раздается нестройный хор гудков и сигналов. На зеленом экране появляется надпись: «Разговор завершен». Одна минута сорок девять секунд.

Дверь тут же снова открывается.

— Селма не подошла?

 $\mathfrak A$ качаю головой. Только потом я вспоминаю, что не называл ему ее имени.

- Вы что, подслушивали?
- Почти невольно. Ты практически кричал.

Эмиль садится напротив меня.

- Вы же сказали, что подождете в машине.
- Я бы тебя и оттуда услышал.

Большим пальцем он вытирает жирное пятно на экране телефона.

— Ты в школе с ней познакомился?

Кажется, что круглые отпечатки кофе на столе нарисованы спирографом. Я обвожу их пальцем.

- Нет, через Люсьена.
- Ты хочешь сказать, что она... Эмиль смотрит на меня с удивлением, как твой брат?
- Нет-нет, говорю я и собираюсь смотреть на него в ответ очень долго, пока не выиграю. Я ее там иногда вижу. Она сестра кого-то, кто там живет.
- А, ну да. Эмиль улыбается. Конечно. И как, все закрутилось? Или как вы теперь это называете?

Я пожимаю плечами.

- Можешь еще раз набрать ее, если хочешь. А что ты в ней нашел?
  - Да ничего. Просто.
- Ну да, меня-то это и не касается. А она когданибудь сюда заезжает?
- Нет, она ведь живет... чуть не проговорился я, очень далеко.

24

- Сколько ты у него там просидел?
  Я вздрагиваю.
- Да недолго совсем.

Думая на обратном пути о Селме, я не заметил, что пикап уже на месте.

— Хорошо время провели?

У па в зубах сигарета, и она подпрыгивает при каждом сказанном слове.

- Да так.
- Да так?
- Он сказал, что был учителем. Английского.
- И часто ты к нему заглядываешь?

- Нет, это первый раз. Иногда на улице сталкиваемся.
  - Случайно, ага.
  - Ты на что намекаешь?
  - Я с ним никогда не сталкиваюсь.
  - Мне кажется, я ему нравлюсь.

Па смотрит на меня так, будто я вытерся использованным полотенцем Эмиля, а он теперь по запаху это понял.

- Впредь держись от него подальше.
- Но я же у него плату за аренду должен забирать.
- Братом займись. Достаточно и этого.
- Почему?
- A с жильцом будь вежлив, но, если надо что-то решить, дождись меня.
  - Но я без его помощи Люсьена из кровати не вытащу.
  - Не подпускай его к брату. А если что, дождись меня.
  - Так целый день прождать можно.
  - Правда?

Кажется, что он не курит сигарету, а жует.

— Сейчас же вот он я, здесь?

Я пожимаю плечами, он толкает меня кулаком.

— Смотри-ка, что я тебе достал!

Он вытаскивает из кузова канистру, в которой плешется бензин.

— Теперь наконец сможешь опробовать свой мопед.

2.5

— Мне надо уйти ненадолго.

Игрушечной машинкой я проезжаю по его руке, шее и заезжаю за ухо, а затем вдоль линии черных волос

выезжаю на лоб. Я вожу по нему игрушкой, пока он не начинает икать от смеха. Щекой Люсьен все время тянется к моей ладони, потому что хочет, чтобы я его погладил.

— До скорого.

Я драпирую одеяло вокруг его лодыжек, чтобы па не заметил стяжной ремень, если вдруг вернется раньше меня. Проверяю еще разок, с каждой стороны у ступней помещается два пальца.

— Пей побольше.

Люсьен высасывает из кружки весь воздух.

— Еще дать?

Он отворачивается от меня, запястьем натягивает незаметную кабельную стяжку, которой я его на всякий случай привязал, протянув ее через дырку в паллете.

— Не будет больно, если вертеться не будешь.

Прежде чем привязать, я намотал ему на руку носок.

— Я правда очень быстро вернусь.

Оставляю его дверь открытой, чтобы проходил воздух.

Прости.

Сиденье мопеда такое горячее, что я едва могу на нем усидеть. Вдоль полоски полусухой травы толкаю мопед вперед. «Скоро вернусь, скоро вернусь», — про себя продолжаю повторять я. Изо всех сил жму на педаль, проворачиваю правую ручку на себя. Пару раз заставляю его порычать. Завелся! Стрелка на указателе бензина показывает, что бак наполовину полон. Я еду, напевая: «Селма, Селма, все будет хорошо».

Шлем я обычно не надеваю, но так как в этот раз ехать мне предстоит далеко, я не хочу выделяться из общей массы. Это старый шлем па, сухой пенопласт

на внутренней стороне, если на него нажать пальцем, скатывается в катышки. Визор у него с затемнением, так что глаз не видно. В такт грохоту мопеда немного дребезжит подо мной подставка. На всякий случай (вдруг бензин кончится) я проверяю в кармане брюк деньги. Банки с энергетиком оттягивают мне задние карманы джинсов. Я наглухо застегиваю на молнию куртку, хоть на улице для этого слишком жарко. Еще раз оборачиваюсь: занавеска у окна Люсьена не шевелится.

Сначала я еду по траве, подскакивая на каждой кочке, так что я стараюсь расставить пошире ноги, удерживая равновесие. Но, выехав за забор, я уже могу дать газу. Сначала я довольно долго еду по главной дороге, потом сворачиваю и еду вдоль каменистой речки, мимо линий электропередач и лесопилки. Потом приходится тащить мопед по бетонной лестнице вверх на мост, но это оказывается гораздо легче, чем я думал.

Я догоняю ползущий вверх грузовик, везущий лес. А затем еду по неровной дороге, которую я едва знаю. Лес пахнет смолой, он настойчиво тянется ветвями к дороге. Впереди мне видно только то, что умещается в отрезке до следующего поворота. Кажется, что ели на высоте пары метров уже мертвые: из них торчат поломанные ветки, похожие на оленей, от которых видны только рога.

Вдруг я выезжаю на знакомую дорогу. Я наклоняюсь ближе к рулю, замечаю вытекающий из-под склона ручей, который идет до самого нашего дома. Кажется, что небо расступается передо мной, мне виден лишь дрожащий указатель на счетчике пробега и асфальт впереди. Костяшки пальцев мерзнут от ветра, но ладони вспотели. Мне гудят, потому что на мопеде здесь ездить нельзя. Селма, Селма, Селма. Я воображаю, как мы плаваем в ручье. Наши руки находят друг друга под

водой, она прижимается ко мне, и ее живот, неожиданно теплый, касается моего живота.

Я не решаюсь подъехать к самому входу и оставляю свой мопед у мусорных баков и бака для сбора стекла, стоящих рядом. Прячу его в кустах рододендрона. По всей спине у меня пробегает дрожь, снизу и до самой моей вспотевшей головы. Даже уши мокрые от пота. Сквозь ветки кустарника я вижу серые стены здания. Теперь, когда я здесь не ради Люсьена, оно кажется совсем другим.

— Селма? — пробую я еще разок.

Она сидит перед телевизором на расстоянии примерно метра от экрана. Напротив ее кровати я вижу еще одну, новую. Судя по постерам, к ней в комнату подселили какую-то девушку.

Из-за того, что на ней незнакомая мне одежда и эта диадема, Селма будто бы и не Селма, а кто-то другой. В моем воображении она подросла. Я предвкушаю момент, когда загляну ей в глаза. Хотя она, может, до сих пор на меня злится.

— Селма?

Она вжала голову в плечи так, что шеи не видно: не хочет пропустить ни секунды из этого фильма. В ухе у нее болтается блестящая сережка. Она шевелит губами, вполголоса повторяя за принцессой, и расслабленно приоткрывает рот, когда говорит принц. Те двое прощаются, присасываются друг к другу ртами и отворачиваются. Селма придвигается к телевизору еще чуть ближе. На экране появляются титры.

— Конец, — говорю я и легонько стучу пальцем ей по плечу. — Тебе понравилось?

Селма испуганно поднимает на меня взгляд.

Я вернулся. За тобой.

От страха она так неловко вскакивает, что роняет пульт.

— Не бойся, — запинаясь, говорю я и поднимаю его с пола.

Селма прячется от меня в углу кровати, собирая в охапку всех кукол и прижимая их к животу. Другой рукой она прикрывает глаза.

— Не бойся, — повторяю я тихонько, — я пришел извиниться.

Очень осторожно я приподнимаю ее руку. Она отталкивает меня локтем.

— Я не хотел обидеть тебя там, на парковке, но так было надо. Потому что там был па. Ему нельзя знать, что мы... Понимаешь? Я пытался тебе позвонить, но люди здесь мне не дали с тобой поговорить.

В видеопроигрывателе что-то щелкнуло, и он зажужжал, перематывая пленку.

— Смотри-ка, — я демонстрирую ей банку энергетика и сажусь рядом на кровать, — это подарок.

Она раздвигает закрывающие лицо пальцы, словно ножницы.

— Открыть?

Она следит за тем, что я делаю. Из отверстия в крышке раздается шипение, я быстро прижимаю банку к губам и засасываю пену.

— Ой.

Селма хихикает и высовывает сквозь сжатые пальцы язык.

- Моё? она тычет пальцем себе в грудь. Не делиться?
- Смотри! я достаю из внутреннего кармана еще одну банку. Эта вот тебе.

Растопырив ручки, куклы падают ей на колени.

- Не делиться, повторяет она и отрицательно качает головой.
  - Все для тебя.

Селма нажимает на вмятины в банке, отчего пена брызжет через край.

— Ты еще злишься?

После пары жадных глотков она смачно рыгает. Нам обоим от этого весело.

— Смотри.

Широким жестом она обводит комнату. Только сейчас я замечаю, что на окне развешаны украшения. Селма показывает пальцем на каждый шарик:

— Смотри! Смотри! Смотри!

На них фломастером выведена цифра 19. Четвертый шарик в углу напоминает старую морщинистую сиську.

- Он уже умер, говорит она и ударяет по нему рукой.
  - Тебе исполнилось девятнадцать?

Селма гордо трижды кивает в ответ, каждый раз далеко выставляя вперед подбородок.

- Правда?
- Я да, правда, отвечает она.
- Да ну, я не верю, отвечаю я, подначивая ее.
   Это, наверное, все для той новой девочки.
  - Я да, п-правда!

Ей, кажется, нравится наша перебранка.

- Хочешь, покажу?
- Что?

Двумя руками она подтягивает поясную сумку от уровня бедер к пупку. Футболка от этого движения тоже задирается, и мне виден обнаженный кусочек живота. Я сажусь поближе.

Словно фокусник, Селма достает пластиковый пакетик, из которого вытаскивает мятые бумажки, разглаживает их и выкладывает на кровать. Это фотография

какой-то старой женщины вместе с Селмой, они обе радостно поднимают руки.

— Это твоя бабушка?

На следующей фотографии она сидит на карусельной лошадке, которая стоит рядом с копировальным аппаратом в супермаркете и за деньги пару минут подскакивает, как будто куда-то бежит. Коленки Селмы выдаются намного выше головы той лошадки.

Она переворачивает сумку вверх дном и нещадно трясет ее. Серебряная упаковка от мятных пастилок, лоскутки, ручка с четырьмя стержнями разных цветов. На сумке нарисована мышка Минни, выполняющая танцевальный пируэт, в то время как Микки смущенно подглядывает за ней из-за стены. Селма рыщет по углам опустевшей сумки, а потом просто отбрасывает ее.

- Хочешь покашшу? выдыхает она.
- Что ты там ищешь?
- Обешшай?
- Что я должен обещать?
- Не отбери! приказывает она, подняв вверх указательный палец.
  - Ладно.
  - Это най-на.
  - Тайна?
  - Tc-c-c-c.

Она перебирает пальцами разные вещи, откладывает в сторону браслет на кнопках, а что-то блестящее прячет под подушку.

- Ну, можно посмотреть?
- Моей бабушка. Очень дорого. Смотри.

Она поднимает вверх бумажку. Но прежде, чем я успеваю хоть что-то прочитать, прячет ее под подушкой.

— Boт! — буквально ликует она. — Правда.

Это абонемент в бассейн. Фотография, должно быть, сделана пару лет назад. У нее кривая челка, но волосы уже забраны в высокий конский хвост. Один глаз немного косит, на фотографии это бросается в глаза больше, чем в жизни. Селма Лена Ленуа. Абонемент просрочен. Рядом с фотографией написана ее дата рождения, я быстро пытаюсь посчитать в уме.

- Тебе и правда девятнадцать!
- Поцелуйчики, поцелуйчики.

Она хочет прижать к моим губам свой абонемент, но делает это слишком медленно. Я успеваю уклониться. Она не оставляет попытки. Кажется, я двигаюсь как обычно, а она будто где-то под водой.

Вздыхая, она начинает засовывать все бумажки, а затем и разные другие вещички, которые она спрятала под подушкой, обратно в сумку. Теперь, когда все нужно сложить обратно, кажется, что вещей стало больше.

— Помочь тебе?

Но она не разрешает.

- Мне тринадцать, сообщаю я ей в затылок.
- Я знала.
- Откуда?
- Я вишшу.

Вдруг я почти ощутил, что за мной наблюдают. Я думал, что это я на нее смотрю и что она может отвечать на мой взгляд, но не вполне осознает, что именно видит.

- Так откуда ты знала?
- Знала и все тут.

Селма наклоняется так низко вперед, что, смотря на нее сзади, я не вижу головы. Пока она прикрепляет сумочку обратно на пояс, оголяется часть спины и показывается начало складочки между ягодицами, скрывающимися за поясом ее юбки. Футболку она не оправляет.

Когда я касаюсь этого места, она не пугается. По ощущениям там теплее, чем я думал. Мизинцем я провожу по ребристому следу, оставленному резинкой юбки.

Чем ближе к бедрам, тем кожа прохладнее. Руки Селмы скользят вниз и бессильно падают на кровать ладонями вверх. По выражению ее лица я пытаюсь понять, можно ли мне сделать следующий шаг.

— Селма? — шепчу я. Она не открывает глаз.

Пальцем я провожу по маленьким светлым волоскам, рисуя треугольник, и продвигаюсь еще чуть дальше. Поглаживаю желобок, предвещающий складочку между ягодиц. Сейчас я весь целиком в кончике мизинца.

- В ноге шекотно.
- Что?

Я убираю руку и опускаю ей футболку. К счастью, в коридоре никого нет.

- Что случилось?
- Щекотно.

Она показывает куда-то, как будто рассуждает о том, что происходит у соседей снизу.

- Значит, у тебя нога затекла, я говорю нарочито громко, как будто мы просто разговариваем. Я ее не трогал. Я только футболку поправил.
  - Она вся струится, хихикнула она.
  - Ну да...

Я отодвигаюсь к краю кровати.

- Уф, отдувается она, переворачиваясь и освобождая затекшую ногу, чтобы не так кололо.
  - Подожди, успокаиваю я ее, сейчас пройдет.

Болезненная гримаса сходит с ее лица, а уголки губ снова ползут вверх. Селма сползает с кровати и идет к окну, немного прихрамывая. Назад она возвращается, держа в руках стеклянный шар.

— Смотри! — трясет она его. — Подарили на мой день рождения.

Внутри на замерзшем озерце стоят две целующиеся фигурки.

- Нино подарил.
- А кто такой Нино?
- Мой друг.
- Друг?

Она энергично кивает в ответ, но больше похоже, будто она забивает подбородком гвоздь.

- Что за друг?
- Просто друг.
- Как Люсьен?
- Тоже друг.
- Аякто?

Селма упирается руками в бедра и пристально рассматривает сначала мое лицо, затем руки и коленки, торчащие из-под шорт. Ее губы уже будто бы складываются в начало слова, но затем снова растягиваются в улыбке. И когда я уже перестал ждать ответа, она решает:

- Ты брат Люсьена.
- И все?

Селма еще раз встряхивает стеклянный шар.

Не думая, что делаю, я прижимаюсь к ней губами. Глаза я зажмурил. Она отвечает, и я высовываю вперед язык. Внутри мокро, а на вкус — как энергетик. Я чувствую ее зубы и теплую пустоту за ними. А потом мы снова отдаляемся друг от друга. Она дышит неровно, будто только что вынырнула из-под воды.

— Извини, — немного заикаясь, говорю я.

Затем встаю, разглаживаю покрывало там, где только что сидел. Селма не выглядит как кто-то, кто только что целовался. Больше похоже, будто ее толкнули, и она врезалась лицом в стенку. Я быстро беру полупустую

банку и делаю пару глотков. На пробковой доске я замечаю пару поздравительных открыток.

- Думаю, я тоже должен подарить тебе подарок.
- Подарок?
- В следующий раз. Хочешь?

Селма кивает.

— Вот, держи пока что.

Я передаю ей стоявший на тумбочке энергетик. Она отпивает совсем немного и вытирает губы рукой.

- Когда ты мне подарок подаришь?
- В следующий раз.

26

Внизу живота у меня что-то теплое, я такого еще никогда не чувствовал. До этого я всего один раз целовался по-настоящему, с языком, это случилось с Натали после каких-то догонялок на школьном дворе. Тот, кто проиграл, должен был со мной поцеловаться. Не обязательно долго, но все стояли вокруг нас и возбужденно кричали, потому что целоваться надо было обязательно с языком. В тот раз мне показалось, будто кто-то попытался вкрутить мне в рот гайку.

По дороге к выходу я заглядываю в комнату Хенкельманна. Его дверь слегка приоткрыта, а жалюзи повернуты так, чтобы свет не проникал внутрь.

— Ты спишь?

Изголовье его кровати опущено. Под одеялом — недвижное тело. Под бумажными птицами Люсьена стоит еще одна кровать, но на ней пока что никого нет, она обернута прозрачной пленкой.

— Ты снова хозяин целой комнаты. А соседа ты что, испугал?

Но в ответ тишина, все звуки, наполняющие комнату, доносятся с улицы.

— Селма больше не сердится, — шепчу я, — мы целовались с языком.

Его совсем не трогает то, о чем я ему поведал.

— A ты знаком с Нино?

В полутьме виднеется только мерцание его глаз.

— Хочешь поиграть в нашу игру? Хенкельманн?

Его рот превращается в зияющее круглое отверстие.

— Сейчас включу лампочку, только не пугайся.

Судя по глазам, он едва ли уловил какие-то изменения. Я замечаю, что поручни по краям его кровати не подняты, и сразу отступаю подальше.

— Умно, умно! Хотел меня поймать, Хенкельманн? Чтобы я подошел поближе, а ты потом ка-а-ак... oп!

Мой смех отражается от стен, будто в склепе. Но я вижу, как под футболкой у него вверх и вниз ходит грудь.

— Хенкельманн?

И руки у него не привязаны, а просто свободно лежат поверх одеяла.

- Подождите! кричу я проходящей мимо Зубиде. — Хенкельманн лежит в кровати, но поручни не подняты! Ну, знаете, как обычно. И ремней на руках нет.
  - Ему это больше не нужно.
  - Новые лекарства?
- Нет-нет, отвечает она. Просто для Мэтью счет идет на дни. Может быть, протянет еще неделю.
  - Протянет до чего?
- Мы нашли его таким пару дней назад. С тех пор его состояние только ухудшается.
  - А что случилось?

- Неизвестно. Может быть, что-то и случилось, пока он спал.
  - Вот так, ни с того ни с сего?

Зубида кивает.

- А у него что-нибудь болит?
- Сложно сказать в его случае. Сказать-то он никак не может. Но на всякий случай мы даем ему болеутоляющие.
  - Он умирает?
- Похоже, что так, произносит она очень тихо, будто об этом вообще-то нельзя говорить.
  - Но вы не уверены?
- Уверены. Она сжала мне плечо, это только вопрос времени.
  - -A.
  - -Дa, вот так вот.

Мне кажется, что я не видел его более одиноким, чем теперь, когда он просто лежит вот так.

- А родственники у него есть?
- Кажется, я когда-то видела, что к нему приходила тетка.

Из-за включенной лампочки на лице Хенкельманна лежат странные тени.

— Хочешь, вместе к нему подойдем? — спрашивает меня Зубида. Я соглашаюсь.

Беззубый рот раскрыт в бесконечном зевке.

- Но, если к нему больше никто не приходит, кто же будет его потом помнить?
  - Потом?
  - Когда он умрет.

Кажется, будто она не слышала, что я сказал. Она проводит по крокодильей коже его руки, а затем отвечает:

- Мы.
- В каком смысле?
- Мы будем его помнить. Ты и я.

На одном веке у него в такт с сердцем пульсирует голубоватая венка.

- Согласен? тихо спрашивает она, будто мы не должны мешать Хенкельманну умирать. Я киваю и только потом замечаю протянутую мне руку. Она сухая и мягкая. И ей все равно, что моя ладонь вспотела.
  - Он прожил гораздо дольше, чем мы ожидали.

Она проверяет пакет с темно-желтой мочой, висящий на его кровати.

- Мэтью у нас выносливый.
- А сколько ему лет?
- Не помню точно. Он один из первых здесь появился. Еще в то время, когда тут работали только монахи.

Она прикладывает пальцы к его шее и считает, смотря на часы.

- Пойдем, обращается она ко мне, когда заканчивает. Хочешь, налью тебе чего-нибудь попить?
  - Я лучше еще немного тут побуду, можно?
  - Конечно.

Зубида кладет руку мне на затылок и запускает паль-

- Я иногда играл с ним в эту его игру «укуси-меня».
- Ты добрый мальчик.

Когда мы снова остаемся одни, мне начинает казаться, что смерть прячется под его кроватью, или за дверью, или в складках занавески, которую можно задернуть вокруг кровати.

— Хенкельманн?

Я касаюсь его пальцев и тут же отдергиваю руку, прижимая ее к груди.

— Я не знал, что тебя зовут Мэтью.

Тусклым взглядом он смотрит в потолок.

— Ты, видимо, умираешь.

Когда я провожу мизинцем по его ресницам, они слабо дрожат.

— Извини, что я тебя боялся.

Я подношу к его лицу указательный палец и провожу им по носу. Затем касаюсь верхней губы.

— Кусай, я разрешаю.

Но чувствуется лишь тепло его дыхания.

Когда я уже иду к выходу, я сталкиваюсь с Зубидой еще раз.

- А ты здесь вообще-то зачем? Люсьен же дома?
- Надо было кое-что забрать. Лекарства.

Зубида еще какое-то время испытующе на меня смотрит, но потом говорит:

— Ладно.

Она что, правда не заметила, что в руках у меня ничего нет?

- Справляетесь там дома с Люсьеном? Все хорошо?
- Да, все отлично.
- Ну, рада слышать.

27

К счастью, па еще не вернулся. Я даже не ставлю мопед на подножку, а так и бросаю лежать на земле. Искусственный газон шипит от жара нагретой выхлопной трубы. Я взлетаю по лестнице наверх.

— Я вернулся!

Люсьен спокойно лежит в моей кровати, как я его и оставил.

Я обнимаю его так крепко, что из него со слабым писком выходит весь воздух.

— Не смей умирать ни с того ни с сего.

Прижавшись лбом к его лбу, я пытаюсь заглянуть ему в глаза:

— Обещаешь?

Кажется, он не заметил, что я плачу. Наверняка думает, что мы просто новую игру затеяли.

— Селма, к счастью, больше не сердится.

Услышав ее имя, Люсьен начинает вертеться.

— Селма, — повторяю я. Он двигается так активно, что мне приходится его отпустить. О Нино я на всякий случай не упоминаю.

Одну ногу он умудрился высвободить, но вторая еще привязана. Пока он так связан, Люсьен терпеливо позволяет мне его гладить.

— Мы целовались, — шепчу я ему, — с языком.

Я замечаю у него на запястье синяки, несмотря на носок, которым я обмотал руку.

- Блин, синяк.

Я тяну за конец ремня.

— Селме исполнилось девятнадцать, — тут же сообщаю я, — и я трогал ее пониже спины.

Я неправильно берусь за ремень и из-за этого нечаянно затягиваю его слишком сильно, но тут же снова ослабляю.

Снаружи раздается лай Рико и Риты. Во двор въезжает пикап.

— Блин, ногу еще надо развязать.

Люсьен тянется к кружке.

— Сейчас, подожди, дам тебе попить.

Я быстро освобождаю его лодыжку и тру, массируя, покрасневшую кожу. Нога безвольна и податлива, и я на секунду пугаюсь, что она отмерла. Но мне удается добиться реакции, пощекотав подошвы. Ремни я прячу в щель между краем кровати и матрасом.

Ну вот.

Я даю ему напиться, почти перевернув кружку вверх дном.

- Братики-солдатики! кричит нам па. Над головой он держит пакет из «Снек Пэласа», на который уже пускают слюни Рико и Рита. Еда приехала! Теплая еще!
  - Сейчас, только кое-что доделаю!
  - Люсьен что, снова дрыхнет?
  - Недавно проснулся.

Я прячу все завязки под простыней.

- Как день прошел, все спокойно?
- Да-да.
- Для брата твоего я еще колбаску привез. Как думаешь, будет есть?
  - Конечно.

Как только Люсьен допил, мы с па ставим его на ноги и кладем его руки себе на плечи. Тяжело опираясь на нас, он медленно выходит из комнаты, впиваясь ногтями в мое плечо. Мы сажаем его в глубокое кожаное кресло перед телевизором, из которого ему не так-то легко будет выбраться.

- Ну, ты пока начинай, говорит па, а то картошка остынет. Я уже парочку по дороге стянул.
  - А еще не хочешь?
- Хочу, но сначала брата твоего покормлю. Ты же с ним весь день провозился. Па разламывает колбаску краем вилки, пододвигает поближе журнальный столик, чтобы сесть на край, и накалывает первый кусочек.
  - Будешь это?

Люсьен открывает рот.

- Как ты думаешь, Люсьен может внезапно умереть?
  - Ты с какого перепугу это придумал?
  - Но он ведь может.

- Никто ни с того ни с сего не умирает.
- Умирает. Такие, как он, умирают. И не могут сказать, болит ли у них что-нибудь.
  - Ну, ты об этом не беспокойся.

Па откладывает колбасу и крепко берет Люсьена за плечо. А потом начинает трясти его изо всех сил, будто хочет убедиться, что все части тела крепко сидят на своих местах. Где-то в горле у Люсьена булькает смешок.

- Твой братик крепкий орешек.
- Ты правда так думаешь?
- Конечно, уверенно отвечает па. Но если вдруг что, то мы же сразу заметим.

Я макаю пару ломтиков картошки фри в соус и сую па в рот.

- Вот, говорю я. Это тебе.
- Вкуснота.

Он съедает их у меня из рук.

- Теперь мы кормительный конвейер.
- Точно!

К счастью, по Люсьену не видно, что я оставлял его одного.

- С лекарствами разобрался?
- В смысле?
- Ну, понял, что там к чему?

Па делает неопределенное движение головой в сторону папки, лежащей на телевизоре. Я не знаю, что ответить.

- Ты ведь должен был за этим следить? наполовину спрашивает, наполовину утверждает он.
  - Лекарства, ну да.
  - Брайан, посмотри-ка на меня.
  - Что?
  - Ты же не хочешь сказать, что ничего ему не давал?
  - Да нет, все в порядке.

Люсьен блаженно обмяк в кресле, рядом с которым сидит Рико и лижет брату пальцы.

- A у тебя получилось сегодня подхалтурить?
- Конечно. Он быстро проводит языком по губам, скармливая Люсьену кончик колбаски. Только этим и занят. Мы отлично втроем справляемся. Посмотрела бы на нас твоя мать.

28

Мы не пропускали ни одного воскресенья. Чем ближе мы подъезжали к Люсьену, тем больше ма торопилась. На парковке она уже шла в два раза быстрее, чем мы с па. У автоматических входных дверей она задерживалась, жестами показывая нам, чтобы мы поторапливались. Ей хотелось, чтобы внутрь мы зашли все вместе.

- Вот он, мой зайчик! восклицала ма, как только мы видели Люсьена в рекреационном зале. И как всегда в таких случаях, он прятал лицо под мышку.
- Ты же не стесняешься собственной мамы? Она пыталась развернуть его лицом к себе и поцеловать. Поцелуй-ка маму.

А Люсьен бил себя ладонью по затылку, пытаясь выбить из головы слова и направить их в рот. Зубида поднимала вверх баночку, демонстрируя остатки ее содержимого, и говорила:

- Я переживала, приедете ли вы сегодня, так что уже начала.
- Зубиде совсем не надо было беспокоиться, обращалась ма к Люсьену. Мама же всегда приезжает, да?

Она брала баночку яблочного пюре и начинала скрести ложечкой по стенкам.

- У меня был день рождения! сообщил я Зубиде.
- Правда?

Я повернул к ней ухо с сережкой.

— Вот что мне подарили!

Вообще-то я не должен был вынимать гигиеническую сережку еще целую неделю, но ма уже вдела мне вместо нее другую — колечком.

- Ух ты, ну, поздравляю, сказала она и погладила меня по затылку.
  - Мне исполнилось семь.
  - Ну какой же у тебя взрослый брат, а, Люсьен?

И хоть он еще ни разу не ответил ни на один вопрос, все обычно все равно пару секунд ждали реакции.

Па плелся по залу, ни на кого не глядя, и шарил в стопке журналов в поисках чего-нибудь новенького. Хенкельманна тогда, к счастью, еще не было. Все столы превращались в островки, окруженные родителями, иногда бабушками, рядом с которыми был ребенок, сидящий в инвалидном кресле или лежащий на кровати с колесиками. Тех, к кому никто не приходил, сажали за отдельный стол у окна. Но иногда им разрешали посидеть за столом с чужими родственниками.

Люсьен шел в два раза медленнее, чем я, хотя он вполне мог ходить быстро этой своей шарнирной походкой. Без подсказки ма он узнал дверь своей комнаты.

Лиззи спала с открытым ртом. Ее мать листала журнал. Когда моя ма проходила мимо нее, они всегда коротко пожимали друг другу обе руки.

Па укладывал Люсьена в постель, я помогал, подтягивая одну ногу. Ма внимательно изучала его бледную, почти прозрачную кожу на внутренних сторонах локтей,

ощупывала впадинки под коленками. Если она замечала хоть одно малюсенькое красное пятнышко, то тут же шла в администрацию выяснять, кто и зачем делал ему укол.

- Можно мне теперь подарить ему подарок?
- Ой, да, сказала ма, достань у меня из сумки.

Когда у меня был день рождения, Люсьен тоже что-нибудь получал в подарок. Сейчас он рычал в угол на потолке, все еще недовольный тем, что ему не дали походить побольше. Подарок я положил ему на колени, и, так как он никак не отреагировал, мне разрешили открыть его для Люсьена. Я срывал один кусочек скотча за другим, по очереди, чтобы подогреть его интерес.

- Вот, это тебе! сказал я и осторожно погладил его плюшевым динозавром сначала по одной щеке, а потом, проведя по лбу, и по другой.
- Ладно, Брай, хватит, тихо сказала ма, чтобы не разбудить Лиззи. Но когда динозаврик погладил Люсьена под глазами, он начал шмыгать носом и махать руками. Не издевайся над братом!

Ма тут же отвела меня от его кровати.

— Я не издеваюсь, ему же, наоборот, нравится! Но ма отобрала у меня игрушку.

— Так, — начала она некоторое время спустя. Па уже ушел к автомату с кофе. — Посидишь с братом немного? Маме надо пойти покурить.

Я кивнул.

- И не вздумай дразнить его, слышишь, Брай?
- Да не буду я.

Ма проверила в сумке пачку сигарет и обошла кровать.

— Сейчас? — спросила мама Лиззи.

— Одну сигаретку мне точно надо.

Обычно они шли в комнату для курения, садились у большого стола с краю и склоняли головы, кивая в ответ на то, что рассказывала другая, как бы каждый раз подтверждая правоту сказанного.

Они только-только вышли, как Люсьен начал беспокоиться и кричать.

- Я же здесь, ты чего?
- Нгинг-нгинг, качался он, как кукланеваляшка.
- Тише, тише, ты так Лиззи разбудишь, пытался я его успокоить. Мама сейчас вернется.

Я погладил его скрюченный мизинец.

— Смотри, прямо как мама делает.

Вдруг он схватил меня за пальцы. Если бы я в этот момент закричал, пришла бы медсестра, позвала бы ма, а она бы потом еще долго ругалась, что не может оставить меня с Люсьеном наедине.

— Отпусти! — Свободной рукой я попробовал разжать его пальцы. — Хватит!

Неожиданно он повернул руку так, что протащил меня спиной по кровати. В процессе я нечаянно смахнул пару вещей с его тумбочки. Пластиковая лампа ударилась об пол и сломалась, за ней полетела его кружка. От шума проснулась Лиззи и закричала.

- Хватит! — орал я. — Отпусти!

Он выгнул мне пальцы так сильно, что они чуть не сломались. Откуда-то из самого нутра он издал рокочущий звук.

— Всё, всё, ну пожалуйста, — умолял я. — Я больше не буду тебя гладить.

Лиззи попыталась вырвать волосы у себя над ухом, но там уже зияла лысина. Люсьен влажно дышал мне в ухо. На мгновение мне показалось, что он пытается мне что-то сказать. Но он меня укусил. Прямо в мочку

уха с сережкой. Я закричал. Заплакал. Начал бить его по лицу и в грудь.

— Moe yxo!

Я сражался. Люсьен вцепился в меня так, что я стащил его с кровати. Со всего маху я врезался в батарею, и спину пронзила обжигающая боль. Люсьен лежал рядом со мной, его шея вывернулась под странным углом. Когда он попытался встать, пол был для него словно каток. Он поскальзывался, неверно ставил ноги, у него дрожали колени. Я отполз от него подальше, но не мог опираться на руку. Пальцы стали тяжелыми и непослушными, будто чужие. Я забился под стол и прижался к стене, подержал пульсирующие пальцы во рту, подул на них. Другую руку я прижал к пострадавшему уху. На футболку упало несколько капель крови. Первой в комнату вбежала мама Лиззи.

— Девочка моя, что случилось?

Увидев Люсьена, она зажала рот рукой. За ней пришла и ма.

— Ох, боже мой, бедный малыш!

Сразу за ними в комнату прибежали Зубида и медбрат, но я видел одно только мельтешение ног.

— Малыш мой, мальчик мой.

Ма пыталась присесть рядом с Люсьеном, но он пинался и пускал пузыри. Зубида отодвинула ее:

- Позвольте мне.
- Мальчик мой, что же это...
- Держишь его? раздался голос Зубиды.
- -Да, ответил какой-то мужчина. Раз-два, взяли! Они подняли Люсьена и уложили на кровать.
- Ай, вскрикнула Зубида, за руку!
- Позвать кого-нибудь помочь?
- Нет-нет, все в порядке.

На всякий случай все-таки позвали еще одного медбрата.

— Мой бедный мальчик, — причитала ма.

Гулко топая по полу, в комнату вбежали папины ботинки.

- Что случилось?
- Люсьен... плача, начала мама.
- Черт по... А где Брай?
- Не знаю. Должен был сидеть с ним.
- Я тут...

Но меня никто не услышал, потому что Лиззи выла громче сирены. Ее кровать отстегнули, и ее мать, постоянно натыкаясь на что-то, вывезла ее в коридор.

- A кровь откуда? спросил па.
- Сейчас выясним, ответил мужчина с другой стороны кровати. В комнату прикатили тележку с лекарствами.
  - Седативное, скомандовала Зубида.
  - Что вы собираетесь с ним делать?
  - Укольчик сделаем, чтобы успокоился.
  - Нет! взревела мама. Нет, нет и нет!

А затем прокричала в лицо па, будто он был глухой:

— Они так его совсем заморят!

Зубида разговаривала с каждым, кто был в комнате, абсолютно разным тоном. Маме она сказала предельно спокойно:

- Может быть, вам лучше подождать в коридоре.
- Я! Не! Хочу!
- Это стандартная процедура, продолжила Зубида в том же тоне.
- То есть вы это постоянно с ним делаете? И когда нас тут нет тоже?
  - Ну ладно, успокойся! попробовал вклиниться па.
- Вмешайся, Морис! С моим мальчиком нельзя такое вытворять!
- Мы ничего плохого с ним не делаем. Это всего лишь успокоительное. Ему же будет лучше.

— Нет, нет и нет! — снова завелась ма. Па вывел ее из комнаты. Дверь за ними захлопнулась.

Осторожно я вылез из-под стола, опираться на правую руку я все еще не мог. И тогда я увидел Люсьена. Его за ноги и за руки привязали к кровати ремнями на липучках. Люсьен извивался и крутился, будто какое-то морское чудище, которому нужно скорее вернуться в воду, ведь на суше оно долго не протянет. Вокруг рта у него была кровь.

Иголка легко вошла в резиновый колпачок колбочки с лекарством, пластиковый шприц втянул в себя жидкость. Вынув иглу, медсестра три раза щелкнула указательным пальцем по шприцу, который она держала вертикально. С кончика иглы брызнули капли. Люсьен лежал носом ко мне, но глаза у него закатились куда-то далеко наверх. Когда игла проткнула его кожу, он не издал ни звука.

— Стойте! — заплакал я. — Так нельзя!

Двое из троих медработников развернулись ко мне.

— А ты откуда тут взялся?

Зубида взяла меня на руки и вынесла к родителям в коридор.

- Ох, еще и это... - услышал я слова ма. Я почувствовал на щеке ее прикосновение. - А с тобой что случилось?

Я слышал, как она о чем-то меня спрашивала. Па хотел взять меня у Зубиды, но она сказала, что все в порядке, и отнесла меня в какую-то комнатку. Мои родители пошли за ней, но в комнату не зашли.

- Что произошло? спросила меня Зубида.
- Я хотел успокоить Люсьена, выдавил я. Когда ма ушла, он начал кричать.

Зубида подошла к раковине, выдавила немного мыла, намылила руки и смыла пену под водой из крана.

— Где у тебя болит?

- Спина. И он вот тут схватился, поднял я вверх пульсирующие от боли пальцы, но по их виду нельзя было сказать, как сильно они болели.
  - A yxo?

Зубида подняла металлическую дверь-шторку шкафчика, как будто открыла гараж, вытащила оттуда оранжевый чемоданчик, поставила себе на стол и щелкнула замочком. Из картонной коробочки, похожей на ту, в которой мы дома храним бумажные салфетки, она вынула две резиновые перчатки. Перед тем как надеть, она помахала ими в воздухе, а натянув их на руки, шлепнула резинкой по запястьям.

- Ну, показывай. Она подкатила ко мне табуретку на колесиках и села на нее. Выглядит не очень, проронила она, разглядывая поближе мое ухо. А где твоя сережка?
  - Моя сережка!
  - Ага, значит, выпала.

Мне сразу стало как будто еще больнее. Зубида поднялась и пошла в коридор позвать моих родителей.

- Его надо бы в пункт первой помощи отвести.
- Первой помощи? переспросил па и внимательно посмотрел мне на ухо. Всего-то из-за мочки?
  - Я бы на всякий случай ее зашила.
  - A пластырем нельзя обойтись?
  - Мне кажется, рана слишком большая.
- Мне больно, шмыгнул я носом. Где моя сережка?
  - Да это ж наверняка немереных денег стоит.
  - Это страховой случай, ответила Зубида.
- Ага... протянул па. А мы как раз решили страховку переоформить.
  - O, только и смогла сказать Зубида.
  - Ну, если надо, то надо.

Зубида еще раз осмотрела мое ухо.

- Если хотите, я могу сама попробовать.
- A вы точно знаете, что нужно делать? язвительно спросила ма.
- К сожалению, в этом у меня больше опыта, чем хотелось бы, ответила Зубида так, будто открывала страшную тайну. Не можем же мы каждый раз бегать в первую помощь, если вдруг что. И мне кажется, у меня получится аккуратно наложить швы.

Вероятно, мои родители сочли это хорошей идеей.

- Ладно. Сделаю так, что скоро и не заметно будет, что там что-то было не так.
- Господи, выдохнула ма, когда Зубида вытащила из пластиковой упаковки гнутую иглу.
- Наверное, вам лучше будет подождать в коридоре, сказала им Зубида.
  - Ну уж нет, я останусь! рьяно отреагировала ма.
  - Все-таки лучше выйти, повторила Зубида.
- Не волнуйся, Брай, мы с твоей мамой тебя там подождем.

Я вдруг почувствовал, как папина рука легла на мое плечо.

— Ухо у тебя скоро будет как новенькое.

Ма еще посопротивлялась, но по каким-то ноткам в ее голосе я понял, что ей хотелось, чтобы ее уговорили уйти.

— Мама ждет тебя в коридоре, — сказала она наконец.

В комнате стало очень тихо. Только из коридора раздавался рокочущий голос па. Почти одновременно с всхлипывающими ответами ма.

— Ай!

Мне сделали укол анестезии, как будто пчела укусила.

— Давай-ка я пока посмотрю, что у нас тут.

Резиновые пальцы дотронулись до моих.

- Покалывает и пульсирует, есть такое?
- Это что, снаружи тоже ощущается?

Она улыбнулась и отрицательно качнула головой.

Пошевели ими.

Потом она осторожно потянула за каждый палец и по очереди согнула все суставчики у меня в кисти. Я старался слишком громко не кричать, а то мама бы снова вернулась.

- Перелома нет, констатировала она, просто сильный ушиб.
  - Ушиб?

Может, кричать надо было и погромче.

Нанеся мне на пальцы столько мази, будто она просто выдавила на них весь тюбик целиком, Зубида их еще и забинтовала. При ходьбе мне нужно было держать руку вертикально поднятой. А ухо, когда его зашивали, я вообще не чувствовал, его заморозило, но я был рад, что теперь всем было видно, что я пострадал.

Я думал, что в коридоре все стихло, потому что па удалось маму успокоить. Но оказалось, что там уже никого не было.

- Вы знаете, куда они пошли?
- Пойдем-ка.

Зубида подтолкнула меня вперед, и мы пошли по коридорам.

- Не забывай руку держать вертикально.
- Нам же не надо заходить к Люсьену, ведь нет?
- Не волнуйся.

Зубида подвела меня к серой двери в каком-то коридоре, куда я еще никогда не заходил, и сказала мне постучать.

- И никаких стажеров к нему не посылайте, услышал я голос ма, когда мы зашли.
- Мы и не посылаем к нему стажеров, ответила женщина с черными волосами, торчавшими сосульками

во все стороны, которая только что сделала Люсьену укол.

— Ох. милый!

Я вытянул вперед руки, но ма отстранила меня, потому что сначала хотела посмотреть, что у меня с ухом. Казалось, она хочет что-то сквозь пластырь разглядеть. Я застонал, хоть анестезия все еще действовала.

— Сшила все, как было, — сказала Зубида, гордясь своей работой. Па поблагодарил ее, а ма только кивнула. — Ближайшие несколько дней надо протирать ваткой с раствором бетадина и каждый раз заново накладывать повязку. Через две недели зайдите к вашему врачу, чтобы снял швы.

Па тоже прожигал повязку взглядом, словно вглядывался в длинный темный туннель.

- Слава богу, все обошлось, сказала ма и прижала меня к груди.
- Ай... моя спина, прокряхтел я. Она быстро заглянула мне под майку, развела колени в стороны, и я оказался зажат между ними.
  - До свидания, Брайан.

Я помахал Зубиде на прощание.

- Так, ладно, сказала женщина за столом. Может быть, обсудим все это втроем?
- Брайан никуда не пойдет, категорично заявила
   ма. Он может рассказать, что там случилось.
- Ладно, снова повторила женщина за столом. —
   Итак, я уже сказала вам, что это не первый подобный инпидент.
- Такие у меня мальчишки, они просто играют неосторожно, и тогда может случиться такое. Да ведь, Брайан?

Ма активно закивала, побуждая меня повторять за ней.

- Я только хотел его погладить.
- Брайан сейчас же пойдет и извинится перед Люсьеном, на этом, по-моему, весь инцидент будет исчерпан.
  - За что это мне извиняться?

Ма притворилась, что не слышала вопроса.

- Послушайте, но вы же и сами знаете, что это не первый раз.
- Эти ваши стажеры, перебила ее ма, они считают себя чуть ли не Матерью Терезой, а сами понятия не имеют, как нужно обращаться с моим мальчиком.
- Стажеры работают под постоянным надзором одного из наших сотрудников и могут только ассистировать. К тому же...

Женщина с волосами-сосульками расстегнула манжеты и закатала рукава до локтей.

— Об этом я вам еще не рассказывала.

Было похоже, будто под кожей у нее на руке выросла мышца, как у качка.

— Это сделал Люсьен в прошлый вторник, когда мы его купали.

На руке виднелись четыре длинных окровавленных следа, вокруг которых уже рассасывался желто-зеленый синяк.

— И вот это. Это было чуть раньше.

Второй желтый синяк виднелся у самого локтя, и с него еще не сошла корочка.

— А я работаю здесь уже тридцать два года, так что стажером меня назвать сложно.

Ма расстегнула и снова застегнула замочек своей сумки.

— А откуда мне знать, что это именно Люсьен вас укусил, а не кто-нибудь еще?

— Оттуда, что я вам это говорю.

Женщина с сосульками не отводила от ма взгляда.

- Если бы вы знали, как обращаться с моим сыном, этого бы не случилось.
- Раньше он только иногда мог прикусить, но в последние недели он все чаще кусает до крови. И это еще не считая того, что он щипается. А чем дальше, тем сильнее он будет становиться. Нам необходимо это както решить. Мы можем использовать лекарства. Это мы с вами уже обсуждали. Но вы отказываетесь об этом подумать. Мы не можем брать на себя такую ответственность, ведь есть риск, что может случиться что-то действительно серьезное, и риск этот слишком велик. Мы же несем ответственность за всех наших пациентов, начала она перечислять, загибая пальцы, за персонал и, конечно, за жизнь и здоровье самого Люсьена.

Ма снова начала рыться в сумочке. Мы, все трое, внимательно за ней наблюдали, ожидая, что же она оттуда вытащит. Это оказался носовой платок. Она зажала его в кулаке. И сумочка снова закрылась.

- И что же? немного неловко спросил па. Его губы были напряжены и плотно сжаты, общаться он мог только короткими репликами.
  - Что вы имеете в виду?
  - Какое решение?
- Не надо лекарств, измученно и очень тихо произнесла ма. — Дома он всегда был спокойным, послушным мальчиком.
- Охотно вам верю, отреагировала женщина. Но мы видим только то, как он ведет себя здесь, и принимаем решения исходя из этого.
  - Вы меня слышали, упорствовала ма.
- У нас есть очень хорошие успокоительные. Они улучшат общее самочувствие Люсьена, а значит, окажут

положительное действие и на качество его жизни, и на его безопасность. И на других пациентов тоже.

- Нет, сказала ма так, будто, еще раз подумав, приняла решение. В подтверждение она нервно замотала головой из стороны в сторону.
- Некоторые родители предпочитают ограничить физическую активность, но мы не приветствуем такой подход. Пациенты, которые сидят с Люсьеном за одним столом в столовой, боятся его, так что мы в большинстве случаев сажаем его отдельно. И он сейчас лежит в одной палате с Лиззи, но это очень уязвимая и ранимая девочка. Один раз он уже чуть не укусил и ее.
  - Чуть не... эхом повторила ма.
  - Ну, сегодня он не промахнулся.

Женщина посмотрела на меня.

- Это они просто так играли.
- Я только хотел его погладить.
- Брай! голос прозвучал, словно удар хлыста.
- Но правда! возмущенно закричал я. Я хотел его успокоить! Как ты это всегда делаешь!

Женщина с сосульками приветливо мне улыбнулась.

- А какие у вас по этому поводу соображения? обратилась она к па.
- Ух, да, эм... Он потер переносицу. Решения у нас принимает она. Но если бы я решал... Он поднял руки вверх, как будто сдавался. Мы Люсьена сюда поместили не просто так. Когда меня не было дома, ей тоже сложно было с ним справиться.

Ма так сильно сжала кулак, что у нее побелели костяшки пальцев.

— Мы бы вам предложили, — сказала женщина за столом, — сначала понаблюдать, как Люсьен будет реагировать на лекарства, а потом подобрать нужную дозировку, чтобы достичь желаемого эффекта.

- Ни за что! Ма вскочила со стула. Ничего вы с ним не сделаете! Он мой сын!
- Мы делаем все возможное для вашего сына. Я понимаю, что это непростое решение. Всем родителям нелегко через это проходить.
- Ошибаетесь. Ма вдруг начала плакать, хотя по ее голосу этого совсем не было заметно. Мы сегодня же заберем Люсьена домой. И он больше никогда сюда не вернется.
- Я понимаю, что вся эта ситуация выбила вас из колеи. Но вы не можете вот так просто забрать Люсьена.
- Это мой сын! мы выплевывала слова одно за другим. Мне решать, что с ним будет!
  - Безусловно, потому мы сейчас это и обсуждаем.
     Женщина снова повернулась к па.
  - Что скажете?
- Ну-ну, сказал па и раскинул руки так, будто ма была чем-то огромным, готовым обрушиться на него. Успокойся, Мила.

Ма оттолкнула его руки.

- Луша! умолял па, называя ее ласковым именем.
- Это мы виноваты в том, что Люсьен здесь застрял. Правда, смотрела ма только на меня.
- А теперь еще и это.

От злости ее грудь вздымалась и падала. Она стремительно вышла из комнаты, и дверь за ней захлопнулась с такой силой, что архивные шкафы заскрипели.

 — Ладно, — сказала женщина, спустя пару секунд, ладно.

В коридоре по дороге к выходу я почувствовал запах супа.

— Мы правда заберем Люсьена домой?

Я старался не подавать виду, что мне этого не хочется.

- Люсьену и здесь отлично живется.
- Но ма ведь сказала?
- Ага, ма вообще много чего говорит. Ей всегда хочется того, чего у нее нет.

Мне пришлось приложить все усилия, чтобы понять смысл сказанного.

- Так что, ему все-таки будут давать эти лекарства?
- Твоя ма... Но он пожал плечами и не закончил фразу. Она хочет поиграть в хорошую мать.

В кулаке он держал зажигалку и прокрутил кремниевое колесико под большим пальцем, высекая искру. Люсьену всегда нравилось смотреть на это.

— Конечно, ему нужны лекарства. Но всегда, когда надо принять сложное решение, твоя ма ищет козла отпущения, чтобы скинуть ответственность на него. Чтобы не быть виноватой в случае чего.

Я не решался спросить, не стал ли я в этот раз таким козлом. На парковке ма не было. Па разрешил мне сесть вперед на ее место. Он даже ни разу не обернулся, казалось, что он и не заметил, что ее с нами не было. Домой мы поехали вдвоем. Я не имел ни малейшего представления о том, как ма в тот вечер добралась до дома.

В следующие дни я всем в школе давал посмотреть на мое ухо под повязкой. От этого рана снова начала кровить. Повязка стала грязной, а швы воспалились. Больно было, даже когда я жевал.

В конце концов мочка уха у меня распухла так, что стала раза в три больше нормальной. В школе никто не верил, что на меня напал мой брат-динозавр.

Таблетки во всех блистерах еще на месте. Я откручиваю крышки всех баночек, но их еще тоже никто не открывал.

— Вот черт.

Судя по схеме в его папке, Люсьен должен принимать двенадцать таблеток в день. Из пластиковой сумки я вынимаю коробочки и баночки каждого вида. Моя возня заинтересовала Люсьена. Две длинные таблетки, четыре сине-коричневые капсулы, четыре белые овальные таблетки, которые тают в моих потных ладонях и оставляют белые следы, как мел. Все яблочное пюре я ему уже скормил, так что придется попробовать дать ему лекарства как-то иначе.

— Открой рот.

Люсьен отворачивает от меня лицо. Запустив ему пальцы в волосы, я оттягиваю голову назад, надеясь, что так рот откроется сам собой. И точно!

Вот так.

Я быстро скармливаю ему продолговатые таблетки, которые вообще-то надо было размельчить.

— Разжуй, — прошу я. Но он пытается выплюнуть их обратно, выталкивая языком. — Нельзя так делать, жуй.

Но они уже прилипли к его подбородку. Я быстро хватаю другие таблетки, запихиваю в него и закрываю рот ладонью, ощущая, как бьется внутри язык, щекоча мне руку. Он тяжело дышит через нос и давится, но, к счастью, начинает жевать.

— Теперь эти.

Неуклюже я прижимаю баночку с лекарствами к бедру, пытаясь ее открыть. Я не слышал, как в комнату вошла Рита. Когда по полу покатились таблетки, она тут же понеслась вслед за ними. От испуга я выронил

всю баночку. Таблетки, подпрыгивая, разлетелись во все стороны, а за ними, хрюкая и чавкая, погналась Рита.

 $-\Phi y!$ — ору я, пытаясь собрать все обратно, но она быстрее меня.

Люсьен бьет ногами по краю кровати. Не знаю, кого из нас двоих он поддерживает. Рита чихает и трясет головой.

— Вот черт.

Я нашел три таблетки, в баночке оставалось еще две. Тем временем в спальне появляется Рико. Мокрым языком он проходится по тем местам, которые уже облизала Рита.

— Тупая псина!

За ошейник я тащу ее через весь трейлер. Она сопротивляется, выпуская когти и раздирая палас, а у дверей расставляет лапы в стороны. На улице я раздвигаю ей челюсти.

- Ну-ка, выплюнь! командую я. Белые катышки налипли на десны и нёбо. Остальное исчезло в глубинах ее мокрой пасти. Она тяжело дышит.
  - Ты должна все выплюнуть!

 $\mathfrak A$ срываю пучок высокой травы и сую ей под нос. Она принюхивается, но не берет.

— Выплюнь!

Я засовываю траву ей в пасть. Она трясет головой и тихо рычит. В наказание я запираю Риту в клетке. Нарвав побольше травы, я пихаю ее между прутьев. Если не давать ей другой еды, то придется есть это.

Чуть позже кто-то осторожно стучит нам в дверь. На долю секунды мне кажется, что там Селма. Но это Эмиль.

- Привет.
- Здрасьте.

- Я заметил, что ты еще не вывел брата на улицу.
   А так как машины твоего отца нигде не видно, я подумал...
  - Что?
  - Может быть, тебе нужна помощь.

Без приглашения он заходит внутрь.

— Ты как вообще, справляешься?

Он помнит, где моя комната. Папка лежит раскрытая на схеме с лекарствами. Эмиль смотрит на нее.

- Там расписано, какие таблетки я должен давать Люсьену.
  - Лекарства ему даешь ты?
  - Да.
  - Это большая ответственность.
  - А вы в этом что-нибудь понимаете?

Эмиль берет папку в руки.

- Уф... выдает он, внимательно изучая схему. Вот это для желудка, кажется, он тыкает пальцем в третью ячейку. Это, помнится, Луиза принимала.
  - А что у нее с желудком?
  - Понятия не имею.
  - То есть это давать не обязательно?
- Думаю, что все-таки нужно. Лекарства это обычно вредно для желудка. Наверное, ему они нужны из-за побочных действий от одного из этих четырех.
- A эти? я тыкаю в таблетки, которые сожрала Рита.

Эмиль качает головой.

— Эти не знаю. Но я не такой уж эксперт в этом.

Когда он отдает мне папку, наши руки соприкасаются.

- Но, э... Плохо будет, если разок с ними переборщить?
  - А что, ты дал ему слишком много?
  - Да нет.

Эмиль продолжает внимательно на меня смотреть, и я добавляю:

- Да нет, правда. Но что, если па ему с утра уже дал таблетки, тогда Люсьен получит двойную дозу.
- В таком случае я бы дождался твоего отца. А вопрос можешь задать персоналу того заведения, где лежал Люсьен.

Люсьен развернулся в нашу сторону:

- —Нга-нга-нга.
- Он что-то хочет этим сказать?
- Что он пить хочет.
- Могу я его?..

Эмиль уже держит кружку у его рта. Но когда я его пою, мы с Люсьеном становимся ближе друг к другу.

- Нет. Ему сначала еще надо принять таблетки. А то он скоро пить не захочет.
  - Извини.

Но Люсьен уже присосался к кружке.

- Теперь пусть пьет, а то разозлится. Лекарства тогда попозже ему дам.
- Извини, еще раз произносит Эмиль, гладит Люсьена по предплечью и замечает синяки от стяжек у него на запястьях. Прежде чем он успевает спросить об этом, я подсовываю руку Люсьену под колени.
  - Возьмете его там?
  - Конечно.

Все получается легче, чем в прошлый раз. Я заранее убрал с дороги все, за что он мог бы ухватиться.

— Не в кровать, — говорю я, — сначала надо похолить.

Люсьену надо немного привыкнуть к яркому солнцу. Пока я надеваю ему ботинки на липучках, Эмиль вдруг спрашивает:

- Ты позавчера Люсьена надолго одного не оставлял?
- Вы о чем?

— Я слышал, как ты уехал на мопеде. А больше тут никого не было. Поэтому я заходил посмотреть.

Оттого что он смотрит на меня так дружелюбно, я не решаюсь ему соврать.

- Мне надо было уехать.
- А отец твой об этом знает?
- Нет! И не должен!
- Ты к девушке своей, что ли, ездил?
- В смысле?

Эмиль засмеялся.

Тебя глаза выдают.

Я отвел взгляд, боясь, что по мне еще что-нибудь может быть заметно.

— У вас все серьезно?

Я пожал плечами и ответил:

- Мы целовались с языком.
- Ну, звучит серьезно.

Знает ли он, что нужно делать после того, как уже целовались с языком?

- А сколько ей лет?
- Девятнадцать.
- Ух ты, говорит он, девятнадцать. У вас... эм... большая разница в возрасте.

Он оглядывается вокруг, подыскивая другую тему для разговора.

- И когда вы снова увидитесь?
- Скоро, наверное.
- Когда поедешь, скажи мне, пожалуйста. Чтобы кто-то все-таки присмотрел за твоим братом. Это, конечно, останется между нами.
  - А что, если вам вдруг надо будет уехать?
  - Я тебе скажу.
  - Вы по магазинам никогда не ходите?
- C тех пор как я сюда переехал, я ем консервы, которые привез с собой.

Он потер лоб и провел рукой по волосам.

- Знаю, звучит смешно... Он бросает на меня косой взгляд. Но мне страшно уходить с территории.
  - Страшно?
  - Ну да.
- Вам же всего-то и надо, что завести машину. Вот тут прямо, потом направо до заправки и потом по знакам до Синт-Арнака.
  - Если бы все было так просто.

Рита лежит на своем месте в клетке и зевает. К траве она не прикоснулась, но я особо не переживаю.

30

Под сдутой шиной тачки шелестит гравий. Вокруг нас зигзагами летают осы. Я посадил Люсьена в тачку, потому что он останавливался через каждые пару шагов и начинал тянуть меня в другом направлении. Чем дальше я толкаю его вверх по дороге, усыпанной песчаной крошкой, тем он кажется мне тяжелее. К счастью, мы уже почти на месте, наверху нам надо будет перейти дорогу и потом пройти еще чуть-чуть, но уже вниз. Оттуда уже слышно журчание ручья. Вдруг Люсьен начинает нервничать.

- Феффе! кричит он.
- Мы уже почти дошли до верха, говорю я, не вылезай.

Но он дергается, и мне едва удается удержать тачку.

— Тебя что, оса укусила?

Я ставлю тачку на подставку, но Люсьен раскачивается так сильно, что опрокидывает ее. Дребезжит

металлический кузов, и мой брат уже лежит ничком, уперевшись лицом в землю, без движения. Будто пытается услышать, чем там под землей кроты занимаются.

— Эй, ты как?

Я опускаюсь на колени с ним рядом, пытаясь заглянуть ему в глаза. На мгновение я пугаюсь, что он мог себе что-нибудь сломать, а может, и умереть. Я смахиваю камушки у него со щеки. В ответ Люсьен воодушевленно кричит:

— Феффе!

Я поднимаю его под руки.

- Феффе!
- В тачке надо сидеть смирно. А иначе вот что случается.
  - Феффе! Феффе! Феффе!

К счастью, он не поранился. Может, мне надо приделать к тачке что-то типа ремней безопасности или эластичной резинки.

Люсьен раскачивается вперед и назад, сидя на земле, подгузник под ним, как подушечка.

— Феффе! Феффе!

Он хочет, чтобы я прокатил его дальше, до бака со стеклом.

— Ну давай.

Я пытаюсь поднять его на ноги. Другой рукой я поднимаю тележку. Люсьен шаркает куда-то прочь от меня.

— Туда нельзя, — говорю я. — Садись сюда. Вот так... Я пинаю ногой кузов тележки, чтобы он услышал, куда я его зову.

— Я покажу тебе ручей.

Люсьен продолжает шагать, и, чтобы он не упал, мне приходится пойти с ним по колючей траве.

— Нельзя, она грязная!

Люсьен наклоняется к пустой бутылке, но я отдергиваю его руку. В ответ он, в свою очередь, дергает меня так сильно, что я лечу вниз вперед носом.

— Мать твою.

Теперь мы лежим рядом друг с другом. Одной рукой Люсьен приминает вокруг себя траву, а другой крепко прижимает к себе бутылку.

— Пойдем, — зову я его. — Уложу тебя обратно в кровать.

Зубами он уже впился в голубую крышечку.

 $-\Phi$ у, ну не суй это в рот!

Я пытаюсь отнять у него бутылку. Он сопротивляется и строго смотрит на меня своими темными глазами.

— Ну ладно, ладно, — успокаиваю я его, — можешь подержать.

Я подкатываю тележку. Тем временем Люсьен отполз уже шага на два и схватился за обляпанное отверстие мусорного бака для стекла. Изнутри вылетает встревоженная оса.

— Осторожнее!

Но Люсьен не желает отпускать край бака, пытаясь заглянуть через отверстие внутрь. Оттуда разит кислыми испарениями так, что они обжигают горло.

- Феффе! кричит он внутрь мусорки. В ответ раздается легкий звон стеклянной тары. Он берет бутылку за горлышко и начинает колотить ею о край бака. Я стараюсь направить его руку:
  - Вот так, молодец, засунь ее внутрь.

Он изо всех сил швыряет бутылку в отверстие. Сначала на его лице на несколько секунд отражается ужас, но затем он складывается пополам в приступе хохота, стуча себе по затылку ладошкой и топча траву.

Мне тоже становится смешно. Чуть поодаль в траве я вижу сумку с бутылками из-под вина и с баночками из-под каких-то соусов.

— Хочешь еще одну бросить?

Я беру одну из банок и поднимаю ее повыше.

— Феффе? — спрашиваю я на его языке.

Его рот тут же искривляется от чрезмерной концентрации: теперь он не видит ничего, кроме этой баночки. Там, на влажном донышке, уже пошла плесень. Я помогаю ему взять банку, его пальцы крепко сжимаются вокруг крышки. Я направляю его движение к резиновым шторкам, закрывающим отверстие. Дзынь! Опять испуг. А затем снова смех, пока он не заходится кашлем.

— Вот смотри-ка.

Я держу бутылку из-под кетчупа. Изнутри о стекло бьется оса, пытаясь высвободиться. Я хочу поменять бутылку, но Люсьен ее теперь уже не отпускает.

— Аккуратно.

Смотрит в сторону, часто моргая.

Бросок.

Тишина.

Заливается смехом, пока не начинает кашлять.

С нашей территории к нам приближается Эмиль. Я даю Люсьену новую бутылку и слышу, как за нашими спинами глохнет мотор и щелкает ручной тормоз.

- Спасибо! кричит Эмиль с таким воодушевлением, которого я от него не ожидаю.
  - За что?
- Поеду в тот супермаркет! Когда ты мне объяснил дорогу, я забыл, почему боялся ехать.

Мне вообще до сих пор непонятно, чего там было бояться. А может, он так пошутил, а я не понял?

- А вы чем тут занимаетесь?
- Бутылки бросаем.
- A...
- Смотрите!

Люсьен уже моргает и в следующую секунду разбивает бутылку вдребезги.

— У твоего брата отлично получается.

Эмиль высовывает в открытое окно машины локоть и пару раз хлопает по внешней стороне двери.

- А ты случайно не в курсе, там в магазине денег на телефон бросить можно? У меня просто минуты почти закончились.
  - Это из-за меня?
- В смысле, когда ты звонил? Да нет, это же всего на пару минут было.
- Может, у кассы карточки продаются. А если нет, то на заправке посмотрите. Или в табачной лавке напротив церкви.

Мне приходит в голову мысль, что я мог бы купить два телефона и отдать один из них Селме. И тогда мы могли бы втихаря созваниваться.

— A сколько стоит такой телефон?

Поднимая невообразимый шум, по дорожке наверх начинает взбираться пикап.

- Уезжайте! кричу я тогда.
- Что?

Эмиль собирается выйти из машины.

— Нет! Нет, уезжайте сейчас же!

Тогда Эмиль поворачивает ключ зажигания, машина чуть откатывается назад, когда он отпускает ручник. Мучительно медленно к нему подбирается па. Наконец машина заводится, Эмиль пару раз резко жмет на газ, чтобы преодолеть подъем, шины не сразу находят сцепление с дорогой.

Па, наверное, даже и не замечает нас с Люсьеном, стоящих у мусорного бака, потому что все его внимание направлено на взбирающуюся наверх машину Эмиля. Следя за ней взглядом, он сам съезжает с дорожки.

- Пошли, - говорю я Люсьену. - Надо возвращаться.

Я не застаю па у трейлера. Люсьен без проблем позволяет пересадить себя из тачки в инвалидное кресло. Я застегиваю защелку у него на груди. Он легко сгибает колени, и я мягко ставлю его ступни на подножки.

- Чего он от тебя хотел? спрашивает па, выходя из-за трейлера.
  - Кто?
  - Съемщик тебя спрашивал о чем-то?
  - Хотел знать, дома ли ты.
  - И что?
  - Я ничего не сказал.

Па выковыривает что-то из зубов.

— Только что тебя нет дома.

Врать у меня получается лучше, если я параллельно занят каким-нибудь делом, так что я отправляюсь за кроликом для Риты. Она все еще лежит на том же самом месте в своей клетке. Па идет за мной до морозилки.

- A от меня ему чего было нужно?
- Откуда мне знать.

Из морозилки поднимается холодный пар.

— Говорю же, я с ним не разговаривал.

Я беру кролика и опускаю крышку.

- Сделал, как ты сказал.
- Ох, Брай, ты все сделал правильно. Но...
- Что но?
- Это ведь не специально?
- В смысле?
- Ну, что со мной он никогда не разговаривает.
- А я что могу с этим поделать?

Па идет вместе со мной к клетке. Я просовываю кролика между прутьев, Рико хватает замороженные уши, намереваясь втащить холодную тушку внутрь. Рита даже не поднимает голову. Я цокаю языком, пытаясь привлечь ее внимание.

— И часто он так захаживает?

Когда я не сразу нахожусь, что ответить, он заставляет меня посмотреть на него.

- Нет! выкрикиваю я. Он с тобой хотел пообщаться, я же говорю!
  - Да-да, протянул па.
  - Ну что?
- Раз ему так нужно со мной пообщаться, что ж он рвет когти, как только я подъезжаю?
  - Я-то откуда знаю.
  - А я вот знаю.
  - И в чем же дело?

Он качает головой.

- Отповский инстинкт.
- Рита? пытаюсь я еще раз. Наконец она поднимает голову.

31

К концу дня вода в миске Риты затягивается какой-то пленкой, там же плавает дохлая муха. Она не пила. Я дергаю за дверь клетки, поднимая шум. По движению обвисшей кожи у нее на животе, там, где соски, видно, как она дышит. Мух, жужжащих у нее над ухом, она не прогоняет.

- Па?
- Чего?
- Кажется, с Ритой что-то не то, говорю я как можно более буднично. Она лежит там весь день.
  - Это все из-за жары.

Он ударяет по клетке стальным носком ботинка. Потом громко свистит сквозь пальцы, но реагирует только Рико

— Эй ты, псинка!

Я открываю скрипучую дверку, и па забирается внутрь. Он садится на колени рядом с Ритой.

- Мать твою! Брай, быстро неси воды.
- Вот.

Я хватаю кружку Люсьена и откручиваю крышку. Рита лакает воду, но довольно быстро начинает захлебываться.

Отойди.

Па вытаскивает ее обмякшее, ватное тело наружу. Он быстро огибает кровать и бросается наискосок в открытую дверь. Внутри он укладывает ее на кресло перед телевизором.

- Мокрые полотенца, командует он. Она слишком долго лежала на солнце.
- A может, она какую-то таблетку Люсьена проглотила?
  - Не время шутки шутить, Брай.
  - Одна закатилась под кровать.
  - И что, она их съела?
  - Штуки три.
- Да нет, это все жара, Брай. Надо было обратить внимание. А таблетки это пустяки, ничего от них не будет.

Мы кладем мокрые полотенца ей на живот, па пытается залить ей в пасть еще немного воды, но все проливается мимо.

- Принести вентилятор?
- И ведро воды.

Мы снова намочили полотенца, смачиваем ей шею, живот.

— Обойдется, обойдется, — все повторяет па и трогает ей ухо. — Температура уже спадает.

По лапам проходит судорога. Затем она вздыхает, еще глубже, чем до этого. Я обращаю на это внимание,

потому что после этого она дышать перестает. Голова падает в сторону, а из пасти вываливается перекрученный язык.

- Что это с ней?
- Ох нет, ты мой песик, причитает па, хороший песик.

Он все так и сидит там на коленях перед креслом.

- Покойся с миром, друг.
- Она умирает! Сделай что-нибудь! Я толкаю его в плечо.
  - Покойся с миром, покойся...
- Ты же не дашь ей вот так умереть? кричу я в панике. Под задними лапами Риты растекается темная лужа.
  - Сделай что-то! Ты должен что-нибудь сделать!

Па гладит ее по животу. Жесткие волосы растут там реже, чем на спине. Он утыкается носом ей в шею, обнимает ее одной рукой, а другой притягивает меня к себе.

— Ох, дружище...

Лужа по капле стекает со стула на пол. Запах такой горько-сладкий, что у меня щиплет в носу.

— Она что, умерла?

Я не знал, что мой папа умел плакать. Он проводит пальцем по завитку шерсти у нее на лапе. Кажется, что мне к горлу приставили булавку.

- Ты дал ей умереть.
- Лучше, чем у нас, ей бы нигде не жилось.
- Это все из-за таблеток.

Кажется, он меня не слышит, заботливо вытаскивая семечко у нее из шерсти.

- Па?
- Животные рано или поздно умирают, Брай. И ты должен дать им уйти. А таблетки эти вообще безвредные.

— Горе нужно хоронить, не затягивая.

Скорее врубаясь в землю, чем копая, па роет своей складной лопатой ямку. Он все время натыкается на камни, которые ему приходится вытаскивать руками. Рубашка у него вся грязная и от пота потемнела.

Теперь, когда Рита умерла, она, кажется, стала тяжелее. Она лежит рядом с ямой, чтобы па мог ориентироваться, насколько большую могилу надо вырыть. Над ухом у нее кружит муха, но я ее отгоняю. Она вдруг стала такой красивой, когда умерла. В глазах больше нет глубины.

Рико обнюхивает Риту. Пару раз толкается носом ей в морду, лает и пугается сам себя. А затем он забирается под кровать к Люсьену.

— Mv-ва-ва!

Но даже когда Люсьен высовывает через решетку руку по самую подмышку, Рико не приходит, чтобы ее облизать.

- Я не виноват, говорю я па.
- Я знаю, Брай.

В моей голове кружатся одни и те же фразы. *Больше тут сделать нечего*. Рита пришла неожиданно. Я попытался накормить ее травой. И я рассказал па, что она наелась таблеток. *Больше тут сделать нечего*...

Когда могила наконец достаточна глубока, па пытается отдышаться, опершись на ее край, перед тем как потянуть Риту на себя и уложить на дно ямы.

Первый ком земли пачкает ей шерсть.

— Подожди.

Я снимаю футболку и укрываю ей голову.

— Отлично, Брай.

Он меня хвалит, а кажется, что обвиняет.

Ногами мы сбрасываем землю обратно в яму, пока не заполняем ее полностью. Я оттаскиваю булыжники к кустам. Среди вытоптанной травы теперь возвышается треугольник земли. И я уже не могу себе вообразить, что она лежит там, под этой землей.

— Морис!

В дверном проеме возникает Генри.

- Твоего па опять нет дома?
- Рита умерла, говорю я, но Генри меня не слышит.
- Морис! орет он снова и пару раз ударяет кулаком по косяку. Тебя там кто-то к телефону!
- Kто? кричит в ответ па, но из комнаты не выходит.
- A мне почем знать? Уже который раз тебя спрашивают.
  - Так что надо?
- Мне по боку. Спрашивают господина Шевалье.
   Ты дал мой номер телефона.
  - Господина Шевалье? Лотерейщики, наверное.

Па сует ноги в шлепки и просачивается мимо Генри на улицу.

- Какой-то Сантос или вроде того.
- Сантос?
- Я последний раз работаю у тебя телефонисткой, Морис. Следующему, кто позвонит, я скажу, что ты копыта откинул, тогда телефон наконец заткнется.
  - А он часто звонит?
  - Ты меня слышал, сам разбирайся.
- У меня сейчас других дел по горло, Генри. Я собаку только что похоронил.
  - Что?

Генри тут же стал дружелюбнее:

- Которую?
- Сучку.
- Слохла?

Па только торжественно кивает в ответ.

Чуть позже он возвращается, чуть не лопаясь от злости.

- Представляешь, кто позвонил этому Сантосу? выплевывает слово за словом па. Твоя ма!
  - Да ну.
  - Хотела спросить, как дела у Люсьена.
- Ма просто ведьма! выкрикиваю я, чтобы он почувствовал, что я за него. Что я на его стороне. Что бы он по этому поводу ни думал. И что она там опять наплела?
- Мы не дадим водить себя за нос, Брай. Я разберусь с этим.

Он прижимает меня к груди.

- Так что она сказала?
- Что я ненадежный. Что мой дом это не место для Люсьена. Что... что... Да всякое там. Видимо, совсем озверела. А теперь этот Сантос хочет, чтобы я пришел к нему для разговора. А то зашлет к нам кого-нибудь, чтобы проверил, что да как тут у нас. Я не дам им еще раз забрать у меня сына!
- A ма уже вернулась из своего свадебного путешествия?
- Нет, пытается вертеть мной с какого-то круизного лайнера. Не выйдет.
  - И что теперь?
  - Ничего.
  - Поелем к Селме?
  - К кому?
- К Сантосу, быстро исправляюсь я. Но, к счастью, когда па злится, он слышит только половину того, что я говорю. Он же хочет пообщаться?
- A ты что, думаешь, что мной можно командовать? Думаешь, я это потерплю?
  - Нет.
  - Ну вот и все.

Остаток дня па ковыряется в машине. А я рад, что теперь он зол на ма и уже не так расстраивается из-за Риты.

- Иди-ка разбуди брата! кричит мне па, приготовив поесть. Снова спагетти с кетчупом и фаршем. После нашего метания бутылок Люсьен беспробудно проспал несколько часов кряду. Теперь он идет за мной в комнату с креслом, держась за мое плечо.
- Смотри, а вот и мы, говорю я, пытаясь немного развеселить па. Но он, кажется, не замечает, что я сам поднял Люсьена с кровати. Учимся ходить.
  - Молодцы, только и говорит он.
- Мы только что на улице дошли до самой калитки и обратно.

Из окна мне виден холмик земли.

- Может, нам новую собаку купить?
- Еда стынет.
- Включить телевизор?
- Не получится.
- Почему?
- Эти придурки отрубили электричество. Сердца у них нет.

Рико, отвернувшись, лежит под окном и метет хвостом по полу. Он просто не может им не вилять и делает это совсем не потому, что рад чему-то. Я беру со стола тарелку со спагетти, чтобы накормить Люсьена.

— Посмотри-ка, все верно?

Па протягивает мне конверт, на оборотной стороне которого он нацарапал какие-то цифры.

- Что это?
- Посчитай.

Я мешкаю и тут же получаю толчок в плечо.

 Давай же, па тебя просит. Вот это верхнее число полели на семь.

Двести двадцать восемь делить на семь будет что-то чуть больше тридцати.

— Наверно, правильно.

Но он сует конверт мне в руку и настаивает:

— Нет, ты точно мне скажи.

Я считаю.

- Тридцать два и шесть десятых.
- Ты посмотри, почти на три евро больше, чем я думал. Па шелкает костяшками пальцев.
- Значит, сумма умножается на количество дней, которые он здесь провел.
  - Это деньги для Люсьена?
- Через два дня мы пойдем в банк, заберем бабло и заплатим этим придуркам.

Люсьен все это время сидит, широко разинув рот, и ждет, будто боится, что иначе мне будет непонятно, куда ему надо закладывать еду.

- Раз у нас нет электричества, то кролики, наверное, будут вонять, морозилка-то разморозится.
- Ты просто крышку не открывай, тогда они какое-то время еще не растают. А то запихну какую-нибудь гнилую тушку в трейлер Жану. Чтобы он больше и не подумал так с нами обращаться.

33

Я вскочил посреди ночи весь в поту. Даже голова вспотела и начала чесаться. Вокруг тишина.

— Люсьен?

На моем будильнике с радио теперь не горят красные цифры, и от этого кажется, что вокруг еще темнее, чем обычно. Я щелкаю выключателем прикроватной лампочки, но она, конечно, тоже не работает. Руками я начинаю шарить по матрасу, на котором лежит Люсьен, нащупываю его руку, шею.

— Ты живой?

Только когда я наклоняюсь над ним, мне удается уловить звук его поверхностного дыхания.

— Люсьен? — трясу я его на всякий случай.

Никакой реакции. Я продолжаю трясти, пока он не издает какой-то невнятный звук.

— Прости, — шепчу я. — Спи дальше.

У себя под простыней я нащупываю что-то круглое: это таблетка, которую Рита пропустила. У меня перед глазами сразу встает ее испачканная землей шерсть, когла мы ее засыпали.

После того как па утром ушел, моя лампочка снова загорелась, а под окном снова зажужжал морозильник. На будильнике мигают цифры 0:0:0.

Я обнаружил, что, если Люсьену в каждую руку дать по игрушечной машинке, он не так сильно сопротивляется, когда я беру его за запястья и поднимаю. Люсьен стоит рядом с кроватью, тяжело дыша и уперевшись лбом мне в голову. Через радужку его глаз я заглядываю в бесконечность вселенной. Ма всегда так говорила. Может, Люсьен не все может делать сам, но зато у него в глазах вся вселенная.

[—] Доброе утро, — Эмиль произносит это неуверенно, словно не знает, есть ли кто-то дома.

[—] Сейчас, мы уже выходим.

- А брата ты уже поднял с кровати, получается?
- Да, больше не нужно мне помогать, я сам справляюсь.

Когда мы дошли до его кровати на улице, я подталкиваю Люсьена вперед на матрас. В падении он пытается ухватиться за воздух. Затем я подтягиваю его ноги, сдвигаю его к середине кровати и поднимаю поручни. Примерно через полчаса солнце поднимется выше, так что Люсьен окажется в тени.

Во взгляде Эмиля есть что-то, что я никак не могу определить.

- Что вы так смотрите?
- Луиза позвонила.
- Правда?
- Да, мы поговорили, но очень коротко.
- Она хочет, чтобы вы вернулись?

И пока я задаю этот вопрос, я очень надеюсь, что ответ будет отрицательным.

- Ну, вообще-то она позвонила, только чтобы сказать, что больше не желает со мной разговаривать.
  - То есть вы остаетесь?

Он коротко кивнул.

- Почему она так сильно злится?
- Это взрослая история, вздыхает он, думаю, ты не поймешь.
  - Пока не расскажете, не узнаете, пойму или нет.

 ${\it Я}$ приготовился разгадать все тайны, которые он мне сейчас расскажет.

- Ты ребенок, тебе не нужно во всем этом...
- Вы разводитесь?

Эмиль потер подбородок.

- Вы ей изменили?
- Я причинил Луизе очень много боли.
- Вы ее избили?
- Нет, я говорю о боли другого рода. Она больна.

— Больна?

Эмиль снова только кивнул.

— Не из-за вас же она заболела?

Жестом Эмиль дает понять, чтобы вопросов я больше не задавал.

- Принести водички?
- Не надо, спасибо.

Мне невыносимо смотреть на его расстроенное лицо. Люсьен приподнимается на локтях. А я, чтобы ненадолго уйти отсюда, иду на кухню взять хлеб для него и налить стакан колы себе. В кухонное окошечко я могу спокойно рассмотреть Эмиля. Он трет глаза, облокотившись на поручни кровати. Может, я мог бы выкупить его телефон для Селмы, ему же самому он больше не нужен.

Как только я выхожу, он снова натягивает свою улыбочку.

— Очень мило с твоей стороны, — говорит он и берет у меня стакан с колой, который я вообще-то налил для себя.

Его взгляд скользит по холмику из земли.

- Одна из ваших собак умерла?
- Да, Рита.
- Кажется, я вчера видел, как вы ее хоронили. Давно она у вас жила?
- Пару лет. Мы взяли ее из приюта. У нас тогда уже был Рико. Раньше, до того, как встретиться с моей мамой, па немного занимался разведением собак. Но маме это совсем не нравилось.

Эмиль отпивает мою колу. Затем постукивает пальцем по губе и снова улыбается, заметив, что я за ним наблюдаю.

— A ты никогда не хотел жить с мамой?

Это прозвучало так неожиданно, что я даже не знаю, что ответить.

— Не получится, — выдавливаю я из себя. Затем я трясу головой, поясняя: — Нет больше ма.

Вдруг мне приходит в голову, что она в этот самый момент тоже на что-то смотрит. Бодрствует. Дышит. Ее сердце бьется. И когда я нахожусь где-то в какой-то момент времени, то она тоже где-то в этот момент есть.

— А если бы это было возможно, ты бы хотел?

Я снова трясу головой:

- Она на меня сердится.
- -A?
- Потому что я не хотел ездить к Люсьену.
- Только поэтому?
- Это ее надо спросить. Один раз мы должны были ехать к Люсьену, но ма осталась дома под одеялом, потому что она не могла вынести, что ему давали эти новые лекарства. А я просился остаться с ней.

Люсьен выворачивает голову до предела, чтобы взглянуть на ласточкино гнездо, из которого раздается громкий писк.

— Но это не удивительно, ты же был маленьким. Ты, в общем-то, и сейчас еще ребенок.

Я одергиваю футболку Люсьена, подношу ему кружку с водой, оставшейся еще со вчера.

- Но мы с па все равно поехали. А в машине я продолжал ныть, что не хочу.
  - И что тогда?
  - Ничего.
- И поэтому твоя мама больше не хочет с тобой общаться?

Я пожал плечами.

- Родители иногда делают необъяснимые вещи. Он провел рукой по моим плечам, задержав ее на одном ненадолго. Тут уж ничего не поделаешь.
- А вам откуда знать? У вас же даже детей нет, выдав это, я и сам испугался. Но его мои слова не задели.
- Детей нет, но я знаю, каково это иметь родителей.

Когда мы в то воскресенье вернулись от Люсьена, я подарил ма рисунок. Это был сиреневый динозавр на обороте бумажной подставки под тарелку. Вокруг динозавра все было зачиркано, потому что почти все фломастеры высохли.

— Ты это вместе с Люсьеном нарисовал? — Она гладила мои каракули. — Это мне?

Она спросила, как все прошло. Папа рассказал, что Люсьен сказал «мама». *Мама*. Мама. Ее лицо исказилось, будто она пыталась удержать внутри что-то очень грустное.

— Правда? — она прижалась к папе. — Он правда это сказал? — спросила она уже меня.

Еще па сказал, что мы посидели с Люсьеном в рекреационном зале, там же мы и сделали этот рисунок, а Люсьен сказал «мама». Так что я подтвердил:

— Да, он правда так сказал.

Она притянула меня в их объятия и чмокнула в лоб. Я стер ладошкой след от поцелуя, потому что я его не заслужил. Мне было стыдно, и я боялся, что ма заметит, что динозавр нарисован на подставке из ресторана «Ше Пьер».

— На следующей неделе мама поедет с вами, обещаю. Мама снова будет сильной.

В субботний вечер она нервничала, собирала какие-то ненужные вещи для Люсьена, долго принимала душ, будто не могла помыться на следующее утро, и курила, пока не начинал тлеть фильтр.

В воскресенье к середине дня ма еще не встала с кровати. Она позвала меня. Сонным голосом она спросила:

— Можешь, пожалуйста, съездить к брату? Вместе с папой? Сделаешь это для мамы?

В этот раз мы сидели за другим столиком. Все, кто входил туда, здоровались с нами или поднимали руку в знак приветствия. Какие-то новые люди спрашивали: «Это твой сын, Морис?» Я не знал, что с па знакомо так много людей. По телевизору под потолком крутили заляпанную грязью велогонку.

Па отправил меня разменять пять евро. Потом он переместился на барный стул перед «одноруким Джеком», взяв пиво с собой. Меня он усадил на колени. Я откинулся на него, и это было похоже на то, как если бы он меня обнимал. Его ядрено-желтая куртка хрустела и пахла как новая. Он тогда работал регулировщиком, потому что все перекрестки переделали в круговые. Ему было положено иметь и форменные брюки, но в выходные он носил только эту флуоресцентную куртку. Я им гордился, ведь он был почти что полицейским.

— Тебе тут нравится? — спросил он.

Я кивнул и добавил:

- Но Люсьен сейчас там совсем один.
- Думаешь, он заметит, если мы пропустим неделькудругую?
  - Не знаю.
- Поверь мне, он сегодня будет много спать. А тогда какой смысл весь день сидеть у его постели, так?
  - А если он проснется?
- Вот, держи, он дал мне монетку, чтобы я бросил ее в щель игрового автомата. Все лампочки тут же замигали.
- Хочешь кнопку понажимать? спросил он и взял мою руку в свою. Вместе мы вдавили кнопку. И ничего не выиграли. Он спустил меня обратно на пол. Я надеялся, что Люсьена вывезли в рекреационный зал и припарковали у какого-нибудь стола, где сидели чьи-нибудь гости. А еще что он не заметит, что это были не мы.
- А как это по отношению к ма? Мы же ей обещали.

— Ну так она сама-то тоже не поехала.

Я сходил за еще одним пивом и принес бумажную подставку и набор фломастеров для себя.

— Нарисуй-ка маме что-нибудь хорошее.

Дома мы рассказали, что Люсьен снова сказал «мама». А я добавил, что он заливался смехом, когда я его щекотал. Па мне подмигнул. Ма назвала нас «солнышки» и обещала на следующей неделе правда с нами съездить. Я не знал, как я должен был на это реагировать, и просто смотрел на нее. Она стояла у окна. Было похоже, что я смотрел на нее через перевернутый бинокль, и чем больше я старался ее разглядеть, тем меньше она становилась.

Пару недель спустя я вышел из школьного автобуса в конце улицы, дошел до дома и позвонил в домофон к нам в квартиру, но ма там наверху не взяла трубку. Я позвонил еще раз. К счастью, меня впустил кто-то из соседей, у кого был ключ. Я пошел по лестнице, потому что не хотел ждать лифт, пробежал по коридору. Веревочка, которая обычно свисала у нас из почтового ящика, исчезла. Я сердито постучал в дверь и крикнул, что пойду на улицу играть в футбол. Сквозь щелку для писем мне удалось разглядеть разные вещи, которые лежали в прихожей. Некоторые из них были сломаны. Когда я, встав на цыпочки, заглянул в кухонное окошко, выходящее на лестничную клетку, то увидел, что все шкафчики были открыты. На каждой полке осталось свободное пространство.

Только потом мы узнали, что позвонила мама Лиззи, озабоченная тем, все ли у нас в порядке. Ведь Люсьена уже очень давно никто не навещал.

Отвернув душ к стене и открыв воду на полную, я жду, пока она нагреется. Па все еще не вернулся, но все время, пока его нет, работает электричество и бойлер. Одной рукой я поддерживаю Люсьена, сидящего в душевой кабинке на белом садовом стуле. Сам я стою в одних трусах.

— Не бойся, — предупреждаю я и быстро окатываю ему водой голову. Люсьен хватает ртом воздух и, пытаясь увернуться от струи, дует во все стороны. Я чешу ему голову, ощущая под ногтями песок и пытаясь не задеть ранки. Выдавливаю на волосы немного шампуня, но тут же его смываю.

Люсьен пытается протереть руками глаза. Вода струится по его спине. Он откидывает голову назад и немного успокаивается.

— Нравится?

Затем я направляю лейку душа ему на ноги, но он не дает мне отмыть черные от грязи ступни. И ногти на ногах не дает почистить, так что под ними остаются черные полоски.

Сзади он весь вымазался в какашках, они отрываются хлопьями и направляются вместе с водой к сливному отверстию.

Люсьен слизывает воду с подбородка. Я наклоняю его вперед и вижу, что кожа под подгузником вся покраснела.

Потом надо помыть спереди.

В паху у него кожа белая и тонкая, напоминает чешуйки, которые можно срезать ногтем большого пальца. Волосы там похожи на гнездо из жестких завитков, из-под которых высовывается его член. Как перископ полводной лодки.

— Надо так надо, — говорю я сам себе и направляю туда струю воды. Люсьену, кажется, все равно. Он сидит как сидел и только все слизывает воду с подбородка.

Чуть позже Люсьен лежит голый, но уже сухой на животе на кровати. Он чуть выпячивает зад. Одной рукой он дергает под животом и приподнимается еще повыше.

— Ты что там, дрочишь?

Он издает странные звуки, кажется, что он как бы ругается, не выговаривая слов. Вдруг он всем телом вздрагивает. Даже мой ночник подпрыгнул и закачался. Я касаюсь его сведенного судорогой локтя.

- Хватит, говорю я. Но он не останавливается. Дышит тяжело. Может, думает о Селме?
- Ну, давай тогда не слишком долго, говорю я, сдавшись, я на улице пока подожду.

Я сел на алюминиевую подножку, опустив ноги в искусственную траву. Кажется, что ветра нет, но все равно слышится шелест тополя, растущего за трейлером. А за спиной у себя я слышу Люсьена. Может, в качестве подарка на день рождения мне прокатить Селму на заднем сиденье моего мопеда? Проехались бы вместе с ветерком.

Он смирно лежит на кровати с полузакрытыми глазами.

— Закончил?

Я аккуратно переворачиваю его на спину.

Член у него опал. Капля белой слизи застряла в волосах, а на простыне осталось пятно. Запах чем-то напоминает запах бассейна, прямо как у меня.

Я сминаю свою наволочку в бесформенный комок, вытираю ему низ живота и снова волоку его в душ. Одной

рукой я чуть приподнимаю его ногу и просовываю под нее чистый подгузник.

— Где же братики-солдатики? — кричит па. Я не услышал, как он вернулся. Как можно быстрее я застегиваю подгузник на липучки. — Какой запах свежий, шампунем пахнет!

Па наклоняется над Люсьеном и тыкает его пару раз пальнем в бок.

- Ему так не нравится.
- Нганг-нганг-нганг!
- Нет, посмотри, ему же нравится играть. Все в порядке тут у вас? спрашивает па.

Я пожимаю плечами.

— Все как всегда.

Будильник у меня снова не работает. Я пробую включить свет, но это тоже бесполезно.

— Может, поедем прокатимся втроем? За едой съездим? Можем в банк заехать, мороженое по дороге купим.

36

В супермаркете, пока па загружал тележку продуктами, я толкал перед собой по проходам кресло Люсьена. У полки с напитками я и заметить не успел, что Люсьен выставил в сторону руку, как семь бутылок сиропа уже вдребезги разлетелись по кафельной плитке.

Сначала они пытались заставить па заплатить, но, когда хозяин магазина увидел Люсьена в инвалидной коляске, он только промямлил «Прошу прощения» и пропустил нас дальше. А потом мы поехали в банк

Наша машина отражается в больших, бронзово-коричневых окнах банка. В отражении я вижу нас с Люсьеном на переднем сиденье. Сначала па попытался снять деньги с карты в банкомате на улице. Но ничего не выходит, и ему приходится зайти внутрь.

Люсьен барабанит по бардачку коленками. От каждого движения дождевик, который на него надел па, издает скрипучий пластиковый звук.

К нам медленно подходит какой-то мужчина в домашних тапочках, слишком широкой рубашке и штанах на подтяжках. На одной руке у него висит пакет с булочками, а другой он тащит за собой маленького белого терьера. Как только он видит Люсьена, то останавливается, но вздрагивает, оттого, что замечает рядом с ним меня.

— Ближе не подходите, а то он вас до смерти загрызет.

Он нервно дергает за поводок, будто это его собака виновата в том, что он на нас глазел.

Я сижу посередине на переднем сиденье, чтобы Люсьен во время езды не смог дотянуться до рычага коробки передач. И чтобы руль не толкал и мы бы не влетели в барьерное ограждение.

Наконец снова распахивается дверь банка.

— По нулям.

Па злится и залезает в машину.

- Как это?
- Та баба говорит, что денег не поступало. А их сегодня уже должны были зачислить.

Как только заводится мотор, Люсьен снова начинает беспокойно барабанить коленками по бардачку.

- Брай?
- Что?
- Вот только этого мне сейчас не хватает.
- А я-то что могу сделать?
- Мне почем знать, это же твой брат.

Я пытаюсь удержать его коленки руками, но кажется, что он от этого только больше распаляется.

— Смотри-ка, что у меня тут есть.

Я достаю из кармана машинку. Сработало. Особенно когда я проезжаю игрушкой по его плечу и сворачиваю за ухо.

- У нас же есть еще деньги?
- Мы только что все потратили на еду.
- Но ты же работаешь?

Когда от молчания начинает искрить в воздухе, я вдруг быстро говорю:

- Я могу тебе деньги за энергетик вернуть.
- Ага, это нас, конечно, спасет.
- И что нам теперь делать?
- Подождем до понедельника, вздыхает па. Протянем.

Он заводит машину и смотрит сквозь руль на индикатор уровня бензина.

— Хорошо, что в понедельник работает Бенуа.

37

- Ну скажи, что такое?
- Ничего, ухмыляется па. Я что, сыну не могу улыбнуться?

Я чувствую, как он старается завладеть моим вниманием, но, как только я на него смотрю, он быстро отворачивается к телевизору. А тот ведь даже не работает. Люсьен сидит на своей уличной кровати в желтом дождевике и жует кончик веревочки от капюшона.

— Ну-ну, — роняет па.

- Что?
- Что же случилось?
- Понятия не имею!
- Я тоже.

Но, к счастью, в его глазах снова появился этот огонек, значит, он чем-то доволен. Такой же блеск я заметил в его глазах на парковке супермаркета, когда мы ехали в банк.

Я иду на улицу, чтобы отдать Люсьену кружку.

— Вот черт!

В руках у него ручка, при помощи которой опускается окно в машине.

- Ты как это достал?
- Пощупай, что там у него в карманах дождевика! кричит мне па.
  - Зачем?
  - Давай же!

Па настоял, чтобы мы натянули на Люсьена этот балахон прежде, чем зайдем в магазин. А то вдруг он простудится под кондиционерами и рядом с холодильниками.

- Ну что? снова кричит па.
- Он весь взмок, отвечаю я и прячу ручку под простыню. Я тяну брата за плечо, чуть наклоняя вперед, хватаюсь за рукав.
  - Давай-ка, попей водички.

Если я поддерживаю его руку, ему удается держать кружку самостоятельно.

- Ну что там? нетерпеливо переспрашивает па через кухонное окошко.
  - А что? Ты что-то потерял?
  - Кто знает, кто знает...

Я хлопаю по огромному карману, запускаю туда руку и выуживаю из глубин гаечный ключ. А потом и носовой платок, и сломанную зажигалку.

- Это?
- А в другом кармане посмотри.

Я нащупываю плоскую коробочку, достаю. Это бритвы.

— Ох уж этот твой брат, тоже мне...

Па высовывает в окошко руку, чтобы забрать у меня коробочку.

- Ух ты, как раз такие мне и нужны! А в другом кармане ничего больше не завалялось?
  - Сам посмотри.

Он выходит из трейлера, весь сияя, и обшаривает карман, в который я уже заглядывал.

— Ну у нас просто праздник какой-то сегодня!

Он достает пачку маленьких батареек.

- Дорогие штучки, а?
- Это ты ему в карман подложил? А что было бы, если бы его поймали?
  - Не поймали же.
  - Да, но если...
- Твой брат слабоумный в инвалидной коляске, Брай. Ты правда думаешь, они обшарили бы его карманы? А если бы вдруг они посмели, я бы со всей строгостью сказал: «Ай-ай-ай, плохой мальчик, Люсьен». И положил бы все обратно, как и было. И пошли бы мы дальше, а братик твой махал бы на прощание бутылкам.

Тут последовал удар в плечо.

— Ну а если бы они нас все-таки задержали, то Люсьен так завыл бы, что эти охранники только рады были бы от нас избавиться.

Люсьен допил воду и теперь пытается засосать воздух.

- Брай, неожиданно нежно произносит па, ну кому такое вообще в голову могло взбрести, чтобы тревожить полицию только потому, что какой-то слабоумный что-то там засунул себе в карман.
  - Не называй его слабоумным.
  - Ладно, ладно.
  - Это ты украл, а не он.

 Вот только не надо преувеличивать. Ты мне так ма очень напоминаешь.

И он снова толкнул меня в плечо. Тут я, не задумываясь, вмазал ему со всей силы по щеке.

- Ты че, бл... ругнулся он, рефлекторно сжав кулаки, но в следующую же секунду опустил руки.
  - Прости, говорю я, я в плечо целился.

Па проводит языком по зубам.

- Но представь только, что было бы, если бы они все-таки вызвали полицию и его забрали бы?
- Ладно, давай представим... Он собирает в кулак остатки терпения. И что им с ним тогда делать? Допрашивать? Арестовывать?

Я молчу.

— Парни, как твой брат, не могут нести ответственность за то, что делают. Им дали пожизненный срок еще при рождении, и добавить тут нечего.

Но, кажется, па чувствует себя виноватым, потому что чуть позже он говорит:

- Может, завтра прокатишься на своем мопеде?
- А за Люсьеном кто присмотрит?
- -R.

38

Пальцы у него воняют, потому что он их полночи сосал, а в перерывах драл обои. Когда я пытаюсь надеть на него чистую одежду, он отворачивается и упирается коленями мне в плечо.

— Xватит!

Я резко вытягиваю ему ноги и кладу их на матрас.

— Хва-тит!

Но как только я отпускаю руки, он снова выталкивает ноги наверх и упирается мне в плечо.

— Ай! — вскрикнул я не столько от боли, сколько от злости. — Тогда одевайся сам!

Я бросаю рубашку ему в лицо. Но для Люсьена это всего лишь забавная игра.

— Или ты!

Па нет уже три часа. Со вчерашнего вечера я и думать ни о чем не мог, только бы съездить к Селме. Но я не решаюсь попросить Эмиля посидеть с Люсьеном.

Тем временем его подгузник, словно губка, уже вобрал в себя столько, что сочится при каждом движении. Капли мочи вытекают из-под бумажных крылышек. Правда, не похоже, чтобы Люсьену это доставляло неудобства, так что я просто накрываю его одеялом.

— Па тебе скоро поменяет.

Баночки с энергетиком у меня в задних карманах нагрелись, так что я пока кладу их в морозилку. Я собираюсь подождать еще пять минут. А когда они пройдут, то еще только три.

Я замечаю, что Люсьен какает, он концентрируется и смотрит сквозь меня невидящим взглядом.

— Блин, ну ты потерпеть не можешь, что ли? Подожди, па сейчас придет.

Ма всегда с какой-то гордостью в голосе говорила, что у нее Люсьен ни разу не лежал в грязном подгузни-ке больше пяти минут. «Но есть и такие мамаши...» — качала она головой, порицая таких мамаш.

 Ладно, — говорю я, доставая из упаковки рядом с душевой кабинкой чистый подгузник. — Но ты должен мне помочь. Люсьен ведет себя неожиданно податливо и спокойно. Так что я расстегиваю его подгузник и на меня вываливается пропитанный испражнениями впитывающий слой. Член у Люсьена выскакивает наверх. Я случайно измазал ему ногу.

— Черт...

Тут Люсьен начинает вертеться, потому что слышит, как на улице лает Рико. Все содержимое подгузника оказывается на простынях.

Твою ж мать.

Я быстро натягиваю на него чистый подгузник, правда, получается криво. Сам тоже измазываюсь в говне.

— Дальше сам давай. Я поехал к Селме.

Люсьен весь начинает трястись.

Я вытаскиваю из морозилки два моих энергетика, которые еще не успели как следует охладиться, мою руки и выбегаю. Рико стоит на задних лапах, опираясь на прутья клетки. Язык болтается, вывалившись из пасти на всю длину.

- Му-ва-ва! кричит Люсьен. Хвост Рико тут же начинает вилять с удвоенной силой. Он лает, громко и коротко, три раза.
  - Иди сюда.

Я откидываю щеколду с двери клетки. Рико выбегает и кружит вокруг тента и уличной кровати Люсьена. Затем поскальзывается на подножке, но изо всех сил старается прошмыгнуть внутрь. Мне почти удалось схватить его за ошейник.

На короткой дистанции в пару метров между дверью моей комнаты и кроватью Рико умудряется разогнаться и на всех порах запрыгивает к Люсьену, который начинает колотить его то ли от испуга, то ли от восторга.

- Ко мне! командую я, но Рико теперь оттуда и палкой не выгонишь. Он вылизывает Люсьену лицо и растягивается с ним рядом.
- Ну ладно, сдаюсь я, но тогда уж присмотри за ним.

39

Энергетик мы выпили очень быстро. Селма еще не спросила меня о своем подарке.

Я передвигаю две куклы и сажусь поглубже на кровать, поджимаю ноги и упираюсь ими в шкаф, на котором висит тот постер с мопедом. Теперь из коридора меня никто не увидит.

- Умеешь животиться?
- Животиться?

Она несколько раз кивает и ее хвостик болтается в такт.

— Что это?

Она нажимает пальцем себе в живот где-то в районе пупка:

- Вот так вот животиться.
- Ты про... это?

Селма снова кивает.

Она встает с кровати и идет к двери, прихрамывая и тем самым уравновешивая свои движения. У выхода она оборачивается ко мне.

— Пойдем, — зовет она меня, словно щенка.

В конце коридора кто-то топчется, периодически останавливаясь и тряся головой так, будто в ухо залилась вода. Больше никого не видно.

Мы идем рядом.

— Тут.

Она открывает широкую дверь ванной комнаты.

Длинная флуоресцентная лампа моргает. Внутри стоит высокая ванная на колесиках, сделанная из толстой ткани. В таких еще дельфинов перевозят, когда отпускают их обратно в море.

— Пойдем, пойдем, — повторяет она. Я прохожу мимо нее и захожу в комнату.

Два инвалидных кресла с разорванными сиденьями. Два настенных шкафчика белого цвета, а на них какие-то схемы в пластиковых файлах. Сверху виднеется раскрытая упаковка подгузников. Под ободком унитаза прилеплен склизкий туалетный блок. Двумя руками Селма задвигает щеколду на двери и пару раз ударяет по ней, чтобы удостовериться, что дверь теперь точно заперта.

Затем она задирает футболку.

— Ты тоже.

Я аккуратно снимаю свою. Селма наклоняется вперед, футболка застревает и висит теперь на волосах, собранных в хвост. Я вижу, как ее позвонки утопают в длинной ложбинке на спине.

Помоги.

Я уже хочу потянуть за футболку, как она начинает активно трясти головой и всем телом, так что одежда сама собой падает на пол. Волосы рассыпались и от статического электричества танцуют в ореоле вокруг ее головы. Я не уверен, можно ли мне смотреть на нее. Ткань бюстгальтера натянулась, поддерживая тяжелые груди. На плече у нее красные точечки. На выпирающем животе виднеется сетка неровных белых полосок, будто кожу сначала разрезали, а потом снова сшили. Пупок словно таинственный туннель.

- Мы почти голые, хихикает Селма. Ты Брайан.
- A ты Селма.

- Там нельзя, вдруг очень серьезно шепчет она, проведя пальцем по молнии на ширинке штанов. А то я очень заболею.
  - Но ты же хотела сделать это самое?

Рукой она нащупывает выключатель.

- Что ты делаешь?
- Стой тут, говорит она, показывая на кафельный пол прямо перед собой. Тут.

Я встаю на место, куда она показывает.

Звук выключателя. Раздается гудение и тихое пощелкивание погасшей лампы, еще какое-то время она светится слабым голубым светом, но и он в конце концов затухает. Только из-под двери виднеется желтая полоска. А справа горит красным лампочка сигнализации. От нее тянется флуоресцентная линия, опоясывающая стены, которая ведет к следующей красной лампочке.

- Скажи-ка, где ты, командует Селма.
- Вот я.

Я вытягиваю вперед руки, поднимаю их, нащупываю волосы. И ухо.

- Вот он я.
- И я, говорит Селма.

Кажется, что все не совсем настоящее, потому что теперь я ее не вижу.

— Животиться, животиться.

Ее пальцы скользят по моим рукам наверх к плечам, и мне приходится чуть-чуть присогнуть колени.

— Ты большой, — жалуется она.

Вдруг она прижимает свой живот к моему. Нежная кожа, плавные движения. Она двигает живот из стороны в сторону так медленно, что у меня от этого, кажется, начинает кружиться голова. Что-то на ее бюстгальтере царапает мне соски. Я начинаю двигаться вместе с ней. Влево-вправо, влево-вправо. Так нежно, что это напоминает мне халат моей мамы, который я иногда надевал,

когда был маленьким. Нежнее даже, чем велюровая подкладка ее футляра для очков. Или чем живот маленького мертвого кролика. Так нежно, что почти больно.

Я уже не понимаю, где заканчивается мой живот и начинается ее. Мы начинаем дышать в унисон.

Моему языку становится тесно во рту, мне хочется что-нибудь укусить. Я чувствую, как пульсирует мой член и как покалывает в кончиках пальцев. Я представляю застывающий воск от свечи, еще мягкий и податливый. И то ощущение, когда я вонзаюсь в него ногтями. И как это бывает, когда прижимаешь взбитые сливки языком к нёбу. Я выпячиваю живот, но приятнее все-таки, когда он расслаблен и трется о живот Селмы. Я уже ощущаю ее теплое дыхание и хочу поцеловать ее, но промахиваюсь. В следующий раз я попадаю в нос.

Больше попыток я не предпринимаю и только опускаюсь на дно чего-то, что плотнее воды и гладит меня везде. Я чувствую, что я уже почти где-то, где еще не бывал ни один человек.

И вдруг все кончилось.

— Селма?

Я пытаюсь различить звуки ее движений, ищу руками ее бедра. Моргая, снова загорается длинная лампа. Она гудит и разгорается в полную силу. Мы оба щуримся от яркого света.

— Почему ты остановилась? — спрашиваю я. — Я сделал что-то не так?

Селма зевает, не прикрывая рта, у нее расширены зрачки. Двумя пальцами она заправляет выбившиеся волосы за ухо. Молча наклоняется, чтобы поднять футболку. Чуть-чуть расставляет ноги в стороны для устойчивости. Наши животы снова принадлежат только нам.

— Ну еще немножечко, — клянчу я, пытаясь прижаться к ней бедрами. Селма отстраняет меня.

— У тебя что, дела? Работать надо?

Она поворачивает голову от крайнего правого положения в крайнее левое.

— A чего ты тогда остановилась?

Я вытаскиваю из кармана и показываю ей ключ от мопеда.

- У меня же для тебя еще подарок есть.
- Подарок?

Я тоже быстро натягиваю свою футболку.

— Прокачу тебя на своем мопеде.

Селма завизжала так пронзительно, что мы оба испугались.

- Я дам тебе свой шлем, но никому нельзя говорить, что ты отсюда уйдешь.
- Никому не говорить, заорала она и вскинула обе руки наверх.

Я отодвигаю щеколду.

- Тихо. Может быть, сможем съездить к Люсьену.
- Люсьен? спрашивает она, и ее глаза округляются. Гле он?
  - У нас. Дома.

В коридоре рядом с туалетом стоит какой-то мальчик и смотрит на нас неприветливо.

- Нино!

Селма берет его лицо в свои ладони и начинает гладить, а потом кладет его руку себе на плечо. Он угрожающе нацеливает свой вертикально вытянутый лоб в мою сторону, но взгляд отводит. Изо рта у него пахнет печеночным паштетом.

— Это Нино?

Волосы у него выглядят так, будто вместо них в голову понатыкали щетину от разных щеток-метелок. А оттого, что он, видимо, всю жизнь бьется верхними зубами о нижние, они сточились под углом.

— Он что, злится?

- Нино милый.
- От него несет паштетом.

Вдруг вся злость с его лица исчезает.

Нино смотрит в конец коридора. Там стоит только какая-то пустая кровать. Не успел я спросить, что он там увидел, как он начинает трясти головой.

- А он умеет разговаривать?
- Пойдем, сказала Селма, ко мне в комнату.
- Но он же может остаться тут?

Ботинки у него все в царапинах, а на левом подошва сантиметра три, не меньше.

- Пойдем, говорит Селма, и Нино следует за ней. Она как-то неловко подпрыгивает.
  - Мы же собирались вместе поехать к Люсьену?
  - Люсьену?
  - На моем мопеде, помнишь?
  - Мопсел!

Она направляется в сторону главного входа.

- Нет, я знаю другой путь, останавливаю я ее.
- Но дверь же там?
- Здесь тоже есть.

Я беру ее за руку.

Когда я зашел в здание, на стойке регистрации меня задержала дежурная. Спросила, к кому я пришел. Не успел я в ответ и слова сказать, как снова оказался на улице. Но там, где шел ремонт, мне без проблем удалось проникнуть внутрь. Третья дверь, которую я подергал, оказалась незапертой. Пол комнаты, в которой я оказался, был весь усыпан щебнем и строительным мусором. А в коридоре мне всего-то и нужно было, что отодвинуть полиэтиленовую занавеску, и я уже был на лестничной клетке.

Шлем сел плотно, и от этого ее губы немножко вытянулись вперед.

— Ой!

Селма теребит пряжку, впившуюся ей в шею. Она трясет и болтает головой.

— Не дергайся, ты привыкнешь. Или ослабить немножко? Тогда больно не будет.

Шея у нее такая же мягкая, как живот. Я перестегиваю застежку.

— Так лучше?

Она всей ладонью пытается подлезть под шлем, чтобы почесать ухо.

- Когда выедем за ворота, можешь его снять. Я показываю ей на подножки. Ноги поставь вот сюда. И держись за меня так крепко, как только можешь.
- Смотри! восклицает она, тыча в фару, где мы отражаемся вверх тормашками и у нас очень большие головы и малюсенькие тельца.

Нино недовольно уставился на меня. Затем он переводит взгляд на подъездную дорожку и снова начинает трясти головой.

— Нино, — говорю я ему. — Ты должен ждать нас тут.

Он ничем не выдает, что он меня понял. Но я не хочу, чтобы он побежал за нами следом.

- Нино!!!
- Дурачок, говорит Селма, У него же нет ушей.
- Он глухой?
- И почти нет глаз.
- Но он понимает, что ему с нами нельзя?

Селма кивает.

— Ладно... Вот тут выхлопная труба, она очень сильно нагревается, — предупреждаю я. — Поняла?

Она кивает так, будто хочет ударить лбом воздух перед собой.

— Ее трогать нельзя.

Я уже сажусь за руль.

— Давай же, залезай.

Селма тяжело опирается мне на плечи, тянет меня за шею. Подкрылки заднего колеса стонут от тяжести. Я пытаюсь удержать мопед. Она садится. Я ощущаю ее грудь и живот, словно плотную подушку, прижатую к моей спине.

- Теперь обхвати меня руками.
- Не делай больно, бормочет она.
- Ну конечно, я не сделаю тебе больно.

Ее пальцы сцепились где-то в области моего пупка и, кажется, расслабились. Какое-то время мы сидим так.

- Теперь мы как мой постер, тихо говорит она. Я киваю, но не решаюсь обернуться, потому что боюсь, что от моего движения она отпустит руки.
  - Ну что, поехали?

Мне приходится наклониться вперед, чтобы дотянуться до руля. Селма повторяет мое движение, застежка шлема упирается мне в шею.

— Сейчас я заведу мотор, ты только не бойся.

Я жму на кнопку рядом с гудком и кручу рычаг газа. Селма еще крепче обнимает меня. Я стараюсь поддавать газ понемножку, чтобы она привыкла.

— Держись крепче!

Между кустов на земле много веточек, и мопед вести сложно. Но мы не опрокинулись и выехали на асфальтированную дорожку, ведущую к главному входу. Это сложный отрезок пути, тут легко упасть. Дрожа, стрелка спидометра подползает к отметке в двадцать километров.

— Не сжимай так сильно! — кричу я через плечо. Одной рукой я отпускаю руль, чтобы слегка ослабить ее хватку, и мопед начинает вилять.

Скоро мы сможем остановиться у ручья и искупаться в одних трусах. Они высохнут, пока мы будем ехать.

Может, па даже разрешит ей остаться на ночь, она ведь девушка Люсьена. А я тогда посплю в кровати на улице. Но как только па уснет, я проберусь к ней. Она приподнимет одеяло, чтобы я мог лечь рядом. Живот у нее будет голый. А завтра я привезу ее обратно, пока никто не заметил ее отсутствия.

Мы уже почти у ворот. За поворотом, где мусорка.

Вдруг Селма расцепляет руки, хватает меня за лицо и пытается развернуть меня к себе.

— Стой!

Я торможу. Но мопед, наоборот, рванул вперед, так что Селма полетела назад. Я въезжаю на траву и спрыгиваю. Мопед проезжает еще пару метров, но потом руль разворачивается перпендикулярно, и он падает на землю.

— Ты как?

Селма сидит на земле в той же позе, в которой только что сидела за мной: руки выставлены вперед, ноги согнуты в коленях.

- Туда мне нельзя, - все повторяет она, показывая на главный вход. - Туда мне нельзя.

Я расстегиваю ей шлем. Высокий хвостик из волос грустно свешивается ей на лицо. Нино стоит, прислонившись к дереву, как мы его и оставили.

- Но ты же хотела съездить со мной к Люсьену? На мопеде? Это мой подарок тебе на день рождения.
  - Туда мне нельзя, заплакала она.
  - Тише, тише. Ну значит, и не поедем.

Я хочу помочь ей встать, но от расстройства она стала тяжелой и неповоротливой.

- Нельзя, мямлит она.
- Отвести тебя назад к Нино?

Теперь она дает себя поднять. Я отряхиваю ее сзади от травы и сосновых иголок. Селма утирает нос рукой.

— Ты можешь не ехать, — пытаюсь я ее успокоить. — Я думал, ты сама хочешь.

Я беру в свои руки ее теплый влажный кулачок, чтобы она больше не плакала. Пока мы идем обратно, мы неловко размахиваем руками, будто поем одну и ту же песню, но каждый в своем ритме.

— Животиться мне понравилось, — говорю я. Селма опять улыбается.

40

Черт, вот черт. Па уже вернулся.

Я бросаю мопед на землю и стягиваю шлем. Под капотом нашего пикапа что-то гудит и щелкает. Он ведь должен был еще не скоро вернуться.

- Я дома!
- Твою ж, рявкает па. Где твой брат?
- В своей кровати! Да ведь?
- Черт побери, Брай!
- Его что, там нет?

Я вихрем вбегаю в комнату, кровать стоит пустая.

- Как тебе в голову могло прийти оставить брата олного?
- Я совсем ненадолго отъехал, заглядываю я за каждую дверь. Не могу же я сказать, что я Рико попросил за ним присмотреть. Па открывает нараспашку шкафы, полки с грохотом обрушиваются вниз. Затем он выбегает на улицу.
- Люсьен! Люсьен! кричит он во все стороны. Занавески в трейлере Эмиля, кажется, задернуты точно так же, как и утром. Машина тоже стоит на своем месте. Па проследил за моим взглядом.
  - Этот гад может что-то знать?

- Нет, быстро отвечаю я, нет, он вообще ни при чем.
- Ты хочешь сказать, что твой немощный брат теперь сам может выбраться из кровати? Он язвительно щиплет меня за щеку. Ну так как?
  - Он уже много чего сам может.

Тогда па отталкивает меня.

— Люсьен! — кричит он так громко, что везде должно быть слышно. — Люсьен!

Его рысца переходит в полноценный бег, он направляется к трейлеру Эмиля.

- Люсьен!
- А где Рико? кричу я. Но па меня больше не слышит.

Я свищу, положив пальцы в рот. Рико тут же отзывается. Лай раздается позади нашего трейлера. Я несусь туда.

— Он здесь!

Люсьен завис между паллетами и нашей морозилкой. Руки и ноги у него неестественно изогнуты, будто палки из-под тента, который снес ветер.

— Здесь! — ору я. — Он здесь!

К счастью, он дышит. В правом глазу у него лопнул сосудик. На щеках красуется камуфляж, оставленный зеленой краской, которой выкрашена морозилка. Он кажется совсем маленьким, меньше, чем когда-либо, но глаза у него, как у великана. Рико положил ему на ногу лапу, будто задержал магазинного вора, пытавшегося сбежать.

Все руки Люсьена испещрены красными волдырями от крапивы. И шея тоже. И ноги.

— Извини. Я ездил к Селме.

Но кажется, что он меня вообще не слышит.

- Слышишь, к Селме!
- И где же? кричит па.

- Здесь! Все в порядке!
- Ну да, ты же не бросил брата на произвол судьбы. Он отталкивает меня в сторону.
- Черт, ты только посмотри на его руки!
- Да тебя самого нет целыми днями! Ты же обещал присмотреть за ним сегодня!

Па срывает подорожник, растущий вокруг морозилки, и мнет листочки. Затем он садится на пятки рядом с Люсьеном и прикладывает подорожник к воспаленным местам. Когда он прикасается к волдырям, они сначала белеют, а потом снова наливаются красным.

— Так где ты пропадаешь целыми днями? — спрашиваю я и пинаю его в колено. — Расскажи уж!

Когда он вытягивает руку, я вздрагиваю. Но он только хочет сорвать еще пару листочков. Он мнет их пальцами, пока они не становятся зелеными от сока, и размазывает получившуюся жижу по волдырям.

- Бедный мальчик.
- А тебе какое дело до того, что у него болит?
- Заткнись.
- Ты забрал его только ради денег!

Я хочу вмазать ему по его тупой башке.

— Это все ты виноват! — кричу я. — И Рита умерла тоже из-за тебя! Ты все портишь! И заставляешь меня делать всю работу!

Если он сейчас на меня посмотрит, я сломаю ему нос одним точным ударом колена.

— Ненавижу тебя!

Он поднимает Люсьена с земли.

- И ма тебя ненавидит! Она никогда не хотела, чтобы вы снова были вместе! И я с тобой жить больше не хочу!
- Тогда поезжай к своей матери, угрожающе спокойно произносит он. Локтем он отталкивает меня

в сторону. — Ax да, она же от тебя отказалась, она же выбрала твоего брата.

Люсьен царапает па лицо.

- Убери его культяпки от моего лица, командует он.
- Сам и убери!
- Брай!
- Вот и попробуй, каково это, в одиночку с ним справляться!

Он отпихивает Рико и пинком открывает дверь. В моей комнате он пытается включить свет, но электричество снова отключили.

— Жан и Генри правы, ты ни на что не годишься. Па кладет Люсьена в кровать.

- Если ты так много работаешь, почему у нас никогда нет денег? И почему мы живем здесь, а не в нормальном ломе?
- Мать-твою-налево! взорвался он, и я застыл на месте.

Люсьен завопил и сильно ударился затылком.

— А кто, интересно, вам жрачку покупает?

Из глаз у него будто искры посыпались.

— Грязный предатель.

Рико на улице захлебывается лаем, но не решается забежать внутрь.

Па хватает меня за загривок и выталкивает из комнаты:

- Ну-ка пошел. Считаешь отца придурком, да?
- Отпусти меня!
- Заткнись!

Он толкает меня на кожаное кресло у телевизора и что-то достает из кармана.

— Что это?

В руках у него две банкноты по пятьдесят евро. Я не знаю, что сказать.

— Сколько тут? А то, может, я плохо вижу?

— Сто евро, — промямлил я. — Извини, не думал, что у тебя и правда есть работа.

Он сминает бумажки в кулаке.

- А с чего это съемщик наш платит на двадцать евро больше? он понизил голос. Ты как посмел? Я надрываюсь, лишь бы вас двоих прокормить, а мой родной сын деньги от меня прячет!
  - Ты бы мне иначе никогда карманные деньги не дал.
  - Как ты смеешь говорить, что я в чем-то виноват?
  - Так случайно вышло.

Я достаю из кармана деньги, которые отложил.

— Вот.

Па бьет меня по руке, и банкноты падают на пол.

— Я их отработаю, обещаю.

Когда я собираюсь встать, он толкает меня обратно с такой силой, что я вместе с креслом проезжаю назад по полу. Не сказав больше ни слова, он выходит, садится в пикап и уезжает.

41

На улице тьма кромешная. Я засунул подушку под одеяло и трусь об нее животом. Сначала это приятно, но вскоре кожа начинает гореть. Все-таки приятнее всего гладить низ живота кончиками пальцев. Я представляю Селму. Коричневое пятнышко у нее в глазу. Где-то очень близко она шепчет: «Давай животиться». От члена по ногам прокатывается волна покалываний.

По тому, что Люсьен начал чавкать, я понимаю, что он проснулся. Образ Селмы тут же рассеялся. Покалывание прекратилось.

— Я был у Селмы.

Он почти незаметно покачивается.

Я с ней животился.

— Селма, — шепчу я, только чтобы почувствовать на губах ее имя. Приятно произнести его вслух, будто она и правда где-то в комнате. — Селма, милая.

Люсьен начинает качаться с таким энтузиазмом, что, кажется, раскачивает всю комнату.

— Извини, что злился на тебя утром. И что оставил одного.

По другую сторону стенки спит па. Я понятия не имею, где он пропадал весь вечер. Я слышал, что он вернулся, когда мы уже легли, и притворился спящим, но мог и не стараться. Он даже не заглянул к нам, прошаркав прямо к себе, и сразу сбросил там ботинки.

42

Кажется, вчерашние страсти улеглись. Во всяком случае, пока мы молчим. Как только мы начинаем разговаривать, я чувствую, что отголоски ссоры все еще проскальзывают в его словах.

Его снова не было целый день. Поставив пивную банку на живот, па растянулся в своем кресле. Рико тычется в него носом, чтобы его погладили.

На территорию недавно въехало два мерседеса, один из них с немецкими номерами. Это, наверное, братья Черного Генри. Кабель с висящими на нем лампочками, который лежит на крыше еще с того момента, как мы сюда переехали, теперь как будто выполняет роль праздничной гирлянды.

- У них вроде праздник, говорю я. Края большой бочки лижут языки пламени, но рядом никого нет. Передняя стенка ангара озаряется оранжевым светом от огня. Но нас не пригласили.
  - А ты хочешь, значит, к ним туда?

Из ангара выходит какой-то парень. Пока он опорожняет мочевой пузырь, строительный фонарь вдруг сам собой включается, заставляя его обернуться на свет. Вместе с дымом над бочкой взлетают искорки.

Па встает и проверяет, как там Люсьен.

- Спит крепким сном.
- Мы почти весь день с ним гуляли.
- Да ну.
- Правда. У него хорошо получается.
- Пойдем.

Строительный фонарь снова включается, вместе с нами в луч света влетает летучая мышь, но тут же сворачивает и улетает прочь.

Когда мы входим в ангар, никто не обращает на нас внимания. Только Эмиль поднимает руку в знак приветствия. А он что здесь делает? Генри поворачивается к нам, не вставая со своего садового стула.

- Вы только посмотрите, кто тут у нас!
- Весело у вас тут, говорит па и быстро переводит взглял на Эмиля.
- До этого момента было весело, ага. Раздается дружный смех братьев, сидящих за столом. Все трое уменьшенные копии Генри, различить их можно только по усам.
  - Не рады нам тут, Брай.

Па подталкивает меня к выходу.

- Да садись, Морис. Не зря же пришел.
- Нет-нет, спасибо.

Черный Генри подталкивает к нему пустой ящик из-под пива. Для проформы па еще немного сопротивляется, но потом садится.

— Осторожно... Осторожно!

Жан несет к столу решетку от гриля, на которой шипят кусочки мяса. Кажется, он и не заметил, что мы тут непрошеные гости. Я сажусь на стул, который стоит дальше всего от Эмиля.

— Пр-р-рошу! — возглашает Жан, а я беру одноразовую бумажную тарелку. — Специально для тебя... вкусненькая щечка!

С Жаном никогда не знаешь, какое животное ешь. Один раз па мог поклясться, что распробовал зайчатину, но тогда Жан открыл нам секрет, и выяснилось, что мы глодали косточки ондатры. В доказательство он продемонстрировал нам голову.

На гриле целая мозаика из кусочков мяса. Я выхватываю взглядом кусок челюсти с острыми зубами и зажаренный до коричневой корочки пятачок. Это поросенок. Из старой корзинки для белья, которая стоит на столе, я выуживаю булочку.

— Coyc? — спрашивает Жан и выдавливает майонез мне на тарелку. — Ты же знаешь, где у нас напитки?

Он тычет большим пальцем в сторону холодильника.

Эмиль внимательно слушает, что ему рассказывает один из братьев, отвлекшись, только чтобы поблагодарить Жана, который передал ему тарелку с мясом.

Морис, пивка? — спрашивает Черный Генри. — Вот, держи!

И он приложил па к шее сзади ледяную бутылку.

- Черт! кричит па и чуть сильнее, чем нужно, отталкивает руку Генри.
  - Да шучу я, Морис, шучу. Вот, хватай.

Па берет у него пиво, открывает бутылку о край стола и всасывает растущую пенную шапку. Снаружи раздается треск паллет, пущенных в топку.

— В твоем-то холодильнике пиво уже, наверное, закипает, а? — спрашивает Генри, когда разговор за столом вдруг стихает. Шутку встречает дружный смех его братьев. Они барабанят дном бутылок о стол и каждый раз аплодируют.

Мне уже подмигнули, независимо друг от друга, Эмиль, Жан и Генри, будто у каждого из них есть какаято тайна, о которой па знать не положено.

- А что отмечаем-то? спрашивает па в промежутке между двумя большими глотками пива.
  - Да так, собрались пивка с друзьями попить.
- C друзьями? Он у нас теперь тоже друг, получается?
  - Кто?

Па кивает в сторону Эмиля.

- А почему бы и нет?
- Ну, это, конечно, твоя вечеринка.

Один из братьев толкает какую-то нечленораздельную речь. Эмиль внимает. От того, как он слегка улыбается, кажется, что он участвует в любом разговоре, если он смотрит в сторону говорящего. Но мне видно, что он из этого потока хвастовства тоже ничего не понимает.

— Так когда отсюда уберется твой сын? — спрашивает Генри у па через весь стол. — Он же вроде только на неделю должен был остаться?

Чтобы не пришлось отвечать, па долго тянет пиво из горлышка, пока бутылка не пустеет.

— Завтра-то заплатишь нам, Морис?

Жан недвусмысленно намекает Генри, что не стоит портить настроение праздника. А я вонзаюсь зубами в поросячью щечку. Видимо, кто-то еще пошутил,

потому что вокруг все начинают стучать бутылками о стол, пока пена по горлышку не подбирается на самый верх.

- Всем еще по одной? спрашивает Жан. Только Эмиль жестом показывает, что ему вполне достаточно его колы. Меня никто ни о чем не спрашивает.
- Я принесу, говорит па, толкая Жана обратно на его место.
- Ой, какая честь... Официант, шесть кружек на второй столик.

Никто за столом, кроме меня, не обращает внимания на то, что там па делает. А он присаживается перед открытым холодильником, вытаскивает оттуда семь бутылок. А потом ставит на их место столько же теплых. Одним махом он опрокидывает в себя одно пиво, а пустую бутылку ставит обратно в коробку.

Подойдя к столу с шестью бутылочными горлышками в пальцах, он наклоняется над столом так близко к Эмилю, что тому приходится отклониться назад, и он ударяется затылком о штангу подъемного мостика.

Все разбирают и открывают бутылки. Крышки катятся по полу. Эмиль чокается своей колой. А я занят тем, что управляюсь со своей свиной щечкой, и только подсмеиваюсь, когда смеются все. В следующей ходке за пивом па повторяет ту же манипуляцию. А в третий раз он выуживает из холодильника бутылку водки, откручивает крышку и аккуратно переливает спиртное в пивную бутылку.

— A это не трогай.

Генри выдергивает бутылку у па из рук.

- Пиво у тебя какое-то разбавленное, рявкает в ответ на это па.
  - Будешь ныть тут, катись тогда к чертям, Морис. Генри закручивает крышку на бутылке водки.

— А тут у нас что?

Па вытаскивает бутылку «Перно».

- Подарок от нашего съемщика. Это тоже не для тебя.
  - Подарок от съемщика, значит? Да давай откроем!
  - Можно мне к вам присоединиться?

Эмиль взял свой стул и стоит с ним у меня за спиной. Жан двигается, освобождая ему место.

- Долго у тебя еще каникулы? спрашивает меня Эмиль.
  - Еще пару недель.
  - А потом что?
  - В следующий класс пойду.
  - Здорово! Или нет?
  - Да нормально.
- Я утром хотел тебе помочь с Люсьеном, но увидел, что ты и один отлично справляешься.

Не знаю, слышит ли нас па: он лыбится очередной истории одного из братьев.

- А сейчас Люсьен где?
- В кровати у себя.
- Устал, наверное, от ваших долгих прогулок?

Мне хочется поймать его слова в воздухе и запихнуть их ему обратно в рот. Эмиль ставит свою банку колы рядом с моей, и я путаюсь, где теперь чья. А из его мне пить совсем не хочется.

- C твоим братом ничего не случится, с такими-то бортиками у кровати.
- Но даже если он вывалится, тоже ничего страшного.
  - A, вот как?
- Он уже настолько болен, что вряд ли может стать хуже.

Па все-таки нас слышит, я замечаю, как он слегка улыбнулся. Вообще-то, это его шутка.

- А где ваши хорьки? спрашиваю я спину Жана.
- Поставил в другое место... Тут такой шум, что они... перегрызут друг друга.
- У меня для тебя, кстати, кое-что есть, гнет свое Эмиль.
  - Для меня? Мне ничего не надо.
- Да это просто малость. Ты же поддержал меня, когда я собирался в супермаркет.

По выражению лица па я понимаю, что это он услышал.

 Я нашел вот это и сразу подумал о тебе. Ты ведь интересовался лекарствами, которые принимает твой брат.

Вдруг па встает. Кажется, я единственный, кто испугался.

- Еще по пивку всем? спрашивает он.
- Нет, спасибо, отвечает Эмиль. Но его и не спрашивали. Эмиль наклоняется ко мне поближе.
- А как там у тебя с той девушкой? Она сюда приедет? Можешь еще как-нибудь ей позвонить, если хочешь. Просто заходи ко мне в трейлер.

Па стучит пивной бутылкой мне по плечу. Мы меняемся местами. Я сажусь на коробку из-под пива. Так как я не слишком быстро реагирую, он просто выдергивает меня из стула.

- Так-то, рыкнул па и сел, широко разведя ноги в стороны и игнорируя Эмиля.
  - Разбираем, разбираем!

Жан поднимает наверх блюдо пышущих жаром колбасок. За столом раскрывают булочки для хот-догов, щедро наливая внутрь соус. Черный Генри вкладывает в каждую булочку по колбаске. Прежде чем взять следующую, он дует себе на кончики пальцев.

О, эта булка прямо вылитая моя бывшая, — хохмит один из братьев. — Но в нее влезало две колбаски.

Все безудержно улюлюкают, а стол чуть не трещит пополам от стука пивных бутылок.

— Выдай-ка мне тогда белого соуса вместо красного! — кричит Черный Генри.

Снова взрыв смеха и свиста.

Двумя руками Эмиль хватается за свою банку колы. Максимально незаметно он бросает взгляд в сторону, на па.

- Это ты еще мать Брая не знаешь... продолжает шутку па.
  - Axaxa!

Мне это смешным не кажется. Но все вдруг затихли.

— A что c ней не так? — спрашивает Жан.

Па опрокидывает в себя еще пива и машет рукой, показывая, что сейчас все расскажет. Но он тянет слишком долго.

- У тебя вообще была женщина-то хоть когда-нибудь? — Новый раскат смеха.
- Да его мать была хуже пустыни. Па пытается взять ситуацию в свои руки. Мне приходилось четверть часа рыдать над ней, чтобы увлажнить, прежде чем я мог на нее взобраться.

Па чокается с воздухом и смеется громче всех.

— Это говорит скорее о тебе... чем о ней.

Стол снова содрогается от стука бутылок.

— И несмотря на это двое сыновей?

Па глубоко кивает. К счастью, шуток о Люсьене никто не отпускает.

— Все благодаря моим стараниям, — говорит па. — A знаете как?..

Но его уже никто не слушает, все переключились на другую историю.

— Ну а у тебя с этим как?

Эмиль вздрагивает и выпрямляется.

— Не дали твоим головастикам поплавать?

Все замолкают.

— Или они и плавать-то не умеют?

Эмиль уставился в пол.

- Эй! Па толкает его в плечо. С Брайаном ты гораздо охотнее беседуешь, как я посмотрю.
  - Морис.

Жан пытается отвлечь па.

- Что, я же могу порасспрашивать вашего друга?
- Все верно, детей у меня нет, спокойно произносит Эмиль. Вы все правильно поняли.
  - Подружку Луизой звали, так?

Эмиль отхлебывает из банки. Теперь мне хочется, чтобы он на меня посмотрел. Тогда я мог бы как-нибудь дать ему знать, что ничего не могу с этим поделать.

- Она не хочет, чтобы ты возвращался. Или хочет? Эмиль ставит банку на стол и встает.
- Доброго вечера всем.

Он кивает каждому на прощание. Всем, кроме меня. Не оборачиваясь, он исчезает в темноте ночи. Я хочу пойти за ним, но не решаюсь подняться.

Па завалился на спину прямо у холодильника и пытается снова сесть на корточки. Он берет очередную бутылку, срывает крышку об алюминиевый край холодильного шкафа и от этого движения падает на колени. Жан обнимает меня за плечи.

- Тебе, наверное, уже пора спать, говорит он мне.
- А как же па?
- Я за ним присмотрю.

Движения па стали медленными, он не поворачивается, а скорее заходит на круг.

Мужики, — говорит Жан, — наш Брайан идет спать.

Все показывают мне большой палец, кто-то хлопает меня по плечу.

— Руки держи над одеялом, — хохмит один из усатых.

Па тоже выставляет свой кривой большой палец и пару раз жмет им на невидимый дверной звонок. Затем он наклоняется ко мне:

- Здесь одни мудаки, - говорит он мне прямо в ухо. - Я еще одну бутылочку выпью и приду.

Шершавой ладонью он пару раз проводит по моей голой руке.

— Ты ж мой хороший.

Вдруг он спотыкается, хватается за меня, чтобы удержаться на ногах, и разливает холодное пиво мне на футболку.

- Я хочу сказать!..— кричит он. Но никто не обращает на нас внимания. Тогда он хватает пустую бутылку и подбрасывает ее в воздух. Она падает и разбивается о бетонный пол вдребезги. Вот теперь на нас смотрят все.
- Да-да, кричит он. Вот тут, да. От-лич-ный парень. И брату с ним повезло.

Глаза у него уже блестят от слез.

— Нас с ним ничто не разлучит.

Тут он начал рьяно кивать в полном согласии с самим собой:

— Мой мальчик.

Для убедительности он пару раз ударяет себя в грудь увесистым кулаком.

— За Брайана! — подхватывает Жан.

Черный Генри усаживает па на освободившийся стул Эмиля.

- А теперь давай-ка тише, Морис.
- Мне что, сказать нельзя, что ли... Этот парень мой сын, слышь!
  - Твой-твой. Очень классный у тебя малец.

Предупредительно выставив вверх указательный палец. па соглашается:

— Ну и вот!

Генри вкладывает ему в руку бутылку пива.

- Это последняя.
- Спокойной ночи, Брайан, говорит Жан.

43

Ботинок нигде не видно, и в кресле его нет.

— Па?

Я приоткрываю пошире дверь в его комнату. На матрасе его тоже нет. За моей спиной Люсьен слегка пружинит на коленях.

- Разворачивайся, говорю я ему, идем на улицу. Пока я помогаю ему преодолеть подножку трейлера, он зажимает в зубах поилку своей кружки.
  - Па?

Каждый раз, когда я зову па, Люсьен, словно эхо, стонет.

— Па? Ты где?

Машина стоит там же, где он оставил ее еще вчера. Луна похожа на белую печать на утреннем небе, а от холодной росы мои шлепанцы становятся жесткими и скользят.

На какой-то миг я испугался, что Эмиль ночью съехал, но его машина тоже все еще на своем месте. Первый раз я вижу, что он открыл занавески на окнах трейлера. Из бочки Жана колечками поднимается дым. Голубая краска, в которую она когда-то была выкрашена, почти вся облезла, а от жара железо пошло пятнами.

- $\Pi a! зову я.$
- Брай, сипло раздается в ответ. Я не могу понять, откуда идет звук.

— Па?

Он что, в кустах лежит?

- Брай, мальчик?
- Ты где?

Резкий кашель.

- Тут. У собачек.

Он в углу собачьей клетки.

— Ты что тут делаешь?

У него помятое лицо и щека вся в грязи. Люсьен опирается на меня, и мы медленно подходим ближе. Только тогда я замечаю сине-красный фингал у него под глазом, а грязь на щеке оказывается ссадиной.

— Му-ва-ва.

Люсьен выпустил кружку изо рта. В восторге от этого он пару раз пружинит на ногах.

— Что ты здесь делаешь?

Дверь в клетку удерживает цепочка с замком, замотанная вокруг соседних прутьев.

- Кто тебя тут запер?
- Этих придурков больше раздражает отец, заботящийся о сыне, чем извращенец-съемщик.
  - А чего ты меня не позвал?
  - Ты спал уже.

От мысли, что он вот так вот останется сидеть в клетке, мне становится не по себе.

- А Рико где?
- Да где-то там бегает.

Па кладет пальцы в рот и свистит. Трава у трейлера Эмиля ходит ходуном. Пара хороших прыжков — и оттуда появляется Рико.

- Му-ва-ва!
- Давай я, может, за твоим электролобзиком сбегаю?
  - Я его ненадолго продал.
  - Ненадолго продал?

- В ломбард заложил. Это только пока деньги твоего брата не перечислят, потом я его выкуплю.
  - А почему ты мне не сказал?
  - Ну все, хватит.
  - Может, лучше было продать что-то из моих вещей!
- Ну уж вещи собственного сына я закладывать не собираюсь.

Правда с моими подарками на день рождения за все предыдущие годы он именно так и поступал, даже меня не спросив. Так что и слишком большой замок дракона, и тот детский электрический мопед, и бэушная клавиатура без адаптера — все отправилось в ломбард.

- Жан? Генри?

Мухи облепили обглоданные кости и открытые бутылки с соусами. Бетонный пол усеян битыми пивными бутылками и упавшими колбасками, по которым уже походили.

- Феффе... вздыхает Люсьен, от ходьбы у него сбилось дыхание.
  - Генри! кричу я. Мне нужен ключ!
  - Феффе, феффе.

Люсьен опускается на пол и тянется к осколкам.

— Нет, нет... Вот.

Я даю ему бутылку, и он тут же расшибает ее об пол. Сначала ужас, потом безудержный смех. Где-то под крышей ангара взлетает потревоженный голубь.

- А стоимость тары мне кто возместит, а? потирает большим пальцем об указательный Черный Генри. На нем одни только трусы.
- Можешь потребовать свои десять центов у Люсьена.
- Брайан! приветствует меня Жан, который медленно тащится в нашу сторону вместе со своим

кислородным аппаратом. — A я как раз собирался заглянуть... к твоему па.

У него распухла бровь, между волосков виднеется застывшая кровь.

— Что тут случилось?

Из нагрудного кармана рубашки он достает кольцо, на котором болтаются три одинаковых ключа.

- Скажи-ка своему па, чтоб больше сюда не совался.
- Сам ему и скажи.
- Уже сказал и больше предупреждать не буду.
- Феффе... феффе...

Люсьен тянется к оставшимся на столе бутылкам.

— Что здесь произошло?

Они одновременно начали почесываться: Жан теребит шею, а Генри чешет пузо.

- Ты же обещал присматривать за па!
- Я и присматривал. Мы пытались отправить его спать, потому что... он перебрал. Но он вспылил.
- Ты же знаешь, что мы дали ему срок неделю, чтобы он нам заплатил, продолжил Генри. И брат твой тут должен был остаться на пару дней, не больше. А теперь он еще и деньги съемщика от нас утаил. Что-то твой па лапши нам на уши много вешает.
- А потом он начал ругаться, подхватил Жан. Назвал нас негодяями. А жильца... извращенцем. И сказал, что пойдет возьмет... фейерверк, чтобы взорвать... рядом с его трейлером.
  - И что, взорвал?

Оба качают головами.

- Тогда мы оттащили его в клетку.
- А с бровью у тебя что? Вы что с ним подрались?
- Ну, он сопротивлялся.
- Но когда мы запихивали его туда, он уже десятый сон вилел.
  - Феффе... феффе...

- Осторожно, предупреждает Жан, но Люсьен уже добрался до бутылки, которую в следующую же секунду разбил. Видимо, он поранился об осколки, потому что каждый его шаг оставляет на бетоне кровавый след. Сам он, кажется, ничего не заметил.
- Держи. Жан бросает мне брелок с ключами. —
   Только обратно принеси.

Генри начинает сметать стекло в одну кучу.

- Ты тут вообще ни при чем.
- Вы о чем?

Жан смотрит на Генри.

- Нам жаль, Брайан.
- В смысле, жаль?

Люсьен начинает терять терпение.

- Твой па должен выплатить нам то, что он задолжал. А потом пусть катится отсюда ко всем чертям.
  - Куда?
- Это ты у него узнай. Вам придется уехать. Здесь не место для тебя и твоего брата.

44

После того как я вызволил его из клетки, он тут же отправился в банк. А когда он вернулся, по одному только звуку захлопывающейся двери автомобиля я понял, что лела плохи.

- Ни цента на счету. Вообще ничего!
- Как же так?
- А этот Сантос все поет свою песню, что деньги должны были прийти. Так что ой как странно! Где же они?

Из верхнего шкафчика на кухне он вытаскивает старый миксер и пару контейнеров, которые ополаскивает от пыли.

- И что ты теперь будешь делать?
- Через две деревни после Синт-Арнака барахолка есть.

Коробку лего Люсьена он тоже берет с собой.

— Подожди! Эти машинки его успокаивают.

Но па уже вышел на улицу. Затем он возвращается за дрелью и жестянкой со сверлами.

- Это же вроде не наше? осторожно замечаю я.
- Ну да, одолжил у этих придурков.
- Нам придется переехать?

Па оценивающе рассматривает вещи в нижних ящиках.

- Они говорят, мы должны съехать.
- Вот еще, не дождутся. Я слишком часто в своей жизни прогибался и уезжал.

Он, раздумывая, крутит на мизинце ошейник Риты, но в конце концов оставляет его. Потом отправляет в коробку к дрели утку Люсьена.

- Но это же не наше!
- Что не наше?
- Эта утка.
- Нам ее выдали?
- Но ты же за нее расписался под тем списком!
- Люсьен носит подгузники, на что нам тогда сдалась эта утка?

В моей комнате он сцапал радиобудильник, шнур от которого, словно чей-нибудь хвост, задел по дороге за все, что мог. Па задерживается взглядом на Люсьене.

— Как думаешь, сколько за него могут дать? — пытаюсь пошутить я.

Но па не смешно.

— Я делаю это, потому что иначе не получается, Брай.

Я встаю перед столом, чтобы па не заметил комиксы. Он медленно подходит к двери, окидывает взглядом мои вещи, подбирает с пола футболку клуба «Олимпик Лион» и сует ее в утку. Потом замечает и мои старые бутсы.

- Только не бутсы! умоляю я. Но он уже вынес их на улицу. Они мне уже давным-давно малы, но это последний подарок от ма на день рождения.
- Это от нас с Дидье, сказала она тогда. А Дидье силел в своей машине и ждал ее.

У па в комнате только всякое ненужное барахло. Но когда он выходит, он прихватывает все-таки и ошейник Риты.

- К обеду вернусь!
- A нам с тобой нельзя?
- С твоим братом я ничего не продам.
- Обещаю, я прослежу, чтобы он вел себя хорошо.
   А если он будет нервничать, я прокачу его в коляске.
- Да все покупатели только и будут делать, что глазеть на него. И ничего не купят. Или они будут отводить от него глаза. И тогда тоже ничего не купят.

Па уехал, а я надеялся, что еще включат электричество и я смогу принять горячий душ. Но электричество не включили.

45

- Смотрите! Люсьен идет!
- Ух ты, аж досюда дошел?

Эмиль выражает свой восторг, но к себе нас не пускает.

У Люсьена кровь.

Эмиль приоткрывает дверь пошире.

— Где?

Я поднимаю Люсьену ногу, будто он лошадь, которую надо подковать.

- Выглядит так себе.
- Он наступил в стекло. Я думал, само затянется как-нибудь.

Вдруг я слышу подъезжающую машину и боюсь, что это па вернулся, но она проезжает мимо. Эмиль выходит с косметичкой в руках и достает оттуда бинт.

- А ботинки ему разве не надо надевать?
- Я забыл.

Он осматривает рану на ноге.

- Выглядит не очень.
- Это я виноват, надо было следить за ним лучше.
- Думаю, с этим ты ничего не мог сделать.
- Почему это не мог?
- Ты делаешь все, что можешь. Но такие люди, как твой брат, часто ранятся. Ты и так для него как защитный кокон. Не было бы тебя, у него было бы еще больше шрамов и синяков.

Затем он заходит в трейлер и приносит стакан воды и полотенце. Мы промываем и вытираем ступню Люсьена.

- Сейчас будет немножко щипать, тихо говорит Эмиль и капает на рану немного бетадина.
  - Мне жаль, что вчера все так вышло.

Эмиль притворяется, что не услышал моих слов.

Что па сказал вам такое.

Из бокового кармашка косметички он достает рулон бежевого пластыря и неловко отрывает кусочек.

- Так что примите мои извинения, настаиваю я.
- Я слышу тебя.
- И?

- И больше не хочу это обсуждать.
- Лално.

Очень сосредоточенно Эмиль накручивает бинт на ступню Люсьена. И тут же говорит:

- Я тебе это рассказал по секрету.
- Вы же не хотели это обсуждать?

Люсьен от всех манипуляций над его ногой начинает нервничать.

- Я от тебя такого не ожидал. А твой отец был очень...
  - Каким?
- Может быть, мне стоит поискать другое место, где жить.
  - Но я же сказал, что мне жаль. А па был пьян.

Эмиль проверяет, достаточно ли плотно сидит повязка.

— Вы тоже говорили то, что не нужно было. О Селме, например. И что вы мне с братом помогаете.

Только теперь он посмотрел мне прямо в глаза.

— Я думал, что твой отец в курсе.

Люсьен трясет забинтованной ногой. Повязка доставляет ему больше неудобств, чем сам порез.

— Так, значит, мы с тобой квиты? — Эмиль протягивает мне руку. — Мои извинения. Я не думал, что дело обстоит вот так.

Я пожал ему руку.

— У меня для тебя еще кое-что есть.

Эмиль заходит к себе в трейлер, а я думаю, что он единственный из тех, кто здесь жил, всегда вытирает ноги.

Вдруг Люсьен хватает меня за ухо и больно его выкручивает.

— Ай, пусти, пусти!

Боль проникает, кажется, до самых корней, которыми мое ухо держится за голову.

Внутри раздается какой-то шум, слышится хлопанье закрывающейся дверцы.

— Ай!

Мне приходится выгнуть запястье Люсьена так сильно, что оно едва не ломается, прежде чем он отпускает меня.

Эмиль застал только конец нашей возни.

— Все нормально?

Я трогаю свое пульсирующее ухо.

— Хрящ иногда может не выдержать. — Он инспектирует ушную раковину, — но твой вроде на месте.

Люсьен уже забыл про меня и, словно под гипнозом, уставился на аквариум, который видно через окно трейлера.

— У вас занавески открыты.

Эмиль только кивает.

— Вот. Пожалуйста.

Эмиль сует мне в руки какую-то прямоугольную коробочку.

- Я же тебе кое-что обещал.
- Это мне? То есть вы больше не сердитесь?
- Открывай.

Коробка плотно завернута в упаковочную бумагу. Там даже имя мое написано, будто бы он купил подарки нескольким людям и без подписи не различил бы, кому что предназначено.

- Это книга, говорю я, разве же это подарок? Но срываю бумагу.
- Я увидел ее в магазине и сразу вспомнил о тебе.
- «Медицинский словарь», читаю я вслух название на обложке.
- Ты задавал мне вопросы по медицине, а я не мог тебе ответить, так что вот. Но если тебе не нравится, я ее кому-нибудь другому подарю, никаких проблем.

— Нет-нет, мне нравится. — Я пытаюсь притвориться, что я в полном восторге от подарка, так что листаю страницы в поисках того, что можно было бы похвалить. — Очень красивый.

Когда Люсьен неожиданно начинает скрести пальцами по его плечу, Эмиль подпрыгивает от испуга.

- Если не хотите, чтобы он вас трогал, просто оттолкните его руку.
- Да нет, все в порядке. Просто не слышал, как он полошел.

Люсьен тянет нас к окну, через которое виден аквариум. Вдруг он бьет по стеклу с такой силой, что мне кажется, оно сейчас треснет.

- Мы, наверное, пойдем еще пройдемся.
- Пойдемте, говорит Эмиль.
- Вы с нами?
- Если можно.

Па уехал совсем недавно, так что я готов рискнуть.

- Куда, как думаешь, он хочет пойти?
- Неважно, просто походим. Пока он снова не устанет.

Надев на Люсьена ботинки, мы направились за ним к баку со стеклом. Эмиль смотрит на руку Люсьена, лежащую у него на плече.

- Больно?
- Ногти у него довольно длинные.

Мы похожи на двух упрямых ослов, пытающихся тянуть Люсьена вперед. Он запыхался и дышит тяжело. Дойдя до бака, мы разрешаем ему кинуть пару бутылок, которые выуживаем из травы и кустов вокруг.

Эмиль радуется тому упоению, с которым Люсьен это делает.

— Ты сам обнаружил, что ему это нравится? Я киваю.

- Молодец.
- Пройдем еще чуть подальше?
- A твой брат справится?
- Давайте попробуем. А если он устанет, то один из нас подождет с ним, пока второй прикатит тачку.

Сверху на электрическом столбе тревожно гудит транзистор, будто целый улей злых ос.

— Там, на другой стороне, есть ручей, и я знаю одно красивое место.

Между деревьев можно разглядеть водные блики. Люсьен радуется звукам вокруг. Обычно вода там течет еле-еле, но после хорошего дождя этот ручеек превращается в бурный поток, от плеска которого даже пить начинает хотеться.

- Спустимся здесь вниз?
- Мне и отсюда хорошо видно.
- Там, подальше, тоже можно. Там спуск не такой крутой.
- Мне кажется, это не очень хорошая идея. Особенно с ним.

Ногой я придавливаю колючую проволоку. Ржавые железки впиваются и прокалывают подошву моих шлепок.

— Может, лучше поищем место где-нибудь тут, в теньке? Так тоже будет отличный вид.

Вдоль дорожки, видимо, совсем недавно косили траву. Когда Эмиль садится, Люсьен сразу же тоже приседает.

- В этом ручье в некоторых местах можно плавать.
  - Ты сюда часто приходишь?

Я киваю.

— Но брата все никак не получалось привести.

Люсьен лежит на спине.

- Вы серьезно собираетесь это сделать? спрашиваю я.
  - Ты о чем?
  - О переезде.

Эмиль щурится на яркое солнце.

- Подумываю об этом. Вообще, я собирался переждать, пока Луиза сменит гнев на милость. Но, кажется, в этот раз она непреклонна, вернуться обратно не получится.
- A вы сами за себя не можете решить, возвращаться вам или нет?

Эмиль отрицательно качает головой.

— А на что она так злится?

В ответ он смеется. Считает, что я задаю слишком много вопросов.

— Вы же такой милый, — говорю я.

Он подносит руку к моей шее и что-то смахивает.

- Что вы делаете?
- Показалось, что слепень на тебя сел.

Потом Эмиль начал выковыривать ногтем что-то из шва своего ботинка.

- Ты единственный, кому я об этом рассказываю...
- И я все равно почти ничего не знаю.
- Запомни меня таким, каким я был, когда мы познакомились. Так будет лучше.

Но как только я хочу спросить, почему он так сказал, он продолжает.

- У Луизы есть полное право не хотеть меня больше видеть.

Эмиль закрывает глаза ладонью.

Какое-то время мы молчим. Люсьен елозит и трется спиной по траве. Лицо у него — одна сплошная улыбка до ушей. Руки и ноги покрыты слоем мелкой желтой пыльны.

В зеркальной дверце шкафчика над раковиной я рассматриваю свое плечо. Полукруглые отпечатки ногтей Люсьена похожи на укус какого-то животного, у которого всего четыре зуба. Вокруг цвет кожи плавно меняется с синего на желтоватый.

Я никак не могу найти кусачки. Есть только бритва па. И пенка для бритья. И красный флакончик с лосьоном. Правда, содержимое его уменьшается только за счет испарения. Па говорит, что хранит его для особенных моментов. И для подружек.

Есть еще банка с презервативами. Иногда па берет ее, встряхивает и так развратно, смеясь, произносит «да-да». Взгляд его должен при этом выражать те остатки сексуальности, которые он еще может наскрести. Сам он это называет «завалить телочку». Но количество презервативов в банке меньше не становится никогда. Их было десять. Один стащил я. В прошлой школе я один раз взял его с собой и надул на перемене. Одноклассники, пара человек, сначала при всех громко смеялись, а потом подходили ко мне и тайком просили померить его в туалете. Это стоило им один евро. После примерки они должны были сполоснуть его под краном, высушить и свернуть как было.

Я беру из банки еще один презерватив и засовываю его в карман плавок. Остальные я перемешиваю, чтобы казалось, что их все еще девять.

— Ну что, — спрашиваю я, — продал что-нибудь? Па показывает мне две бумажки по десять евро. С каждым шагом в кармане его брюк звякает мелочь. Он и не замечает, что Люсьен стоит рядом с кроватью

на улице без посторонней помощи, и мне совсем не приходится его поддерживать. А ведь даже Рико виляет хвостом от гордости за него.

- Смотри, Люсьен стоит сам!
- Отлично, Брай.

Мне хочется рассказать ему об Эмиле, слова уже почти вылетают у меня изо рта. Но я не собираюсь предавать его во второй раз.

Мы вместе затаскиваем вещи в трейлер. Это, помоему, самая грустная часть барахолок. Не то, как вещи лежат на асфальте рядом с нашей машиной, будто их вывалили из мусорного мешка, а вот этот момент. Когда вещи возвращаются назад, разочарованные, что мы от них отказались, но и никому другому они не пригодились.

- Ты, получается, вообще ничего не продал?
- Почему же, продал.
- И что же?

Па косится в сторону ангара.

Дрель.

47

Когда я слышу, как где-то вдалеке тормозит машина, мне кажется, будто это ма с Дидье. Осматриваясь, они бы въехали через ворота. Ма вышла бы из автомобиля и, прежде чем обнять Люсьена, вдавила бы поцелуй мне в макушку. Я бы сказал, что у нас тут все хорошо. И показал бы ей, как мы с ним гуляем. И что с моей помощью у него получается гораздо больше всего. Разных вещей, которые без меня он сделать не может.

Сначала они бы попытались забрать домой только Люсьена. Но как только он заметил бы, что я с ними не еду, он бы начал кричать и размахивать руками. Так что я бы поехал к ним погостить. Надо было бы только быстро захватить кое-что из вещей. Или я бы даже без вещей мог запрыгнуть в машину. Мы бы потом что-нибудь мне купили. А когда Дидье, сидящий за рулем впереди, обернулся ко мне, у него бы было лицо па.

Рико заходится в своей клетке. Машина, которую я услышал еще издалека, и правда приближается. Она даже въезжает на грунтовую дорожку. Я припустил к воротам. Это полицейская машина. За рулем сидит полицейский в очень строгих солнечных очках. Я прячусь в кустах. Машина медленно въезжает в ворота, тормозит у ангара, и мотор глохнет. Двери открываются. На пассажирском сиденье сидит еще один полицейский, которого я сначала не заметил. Они оба проверяют что-то на брючном ремне, поправляют береты и оглядываются по сторонам. Тот, который уже когдато нас задерживал, заходит к Генри. Второй заходит с другой стороны ангара.

Я пулей мчусь к нашему трейлеру.

- Па! Там полиция!
- Черт...

Мы выглядываем на улицу через жалюзи на кухонном окне.

- Чего им тут надо?
- Это тот, который нас с тобой задержал в прошлый раз. Ив.
  - Может, они за Эмилем пришли?
  - С чего бы?
  - Не знаю. Может, он что-нибудь натворил.

Оба полицейских вернулись к машине и переговариваются через крышу, перед тем как сесть внутрь.

- Нет, нет, нет. Так па пытается отогнать их, чтобы они к нам не зашли. Но они все равно направляются сюда и останавливаются рядом с пикапом.
  - Черт побери.
- А ты уже сделал, что ты там обещал ему сделать с машиной?
- И когда же я должен был этим заниматься? А? Полицейский в солнечных очках снова вылезает из машины. Рико лает не переставая.
  - Может, твоя ма это устроила? Или Сантос этот?
  - Они что, приехали за Люсьеном?
  - Меня нет дома, бросает па.
  - А меня?
  - Иди открой дверь. И скажи, что я уехал. Давай!

Ив снимает очки и заглядывает в кузов нашего пикапа. Затем замечает уличную кровать Люсьена.

- А па уехал, говорю я. Он поворачивается в мою сторону.
- Вы тут постоянно живете? дружелюбно спрашивает он.
  - В смысле?
  - Да так, просто интересуюсь.
  - Это не ваше дело.
  - Ну-ну. А кто спит в той кровати?
  - Никто.
  - Почему же она тогда тут стоит?
  - Это моя ма вам позвонила?
- Я хочу поговорить с твоим отцом. Позови его, пожалуйста.
  - Я же сказал, его нет дома.
  - Правда?
  - Да.
  - А ваши соседи сказали мне, что он здесь.

— Врут они все.

Ив засовывает большие пальцы за петельки для ремня и пинает ногой кочку.

- А почему его машина здесь стоит?
- Он пешком ушел.
- Морис! закричал он. Надо поговорить, выхоли! На тебя снова жаловались!

Он бесцеремонно забирается на подножку и хочет протиснуться мимо меня внутрь.

- Валите отсюда! кричу я ему прямо в лицо. Капелька слюны разбивается о его щеку.
  - Да успокойся ты.
- Вы не можете вот так вот взять и зайти к нам в дом! Ив не отходит и стоит слишком близко ко мне, он снова надел очки. В отражении стекол я вижу себя. И чувствую его дыхание с запахом жевательной резинки. От этой жары виски у него блестят от пота. Он сжимает губы в трубочку, языком вытаскивает что-то, что застряло между зубов, и отступает на шаг назал.
  - Скажи своему отцу, что я заезжал.

Через окно над кроватью Люсьена он пытается заглянуть внутрь.

- Хотя в этом нет необходимости.
- В смысле?
- Морис! Думаю, ты меня слышал!

Па вышел, как только они уехали. Генри и Жан тоже появляются у входа в ангар. Я жду, что они направятся к нам. Но они не подходят. Они просто стоят там и смотрят на нас.

— Эти придурки только и рады разболтать, что я дома. Па все еще бесится по поводу приезда Ива и гадает, кто бы мог на него пожаловаться.

- Ну не съемщик же ему звякнул?
- Зачем ему это?
- A мне почем знать, о чем вы двое там шушукаетесь.

Па смотрит на трейлер, где живет Эмиль, так, будто хочет воспламенить его одним взглядом.

48

Сквозь карман шорт я чувствую острый краешек пластиковой упаковки презерватива. Чем глубже я вдавливаю его себе под ногти, тем больше успокаиваюсь. Я должен ждать па в машине вместе с Люсьеном. Он пошел к Сантосу. Люсьен задремал, а я решил проверить, крепко ли он пристегнут. Этот ремень он сам ни за что не отстегнет. Если сделать все очень быстро, па даже и не заметит, что я был у Селмы.

«Давай же! — подбадриваю я сам себя. — Мигом же обернусь». Но когда я уже на середине парковки, па выходит из главного входа в здание. Раздражен он еще больше, чем до того, как туда вошел. Я притворяюсь, что шел ему навстречу.

- Ну что? спрашиваю я максимально будничным тоном.
- Это все твоя ма... говорит он, качая головой. С ее подачи господин Сантос решил, что к нам должна прийти проверка. Пока мы ее не пройдем, денег он нам не ласт.

Сев за руль, он пару раз изо всех сил ударяет по рулю и только потом заводит мотор. Раздается рев двигателя.

Когда мы, трясясь на ухабах, въезжаем на нашу территорию, уже стемнело. Мы колесили вокруг без остановки, пока указатель бензина не добрался до красной критической отметки, а я не решался спросить, зачем мы это лелаем.

Я помогаю Люсьену выбраться из салона. От его волос на стекле с пассажирской стороны остаются жирные следы. На его уличной кровати стоит пластиковый пакет. Па замечает его первым.

- Это что еще?
- Я откуда знаю.

Пакет целиком забит пустыми бутылками.

— Это что, шутка?

Па вытаскивает листок бумаги и читает то, что написано на обороте. Там заглавными буквами выведено мое имя. Па смотрит на меня, а его зрачки превращаются в два острых дротика.

Мне хочется выхватить записку у него из рук, но он смял ее в плотный бумажный шарик. Зайдя внутрь, он берет фонарик.

- Ты, иди за мной.
- Зачем? Эти бутылки ведь для Люсьена?

Он хватает меня за плечо.

— Ты же у нас любишь беседовать с постояльцами? Он толкает меня перед собой. Я пытаюсь упираться, но он просто поднимает меня выше и тащит за собой на весу.

— Не бей его! — сдавленно прошу я. — Он ничего не сделал! Мы просто немного прошлись с Люсьеном!

Когда па светит фонариком на трейлер Эмиля, кажется, что занавески на окнах шевелятся. Но это, конечно, только тени, которые уползают в складки ткани. Вместо того чтобы ворваться внутрь, он останавливается перед дверью.

— Ты мне поможешь, — почти беззвучно произносит он, оправляя на мне футболку. — Давай-ка вместе любезно побеседуем с твоим другом.

Эмиль уже и сам в легком замешательстве открывает дверь.

- Что-то случилось? Я думал, срок следующего платежа еще не пришел.
- Мы зайдем ненадолго, говорит па. Это его неожиданное дружелюбие меня пугает, или здесь только Брайану рады?
- Нет, конечно. Просто я не ждал столь позднего визита.

Па подталкивает меня к угловому диванчику. Когда мы садимся, по темной воде в аквариуме пробегает легкая рябь. Рыбьи глаза блестят между растениями, отражая свет.

- Предложить вам что-нибудь выпить?
- Мы уже выпили кофе. Так ведь, Брай?
- А для Брайана у меня есть...

Эмиль показывает мне банку энергетика.

- Он ничего не хочет.
- Понятно, произносит Эмиль с сомнением в голосе, но потом кладет напиток обратно в холодильник.
  - Что ты вчера подарил этим, Генри и Жану?
  - Абсент «Перно».
  - Вот его мне и плесни.

Эмиль ищет чистый стакан.

— А рыбки твои уже спят?

Па отталкивает меня в сторону, прижимается носом к стеклу аквариума и стучит по нему костяшками пальцев.

 Они наверняка устали вот так вот плавать тудасюда.

Но не успел Эмиль хоть что-то ответить, па резко выпрямился и буквально ринулся на кухню.

- Смотри-ка, какая отличная рюмка тут стоит!
- Я из нее пил уже. Опрокинул рюмочку на сон грядущий, так сказать. Нервная улыбочка тут же появляется на лице Эмиля. Это для меня особенная рюмка.
- Понимаю, понимаю, отвечает па. Очень осторожно он берет ее за ножку двумя пальцами. С красивыми вещами мы особенно осторожны, так ведь, Брай?

Он щелкает ногтем по краю стекла.

- Хрустальная или нет?
- Она досталась мне в наследство. От моего дедушки. Ему подарила ее на свадьбу моя бабушка.
- Ну-ну, говорит па. Наследство, значит. Первое, что мы берем с собой при срочной эвакуации.
  - Не возражаете, если я налью вам в другой бокал?
  - Отлично, я не против.

Быстрым движением руки па отправляет рюмку к самому краю стола. Она скользит по столешнице слишком быстро.

— Хотя не ищи, давай в эту и до краев.

Эмиль медлит, но затем начинает наполнять рюмку.

— Давай в темпе, дружище.

Па берется за дно бутылки и толкает его наверх. На стол проливается столько же абсента, сколько попадает в рюмку.

— Вот так гостей и обслуживают.

Он засосал губами лужицу со стола.

— А сам не будешь?

Эмиль садится напротив нас. Я пытаюсь поймать его взгляд, но он смотрит только прямо перед собой. От стекла его наручных часов на потолке пляшет дрожащий блик света.

- Ну что? спрашивает па.
- Простите?

- Генри и Жан не беспокоили?
- Эм, нет.

Па как бы взвешивает слова Эмиля.

— Ну да, отчего бы им тебя беспокоить?

Рюмка уже почти опустела.

- Но после твоего ухода они совсем разошлись.
- В каком смысле?
- Как бы это сказать. О тебе истории всякие ходят.

Сложив из ладоней крылышки, па как бы облетел комнату, изображая невидимые сплетни.

Теперь Эмиль посмотрел на меня так, будто ему требовался переводчик. Я только утвердительно покивал.

- Я же предупреждал, чтобы ты держался от них полальше.
- Они меня пригласили. Ничего страшного я в этом не увидел.
  - Ничего страшного, значит, не увидел.

Он крутит ножку рюмки между большим и указательным пальцами. Внизу на старом стекле виднеются цветные пятнышки.

- Именно.
- Ладно, давай я буду с тобой откровенен. Па сменил позу. Они сами себя накручивают. Понял? И друг друга тоже.
- A в чем проблема? Я вчера что-то ничего не заметил.
- Слушай. Па навис над столом. Ты мужик и живешь тут один. Целыми днями просиживаешь за закрытыми занавесками в духоте, будто тебе есть что скрывать. Бабла у тебя завались, но ты почему-то приехал сюда. К тому же парни-то видят, что, как только я выезжаю за ворота, ты тут с Брайаном пытаешься задружиться. А теперь сложи два и два.

Эмиль сглотнул.

- Я заплатил вам, сколько вы просили, и ни перед кем оправдываться не обязан.
- Можешь так думать, но если им что втемяшилось, то это уже не выбьешь. Под столом он толкнул меня коленкой. Или можно их переубедить, Брай?

Я не хочу, но все равно киваю в подтверждение сказанного.

- Так что не отталкивал бы ты руку помощи.
- Помоши?
- Ну да, хорошо иметь кого-то, кто эти сплетни о тебе может опровергнуть. Па вытаскивает из виска невидимую пробку. Вычистить все эти гнилые мыслишки вон из головы. Пока они не начали подванивать.

Эмиль теребит застежку наручных часов.

- Может, мне самому лучше с ними поговорить?
- А вот этого как раз лучше не делать.
- Вчера вечером все было нормально.
- Давай-ка мы все уладим, ладно?
- Это же чушь какая-то... бормочет Эмиль. Брайан?
  - Сына моего в это не втягивай.

Па роется в нагрудном кармане, достает оттуда шуруп и ставит его на стол шляпкой вниз.

- Я поищу другое место.
- Нет. Па жестом показывает, чтобы он не вставал, хотя Эмиль в общем-то и не собирался. Не нужно.
- Не уезжайте, подал я голос и для убедительности покачал головой.
- Мне все это не нравится, Брайан. Но мне кажется, будет лучше, если я уеду.
- Никуда ты не поедешь, говорит па. Мы тебе поможем.

Подушечкой указательного пальца па нажимает на острый кончик шурупа. Он смотрит на свой палец, прижимает его посильнее и поднимает шуруп вверх, пока тот сам собой не палает на пол.

— Ну что, договорились?

Он протягивает Эмилю руку. Тот никак не реагирует.

— A? — настаивает па. На кончике пальца у него блестит капелька крови. — Договорились?

Эмиль нерешительно вкладывает свою руку в его.

- Ну, другое дело, - говорит па. - Мягкие у тебя руки какие.

Когда Эмиль пытается отнять руку, па не отпускает.

— Начнем, пожалуй, с сотки евро.

Эмиль пытается вырваться, но па держит его за запястье.

- Сотка. Он продолжает неотрывно смотреть на него с каким-то угрожающим дружелюбием. В неделю.
  - Ладно, сдается Эмиль.

Хватка па ослабла, но руку он не отпустил.

— Тогда гони деньги.

49

От усталости, спрятавшейся где-то за глазными яблоками, щиплет глаза, а Люсьен с самого рассвета уже раскачивается в кровати и мычит, пытаясь привлечь мое внимание. Но меня это не раздражает. Сегодня я поеду к Селме. Я уже оделся, но отправляться в семь утра еще рановато. Чтобы занять Люсьена, пока он в кровати, я чищу ему зубы. Он кусает пластиковую щетину и вырывает пучки из щетки. Тогда я вкладываю ему в каждую руку по игрушечной машинке.

— Давай, сейчас я тебя подниму.

Так даже обувание проходит проще.

Пару шагов спустя он вдруг начинает пружинить, приседая, словно какой-то дедушка на утренней гимнастике. Пока я ищу свои шлепки, он шебуршит над розеткой рядом с дверным косяком. Вдруг одним сильным движением он вырывает из стены всю штепсельную коробку целиком вместе с проводами.

— Не трогай! — Я выбиваю ее у него из рук. — Иди на улицу! Там Рико.

Но Люсьен теперь не может оторваться от проводов.

— Му-ва-ва там на улице. Он тебя ждет.

Люсьен выходит из комнаты, пока я пытаюсь запихнуть розетку и все остальное обратно. Па спит в кресле. Лицо у него такое же бледное, как и подошвы босых ног. Люсьен лупит себя ладонью в затылок. С трудом па продирает глаза, кашляет и проваливается обратно в сон.

- Пойдем феффе, шепчу я Люсьену.
- Му-ва-ва! орет он во все горло.
- Рико пойдет с нами.

Мне нужно, чтобы Люсьен уходился и проспал остаток утра. Потому что па за ним точно присматривать не будет.

Люсьен помнит дорогу к мусорке для стекла и сам подталкивает меня в ту сторону. На тот случай, если мой брат вдруг откажется идти дальше, я прихватил с собой тачку. В кузове звякают бутылки, припасенные Эмилем. Сам он тоже уже проснулся. Багажник его автомобиля открыт. Я бы к нему подошел, но, когда па здесь, не решаюсь.

Рико каждый раз отбегает на пару метров перед Люсьеном и ждет, пока мы подойдем. А если Люсьен останавливается, увидев что-то в небе, то Рико просто садится с ним рядом.

Запас бутылок исчезает в баке гораздо быстрее, чем я рассчитывал.

- Кончились, говорю я после того, как последняя бутылка угодила в цель.
  - Феффе! заныл он.
  - Говорю же, больше нет.

Он подтягивается за заляпанный край бака, заглядывает внутрь и кричит:

- Феффе!
- Нет, нельзя туда рукой лезть. Ты порежешься.

Вдруг он зашагал. Даже не держась за меня. В сторону дороги.

— Осторожно! — Я пошел за ним. Кузов тачки громыхает на каждой кочке или ямке. — Тут грузовики ездят.

Мы вместе переходим через асфальт.

На другой стороне дороги он снова кладет мне руку на плечо, с любопытством смотря вниз, на ручеек, протекающий метрах в десяти под нами. Рико уже с треском пробирается между деревьев. Люсьен хочет пойти за ним следом. Я тут же вспоминаю, что Эмиль посчитал это слишком опасным для моего брата. Люсьен прижимается ногами к ржавой колючей проволоке. Рико лает в нашу сторону.

— Ладно, но только тогда держись за меня крепко.

Мы передвигаемся от дерева к дереву. К счастью, на нем его крепкие ботинки. А я в шлепках иногда поскальзываюсь на мшистых камнях между папоротниками и на куче сваленных здесь огрызков шифера.

Рико высоко подпрыгивает в воде, подает голос, поторапливая нас, и в следующую секунду уже гонится за стрекозой.

Люсьен тоже хочет залезть в воду.

Подожди, давай сначала я. Тогда я тебя оттуда поддержу.

Ручей просто ледяной, вокруг ног у меня начинают закручиваться водяные воронки. Я стараюсь найти равновесие, ступая по неровному дну и одновременно пытаясь не дать Люсьену залезть в воду. Он уже больше не может ждать и норовит просто упасть вперед, прямо в ручей.

— Так нельзя. Сначала присядь.

Тогда я перетягиваю его ноги через камень и опускаю их в воду. Ботинки моментально промокают, а лицо все перекашивается.

— Холодно, да?

Я осторожно стягиваю его с камня, и мы оба оказываемся в воде лицом друг к другу. Ручей доходит ему чуть выше колен. Обычно это я удерживаю его руки, но сейчас он сам ухватился за меня. Люсьен топает и трясет ботинками, пытаясь прогнать холод. А Рико плещется и брызгается неподалеку.

Люсьен пытается сесть на воду. Пару раз он немного окунает в воду подгузник. По изменившемуся дыханию я понимаю, что ему и страшно, и интересно, а еще он двигает бедрами влево-вправо, выражая свое удовольствие. А может быть, чтобы стряхнуть холол.

Вдруг он снова повисает у меня на руках.

— Тише-тише, так я тебя не удержу.

Тут он сильно дергает меня за плечо, и мы падаем. Под водой я чувствую его руки, как он царапает меня ногтями, подошвы его ботинок. Ощущая во рту привкус воды, я выныриваю на поверхность. Брызги.

— Только не утони! — кричу я ему. Коленкой я натыкаюсь на что-то острое на дне. К счастью, мне удается помочь Люсьену встать. — Ты в порядке?

Он в порядке.

— Нам надо возвращаться.

У меня сейчас такое чувство, будто я его вместе с инвалидным креслом столкнул с обрыва.

— Все-таки это была не очень хорошая идея.

Его пальцы ползут по моей мокрой спине, словно краб перебирает своими ножками. Затем он обхватывает меня обеими руками, беря в тиски. Я даже не могу пошевелить руками.

— Не делай мне больно, — строго говорю я. Я вызволяю из его объятий руки. Люсьен кладет голову мне на плечо. Кажется, прямо в ухе, я слышу, как он скрежещет зубами. — Не кусайся.

Он дрожит, обтекает, тяжело дышит.

Я неуверенно приобнимаю его руками, чувствуя, как из-под мокрой майки выступают острые позвонки. Бугорки тянутся вверх до самой шеи. На всякий случай я запускаю пальцы ему в волосы на затылке. Если будет нужно, я смогу оттянуть его голову за волосы назад.

— Это если ты меня вдруг укусишь, — шепчу я. Рико вылез на берег неподалеку от нас и стряхивает с себя воду, стоя среди папоротников.

Свободной рукой я глажу Люсьена по спине. Он позволяет мне погладить его и по ямочке на шее, устало прижимая свою голову к моей. Я держу его чуть крепче и слышу, как выравнивается его дыхание.

Так мы там и стоим.

Если бы сейчас кто-то проехал по дорожке сверху, то он смог бы разглядеть между деревьев двух мальчиков по колено в ручье. И ему бы показалось, что мы обнимаемся.

— Ты мой брат, — говорю я. — Мы — братья.

Люсьен спит очень крепко. У подушки стоит его кружка с водой. Па уехал, не сказав куда. Он даже не заметил, что вся наша одежда насквозь промокла. Ботинки Люсьена сохнут в траве, а одежда растянута на крыше собачьей клетки, и с нее все еще капает вода.

В баке моего мопеда еще достаточно бензина, чтобы съездить к Селме и вернуться обратно. Зажав шлем между коленями, я, подпрыгивая на неровностях, подъезжаю к трейлеру Эмиля.

- Привет! кричу я ему. Эмиль выходит. Я хочу сказать ему что-то о том, что вчера произошло, но не знаю, что именно.
- Привет! еще раз выкрикиваю я и пару раз поддаю газа, давая ему этим понять, что я не намерен здесь задерживаться. Мне надо ненадолго уехать.
  - -0...
  - Так что мой брат остается тут один. Но он спит.
  - А это безопасно? Он не может уйти и заблудиться?
- А вы можете за ним одним глазом присмотреть? Больше ничего и не нужно. Я его так уходил, он спит как убитый.

Эмиль только качает головой, потом говорит:

- Не думаю, что это хорошая идея. После всего, что вчера сказал твой отец.
- Па уехал на все утро. А Люсьен правда очень крепко спит. Честно. Мы бросали бутылки, которые вы нам дали. А потом даже искупались в ручье. И это было совсем не опасно.

Только сейчас я заметил кофемашину на заднем сиденье его автомобиля, рядом с часами. А еще там подушка и коробка для переезда, еще не закрытая.

— А что вы делаете?

В трейлере уже приготовлена следующая коробка. Аквариум все еще стоит у него на столе.

Я уезжаю.

Я даже роняю свой мопед.

— Уезжаете?

Эмиль кивает.

- Это из-за вчерашнего? Я не хотел, чтобы он вам все это говорил. Я ему о Луизе ничего больше не рассказывал.
  - Я знаю.
  - Обещаю, я верну вам деньги.
  - Дело не в этом.
- Вам нельзя уезжать. Мне нравится, что вы здесь живете. Мы можем чаще ходить гулять, если хотите.
- Очень мило с твоей стороны, но я уже принял решение.

Я ковыряю поролоновую подкладку шлема.

- A как же рыбки? Вы аквариум что, здесь оставляете?
  - Нет, но его я загружу последним.
  - И мы больше никогда не увидимся?
  - Конечно, увидимся.

Я знаю, что он врет, но мне хочется ему верить, от этого как-то легче, не так плохо. Мы оба немного молчим.

- Ты к девушке своей хотел поехать?
- Я ей обещал.

Эмиль вздыхает.

- Я могу немного подождать.
- Чего?
- Твоего возвращения.
- И присмотрите за Люсьеном?
- Если только ты четко скажешь мне, что я должен делать.

Мне захотелось его обнять. Я быстро завожу мотор и натягиваю шлем.

— Вам надо время от времени поглядывать. Отсюда. Из окна смотреть. И все. А если он вдруг выйдет на улицу, вам просто нужно положить его руку себе на плечо, и тогда он пойдет за вами. А у вас есть еще пустые бутылки?

Эмиль отрицательно покачал головой.

— А что твой отец? Неприятности мне не нужны.

Я поддаю газу, пока он не передумал.

— Я вернусь раньше, чем он.

В подтверждение я плюю на траву между двух пальцев.

— До скорого!

51

Селма стоит у главного входа.

— Откуда ты знала, что я приеду?

Я осматриваю вестибюль, за стойкой регистрации никого. Если мы быстро проскочим, никто и не заметит, что я вошел внутрь.

- Это секрет, шепчет она в ответ.
- Что?
- На гор-шок!

Нино тоже здесь.

- A он не может где-нибудь в другом месте подождать?
  - Нино мне друг.
  - Но я же специально приехал! К тебе, а не к нему!

Я не верю, что он и правда слепой. Своими злыми глазками он постоянно зыркает в мою сторону.

Проходя мимо бывшей комнаты Люсьена, я мельком заглядываю внутрь. Место, где раньше стояла кровать

Хенкельманна, — это будто освободившееся парковочное место между двумя тумбочками. Но его светящаяся елка все еще там.

— Он умер?

Селма, кажется, меня не слышит. Двери лифта открываются. Наверное, кто-то показал ей, как работают кнопки. Нино идет с ней до самого лифта.

— Пойдем, пойдем, — зовет она его.

Двери закрываются. Селма задумалась, хоть кнопки там всего две. Я быстро жму на верхнюю.

Может быть, Хенкельманн не умер, а просто переехал в комнату потише, чтобы там спрятаться от смерти. Или его переселили, потому что он вдруг неожиданно выздоровел. Но на доске рядом с лифтом висит его фотография. Чьи-то руки прижимают к его щеке морскую свинку. Почти такое же фото висело и на магнитной доске у кровати Люсьена. Может, это даже одна и та же морская свинка. «Чуть-чуть не дожил до сорока» — написано там. И что по нему будут очень скучать.

Селме не терпится. Она тащит меня за собой, и я покорно вхожу в широкие двери туалета.

— Будем животиться?

Она уже внутри. Нино следует за ней.

- А разве он не может остаться в коридоре?
- Нет, отрезала Селма.

Как можно незаметнее я надавливаю каблуком ботинка на пальцы Нино, чтобы он почувствовал, как сильно я не хочу его здесь видеть. Но он намека не понимает.

Я сжимаю пластиковый квадратик в кармане брюк, и резиновое колечко внутри скользит туда-сюда. Только после моего обещания в следующий раз привезти ей энергетик Селма соглашается, что Нино может подождать снаружи.

Как только дверь закрывается, я снимаю рубашку. Селма не раздевается.

- Гладить, говорит она. Ей хочется, чтобы я сначала дотронулся до ее живота руками. Пальцами я сжимаю прохладную кожу у нее над бедрами.
  - Нельзя.
  - Что?
- Вот так гладить. Она направляет мои руки к своему пупку. Чувствуешь?
  - Да.

Я думал, она имеет в виду, чувствую ли я, какой мягкий у нее живот. Я рисую руками круги, дохожу до косточек ее бюстгальтера.

- Не туда, дурачок. Вни-и-и-из.
- Злесь?
- Мош быть...
- A здесь?

Я надеюсь, что мы еще будем животиться.

— Чувствуешь?

Она так сосредоточилась и от этого так крепко сжала веки, что я практически не вижу ее ресниц.

— Там такое...

Из коридора раздается гудение Нино.

— Что там? Что я должен почувствовать?

Ручка двери дергается.

- Tc-c-c! шикает она и прогибается в спине так, что ее живот еще больше выпирает вперед. Дети.
  - Что?

Я отдергиваю руки, будто схватился за провод под напряжением. Селма смотрит на меня с испугом. Но потом улыбается широкой довольной улыбкой.

- Дурачок...
- Нет! почти кричу я. Неправда!
- Правда, дурачок.

Она крутится, как в пируэте, красуясь передо мной.

- Откуда же там взялся ребенок?
- От того, что мы животились. Два ребеночка, близнецы.
- От того, что мы животились? Дети появляются только после того, как сделаешь ЭТО! Без презерватива.
- Не-е-ет. Детки живут тут... она прижимает указательный палец к пупку. — Если животиться, — захихикала она.
- А ты еще с кем-нибудь животилась? Нино поэтому твой друг, да?
  - Нет, дурачок. Только с тобой.
- Отпусти меня. Никого там нет. Тебе вообще нельзя иметь детей.
- Есть! с дрожью в голосе кричит она в ответ. Я чувствую!
  - А ты кому-нибудь уже рассказала об этом?
  - Всем!
  - Всем?

И тут она начинает перечислять, кому:

— Нино. Женщине за компьютером. Субиде. Учителю хольбы...

Но я уже ничего больше не слышу.

— Мы можем вместе, только если никто не видит, — продолжает она. — Хорошим будь, — просит, — хорошим будь.

Я чувствую запах шампуня у нее на волосах, ощущаю тепло ее живота, когда он прикасается к моему. Затем прижимаю ее спиной к двери туалета.

- Пли-и-и-из?
- Ты просто... Я не знаю, как это назвать. Думаю, тебе нельзя иметь детей.

В дверь стучат чем-то тяжелым.

— Кто здесь? — стучат еще раз. — У вас там всё в порядке?

Селма боится.

- Подойди, пожалуйста, раздается еще один голос, но обращаются уже не к нам. Можешь Нино отвести?
  - Да-да, иду.

Слышится скрип подошв и что-то неразборчивое влалеке.

- Нино, а ну отпусти.
- Селма, ты там?
- Да, практически беззвучно отвечает она.
- Tc-c-c, шикаю я.
- Селма? Это я, Зубида. Можешь открыть дверь? Тишина.
- Селма, ты там одна?

Другого выхода отсюда нет, а шкафчики слишком малы, чтобы я смог там спрятаться.

- Тут все нормально, пытаюсь как можно строже произнести я. Селмы тут нет.
  - -Я вхожу.

Слышится звяканье связки ключей, возня с замком.

— Не входите!

Но в этот же момент дверь распахивается.

Сначала Зубида видит меня. Потом замечает Селму. Футболка у нее задралась до самого лифчика, она испуганно уставилась в пол. Кажется, что голова стала непосильно тяжелой для ее шеи.

- Она неожиданно вошла. Я был в туалете. И она все равно вошла. Как вы только что!
  - Оставь вот это вот при себе, отрезала она.
  - Но я не вру!
  - А ты, значит, всегда без рубашки писаешь?

Я смотрю на свой голый живот.

- Так это, значит, ты был!
- Вы о чем?

— Селма уже несколько дней говорит о детках. С каким-то тайным братом. Я еще подумала о тебе, но мне казалось, что ты не мог бы выкинуть такое.

Трясущимися кулачками Селма трет глаза и падает в объятия Зубиды.

- Ты не должна так делать, милая. Ты же ведь это знаешь? Мы же с тобой договорились.
  - Мы ничего не сделали! Это все она начала!
  - Придержи язык!

Зубида оправляет футболку Селмы и выводит ее в коридор.

- Давай, одевайся!
- Это была ее илея!
- Сюда иди. Нам нужно побеседовать.

Селма стоит в коридоре, уставившись в пол. Носки ее туфель смотрят друг на друга. Язычки липучек закручиваются на концах.

- Я ей тоже понравился.
- Конечно, ты ей понравился.
- Ей девятнадцать.
- С девочками, как Селма, все немного по-другому.
   Мне же тебе это не надо объяснять?
  - Она не похожа на других девочек.
  - Ну вот, тогда ты понимаешь, что я имею в виду.
- Нет, я в том смысле... Она как... как Селма. Она такая одна.
  - Так нельзя. И точка.

Почти из-за каждой двери выглядывают любопытные пациенты, не стараясь остаться незамеченными. Двойные двери в конце коридора распахиваются, и на нас надвигается Тибаут.

- Ты больше к Селме не подойдешь. Понял?
- Ну скажи ты им что-нибудь, прошу я Селму. На линолеум рядом с ее ногой падает капля. И еще несколько. Это не слезы.

- Отведи Селму, пожалуйста, в ее комнату, просит Зубида Тибаута через плечо. Ей надо поменять штаны.
  - Конечно.

Селма покорно дает себя увести, закрывая лицо руками.

- Чтобы я тебя никогда больше рядом с ней не видела. Я ясно выражаюсь?
  - И нам нельзя...
- Нет, перебила она меня. И чтобы я тебя вообще здесь больше не видела.
  - Но я же не...
  - Никаких но. Иначе все расскажу твоему отцу.
- Если вы это сделаете, взорвался я, то я всем расскажу, что вы тут людей убиваете! Всеми этими таблетками, которыми вы их кормите! Хенкельманн...
- Послушай-ка меня хорошенько... говорит Зубида.
- Зачем это? Люсьен все равно сюда никогда больше не вернется!

Вдруг Селма разворачивается и кричит:

— Нино-о-о-о!

Он стоит дальше по коридору. Она вырывается из рук Тибаута. Тот хочет ее догнать, но Зубида жестом показывает не бежать за ней.

Селма берет лицо Нино в руки, проводит большими пальцами ему под глазами, а потом прижимается к нему всем телом, пока он злобно разглядывает потолок. Не говоря ни слова, вообще ничего не делая, просто стоя рядом, Нино ее успокаивает.

Автобус с пациентами сигналит мне, когда я, виляя, выезжаю с территории через ворота. Стрелочка

на спидометре, дрожа, подползает к отметке пятьдесят. За один присест я, не останавливаясь, добежал от Селмы до мопеда. Я хватаюсь за руль, наклоняюсь вперед и сжимаю покрепче зубы, будто от этого смогу ехать еще быстрее. Глаза мне застилают слезы, и все расплывается, но я боюсь отпустить руль, чтобы вытереть их.

Дорога через лес кажется гораздо длиннее, чем на пути туда.

Мне навстречу едут грузовики, мимо проносится автобус. А потом легковая машина. Слишком поздно я замечаю, что это наш пикап. От испуга я выворачиваю руль в сторону, проезжаю по острому краю асфальта у обочины и снова выезжаю на проезжую часть. Па меня, к счастью, не заметил. Во всяком случае, я так думал.

Позади меня завизжали шины. Это па разворачивает машину через обочину. Затем он бросается за мной, как чудовище, которое хочет раздавить меня. Я надеюсь на лесную тропку, куда я мог бы свернуть. Быстрее, быстрее. Но мопеду не разогнаться больше пятидесяти километров в час.

Па догнал меня и что-то кричит, но я не могу разобрать слов. *Смотри вперед. Смотри вперед.* Но я все-таки поворачиваю голову. В его взгляде кипит вся злость, какая в нем только есть. Пикап рванул вперед.

— Па-а-а-а-а! — кричу я. — Мне надо было уехать, — продолжаю я врать уже самому себе. — Я хотел забрать лекарства, но они мне не дали.

От того, как прерывисто я дышу, кажется, что в шлеме я не один.

— Я поехал забрать деньги за Люсьена. Я хотел тебе помочь.

Если поехать коротким путем по пожарной просеке через лес, то, может, удастся его обогнать.

Пикап стоит у трейлера Эмиля, я мчусь туда. Под окном на траве сидит Люсьен. Па нигде не видно. Я спрыгиваю с мопеда и стаскиваю с головы шлем.

Слышно, как внутри па и Эмиль ругаются.

- И что, я должен в это поверить?
- Спросите Брайана, когда он вернется.

Голова Люсьена уже саднит оттого, что он все бьется и бьется о стенку трейлера. У меня не получается его оттащить, кажется, он хочет делать себе больно.

- Я взял вашего сына за руку, только чтобы он не причинил вреда! Он хотел рыбок посмотреть.
- Ах так? в голосе па звучит смесь злости и насмешки. Он так и сказал, наверное: «Хочу ваших рыбок посмотреть».
- Скажите вообще спасибо, что я за ним присмотрел. Сами-то, видно, не справляетесь.

На голове у Люсьена выступила кровь, и с каждым ударом он размазывает ее по волосам.

- Хватит, прекрати, прошу я его. Лучше пусть он мне делает больно, только не себе. Но он от меня уворачивается.
  - Да что вы за отец-то такой?
- Не суй свой нос в мою жизнь. И уж держись подальше от моих мальчиков!
- Тогда начните о них заботиться как следует. Как вы считаете, что это Брайан приходит ко мне постоянно? Да потому что отец вы никчемный.
  - Да как ты вообще смеешь...
- Уберите руки! кричит Эмиль, внутри слышатся шаги и возня. Отпустите!
- Не подходи к моим мальчикам! Или, считай, ты покойник.

- Вот только не надо мне угрожать, говорит Эмиль, я уже уезжаю.
  - Никуда ты не поедешь.

Опять слышатся шаги и скрип деревянного пола.

— Нет-нет-нет... только не аквариум.

В голосе Эмиля слышатся панические нотки. Сразу же раздается глухой удар и плеск воды. Я бросаюсь к двери и вижу, как Эмиль падает спиной на стол, который накреняется вперед и вниз. Аквариума нет, остался только мерцающий голубой свет.

Па замахивается и бьет его кулаком.

- Не надо! кричу я. Эмиль пытается отпихнуть от себя голову па. Оставь Эмиля в покое!
  - Стой там, рычит в ответ па, за братом следи!

С кухонной поверхности я хватаю только что вымытую бутылку. Я хочу, чтобы па было больно. Подкосить его. Поставить на колени. И я быю изо всех сил. Он отпускает Эмиля. Зажмурив глаза, я продолжаю размахивать бутылкой в воздухе. Я готов бить его так долго, пока он не станет умолять меня остановиться, пока он не поднимется и не обнимет меня. Но этого он не делает. Вместо мольбы он оттаскивает меня назад. Все, чего я добился, — несильно задел его по носу. А у Эмиля из-за уха хлещет кровь. Голову он держит немного вбок. Это что, я его так?

Вдруг наступает тишина.

Кажется, что даже кровотечение на секунду останавливается. Только рыбки продолжают подпрыгивать в лужице на полу. Волосы Эмиля быстро темнеют от впитавшейся в них крови, которая теперь окрашивает алым и рубашку.

- Брось бутылку! кричит мне па. Ты его убил!
- Нет!
- Черт, Брай! Твою ж мать!
- Это не я, еле выдавливаю я слова. Я этого не делал.

Я роняю острое горлышко бутылки на пол. Вдруг у нашего трейлера откуда ни возьмись возникает Генри.

— Морис, это что тут такое?

Па сглатывает, трясет головой.

— Ничего. Так, мелочи.

Он дергает Эмиля за руку.

— Мы уже все решили. Иди отсюда! Не входи!

Кровь Эмиля остается и на рубашке па.

Свали с дороги!

Генри отталкивает отца. Подошвы чавкают по мокрому полу, давя рыбок.

— Он умрет, — всхлипываю я, — точно умрет.

Генри садится рядом с Эмилем на колени, щупает пульс на шее.

— Еше живой.

Он осторожно переворачивает его на спину. Глаза у Эмиля закатились наверх.

- Ему срочно нужно в больницу.
- Нет, встрял па, в больницу нельзя.

Жан тоже уже здесь. Вместе с Генри они выносят Эмиля на улицу. Там Люсьен сучит ногами и сражается с травой. Голова у Эмиля так сильно запрокинута назад, что кажется, сейчас оторвется. Сначала они хотят положить его на переднее сиденье нашего пикапа. Но тогда там не будет места даже для водителя.

- Давай в его машину, командует Генри и вытаскивает ключи у Эмиля из кармана брюк. Па начинает понимать, что надо что-то делать.
- Да, кладите в его машину, говорит он. Надо его отсюда увезти.
  - Открой заднюю дверь, кричит мне Генри.
  - Нет, не надо, встревает па, кровь будет видно.
  - Заткнись, Морис!

Генри залезает в машину спиной вперед и затаскивает Эмиля на заднее сиденье. Я обегаю машину

с другой стороны, чтобы открыть противоположную дверь. Оттуда вываливается коробка с вещами. За ней летят часы, фальшиво играя какую-то мелодию, а за ними и кофемашина. Потом вылезает Генри. Эмиль лежит внутри, у него трясутся колени и все тело сводит судорогой.

Тяжело дыша, Жан стоит, опираясь о косяк двери. Генри хватает па за загривок:

- Разберись с этим, Морис!
- Как? кричит па, будто пытается выплюнуть сноп огня. Как же?
  - В больницу его отвези, идиот!
  - Но это не я его.
- Чтобы мы тебя... тут больше не видели, говорит Жан. Все, хватит, Морис. Чтобы сегодня же... собрал вещички. И мы тебя... тут больше не видели.
  - А то что? снова начал заводиться па.
  - Отвези его уже в больницу, ты, идиот!
  - A то что? Hy?
- A то спалю этот трейлер ко всем чертям. U некуда тебе будет возвращаться.

Ответа па я не услышал. Вместе с Жаном мы сажаем на переднее сиденье Люсьена. Он уже немного успокоился. Мы плотно пристегиваем его ремнем безопасности. Па пытается отойти от машины, но Генри толкает его за руль.

— Если с ним что-нибудь случится, я сдам тебя полиции. Сейчас я позвоню в больницу Синт-Арнака. У тебя десять минут. Если через десять минут тебя там не будет, я звоню в полицию. Тебя там уже знают.

Трясущимися руками па пытается вставить ключ в замок зажигания. Я сажусь к Эмилю на заднее сиденье и кладу его ноги себе на колени.

— Давай, — рявкает Генри. Мотор с ревом запускается. Па не сразу удается включить нужную передачу.

Спиной вперед Генри и Жан отходят от машины. Вдруг рядом с колесами оказывается Рико. Я не могу понять, откуда он тут взялся. Он немного бежит рядом. На холмике, на гравийной дорожке, он останавливается и лает нам вслед. Ноги Эмиля тяжело и как-то нелепо лежат у меня на коленях.

- Мне жаль, обращаюсь я к нему. Я не хотел причинить вам боль.
- Твою ж, чертыхается па. Люсьен бьется головой о стекло.
  - Эмиль?

Я взял его за руку, но никакой реакции не последовало.

На поворотах голова Эмиля болтается по сиденью, оставляя на серой обивке пятна крови.

- Послушай, Брай.
- Что?
- Твой брат нам поможет.
- Люсьен?
- Я не могу тебя потерять, Брай. Я просто не могу тебя потерять. Я же хотел его только припугнуть. Но ты ему череп проломил. А за это тебя отправят в тюрьму для малолетних, Брай.
- Но это ты во всем виноват! Эмиль только хотел мне помочь!
- Тебе еще нет четырнадцати. Гудя изо всех сил, он проталкивается вперед на круговом повороте. Если я возьму вину на себя, они тебя у меня тоже заберут. Отправят в интернат. Или в приемную семью. Я не хочу тебя потерять.

Люсьен съехал в своем кресле вниз и теперь сражается с ремнем под подбородком.

— Слушай, сделаем так... — Но он замолкает.

- Так что мы сделаем? голос у меня дрожит.
- Это сделал Люсьен.

Я не понимаю, что он говорит.

- Только я был там и все видел. Ты стоял на улице и не видел ничего. А Люсьен ударил его сзади этой бутылкой.
- Это неправда. Он ничего не сделал. Я расскажу все, как было, что это все я.
- Если ты это сделаешь, в голосе па слышится угроза, он смотрит на меня через зеркало заднего вида, то я скажу, что ты врешь. Врешь, чтобы помочь Люсьену. Потому что ты такой хороший мальчик.
  - А что тогда будет с Люсьеном?
- Ничего. Как обычно, положат его в кроватку. Там, с этими бумажными птицами. Покормят яблочным пюре. Дадут лекарства. Все, что ему нужно. Там его место. Не у нас дома.

Кажется, кровотечение у Эмиля остановилось. Его грудь вздымается рывками, дыхание прерывается.

— Мы скажем, что жилец приставал к твоему брату и перешел черту.

Па пытается посадить Люсьена в кресле ровнее.

- Позволь ему сделать это для тебя, Брай. Для нас. Так он сможет наконец отплатить за все, что мы для него делали. Ведь кроме друг друга у нас никого нет.
  - Люсьен же вообше ничего не слелал.
- Мы будем каждую неделю его навещать. Да вообще, так часто, как захочешь. Обещаю.

Па объезжает машину, стоящую на аварийке, по тротуару.

- А если они все-таки его накажут?
- Твоего брата нельзя наказывать, Брай.
- Можно! закричал я. Можно наказывать! Он же теперь с нами.

Как только мы заехали в тень под козырек больницы, все в машине окрасилось совсем другими цветами. Два белых халата уже ждут нас с каталкой.

Открываются двери машины. Какой-то мужчина с ежиком в миллиметр спрашивает, все ли со мной в порядке. Я только киваю. Тогда он тянет меня из машины. Я не хочу отпускать руку Эмиля, но приходится. Кто-то забирается внутрь через другую дверь.

— Мужчина? Мужчина, вы меня слышите? — Он ощупывает Эмиля. — Пульс!

За спинки передних сидений заводят носилки с поручнями. Кто-то надел ему на шею воротник.

— Извините?

Через автоматические двери на улицу вышла и медсестра.

— Простите, вы родственник? — спрашивает она па, склонившегося над капотом. Очень осторожно она стучит ему по плечу. — Вы родственник?

Па медленно поворачивает голову. Из-под руки появляются его красные глаза.

— Можете рассказать, что произошло?

Па смотрит на меня, потом на Люсьена. Прячась в складках носа, по его щеке скатывается слеза.

- Да, — отвечает он, — я могу.

53

На поле почти никого нет.

С прошлой недели идет дождь, и трава снова зазеленела. Оранжевые зонтики собраны, скамьи сдвинуты в сторону. Кажется, что здание наблюдает за мной всеми

своими окнами. Я перелез через забор и крадусь через кусты.

Рабочий, смывающий в тазике краску с валика, замечает меня, но ничего не говорит. За каждым окном, мимо которого я прохожу, лежат местные обитатели. Некоторые из них меня видят, кто-то машет рукой, но большинство не понимает, что происходит.

Надеюсь, что после ремонта Люсьена не перевели в другую комнату. Или даже на этаж выше, потому что в таком случае я вообще зря приехал. Па поклялся, что навестит моего брата, мне-то пока там запрещено появляться. Но потом на мой вопрос он ответил только, что у Люсьена все хорошо.

- И все?
- Да, все отлично.

Придурок. Позже ему пришлось признаться, что ему тут тоже не очень рады. Это все ма организовала.

Я подбираюсь к окну старой комнаты Люсьена. Вот он, лежит! Я вздрагиваю, когда вижу его. Нижняя губа выпячивается у него так далеко, как никогда прежде. Он спит. Ссадина на лбу затянулась, и осталось только розовое пятнышко. Руки безвольно, но спокойно лежат поверх одеяла. Может, у него и правда все хорошо? И он так крепко спит, потому что утром много гулял?

Магнитную доску с фотографиями обратно не повесили, она стоит на полочке у него над головой. Так что с кровати ему ее теперь не видно. Посередине там висит новая фотография ма с Дидье. Они почти соприкасаются головами. Ма целует его в щеку. Плюшевый дельфин в ногах у Люсьена, наверное, их подарок.

Над Люсьеном шелестят бумажные птицы. Светящуюся елочку Хенкельманна кто-то поставил на подоконник. Иголки медленно переливаются от красного к зеленому, потом становятся белыми и снова красными.

Форточка открыта.

— Люсьен?

Я стучу ногтем по стеклу.

Люсьен, это я. Извини, Зубида не пускает меня внутрь.

Но я вижу только, как поднимается его грудь: он дышит. Я залезаю на подоконник и дотягиваюсь до форточки.

— Люсьен!

Веки у него задрожали, пальцы начинают мять пододеяльник.

— Я не мог прийти раньше. Мы с па теперь довольно далеко живем, в городе. Люсьен?

Я надеюсь, что он посмотрит на меня. Чтобы он хотя бы знал, что я про него не забыл. И чтобы я смог прочитать по его глазам, не злится ли он и помнит ли, что случилось с Эмилем. И я боюсь, что в его зрачках будет гореть что-то, что жарче солнца. Что-то такое горячее, что оно прожжет у меня в глазах дырку, и я потом, на что ни посмотрю, всегда буду видеть маленькое черное пятнышко. Но когда он открывает глаза, взгляд у него потухший. Люсьен снова спрятался. Где-то глубоко внутри себя. Все то, что мы с ним могли сделать вместе, у него снова отобрали, привезя его обратно сюда. Он уставился на птиц на потолке.

— Братик?

Я снова стучу ногтем по стеклу.

- Это я.

Мне хочется его обнять, взять за руку и положить ее себе на плечо. Немного пройтись вместе. А потом пойти бросать бутылки.

Из кармана куртки я вытаскиваю игрушечную машинку.

— Узнаешь?

Я бросаю ее в форточку.

— Это тебе.

Она приземляется на кровать прямо рядом с плюшевым дельфином.

Люсьен вздрагивает и обводит глазами все вещи в комнате. Проходит какое-то время, прежде чем он замечает меня.

- Му-ва-ва, тихонько говорит он.
- Да! я киваю. Это я. А Рико дома, он спит.
- My-ва-ва.
- Рико по тебе тоже скучает. Без тебя совсем загрустил.

Я пару раз крепко зажмуриваюсь.

Когда-нибудь я обязательно все исправлю, братишка.

Мимо моего лица через форточку в комнату влетает оса. Она кружит у открытого рта Люсьена.

— Осторожно!

Люсьен пытается схватить ее пальцами, отворачивает лицо.

— Где оса? В рот тебе залетела? — кричу я. — Она тебя ужалит!

Кто-то должен помочь Люсьену.

— Я уже иду!

Оса ползет по его руке. Я изо всех сил бью по стеклу. По телу Люсьена пробегает дрожь, отчего эта дурацкая оса взлетает. Она жужжит над его кружкой, а потом вылетает через открытую дверь в коридор. Судя по Люсьену, она его, кажется, не ужалила.

- Феффе, еле шевеля губами, произносит он.
- Да! Феффе! Помнишь, да?

Я бы хотел, чтобы ма узнала о нашем лете. Чтобы она узнала, на что ее сыновья способны, когда они вместе. Хотя я думаю, она бы мне не поверила. Может, только если бы Эмиль ей все рассказал. Но я не представляю, куда бы он поехал, когда вышел из больницы.

Люсьен начинает нервничать. Сейчас еще, чего доброго, кто-нибудь из персонала придет и застукает меня здесь.

— Мне надо идти, братик, но я еще приду.

Надеюсь, Зубида скоро снова разрешит мне приходить.

— Когда я стану достаточно взрослым, ты сможешь переехать ко мне. Обещаю тебе. И тогда сможешь больше никогда не принимать таблетки.

Я соскальзываю с подоконника.

— До встречи!

Но теперь, разбудив его, я не хочу оставлять брата лежать в кровати в одиночестве.

Тут я замечаю на оконном стекле жирный след. Под ним — вылизанное место. Присмотревшись, я вижу отпечатки носа по всему окну.

Люсьен поворачивает лицо в мою сторону.

Я чуть-чуть приседаю, прижимаюсь носом к окну и облизываю стекло. Он улыбается и начинает немного раскачиваться. В нем еще живо это. В глазах у Люсьена — вся вселенная.

МИ∞ Проза

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

НОВЫЕ ИМЕНА МИРОВОГО МАСШТАБА

ПРОБЛЕМАТИКА XXI ВЕКА

РОМАНЫ ВЗРОСЛЕНИЯ

КНИЖНЫЙ КЛУБ

#mifproza

Подписывайтесь на полезные книжные письма со скидками и подарками: mif.to/proza-letter

Вся проза на одной странице: mif.to/proza

Литературно-художественное издание Young Adult Novel. Трудное взросление

Роббен Яап

Летний брат

Руководитель редакционной группы Анна Неплюева
Ответственный редактор Анна Золотухина
Арт-директор Вера Голосова
Дизайн обложки Мария Муравас
Верстка Владимир Снеговский
Корректоры Татьяна Бессонова, Анна Быкова

В оформлении блока используются иллюстрации по лицензии © shutterstock.com

ООО «Манн, Иванов и Фербер» 123104, Россия, г. Москва, Б. Козихинский пер., д. 7, стр. 2

> mann-ivanov-ferber.ru vk.com/mifbooks

«Впечатляющий роман: обманчиво простая история о жизни на периферии, передающая мировоззрение подростков... Роббен работает со всеми видами легковоспламеняющихся материалов и делает это с непревзойденным тактом и эмпатией».

Хилари Мантел, автор бестселлера «Волчий зал»,
 дважды лауреат Букеровской премии

«Я в восторге от "Летнего брата". Хочется кричать: "Браво, браво!" В каком-то смысле, он меня спас».

– Элизабет Страут, автор бестселлера «Оливия Киттеридж», лауреат Пулитцеровской премии

ЛЮБОВЬ МОЖЕТ ПУСТИТЬ КОРНИ В САМЫХ НЕОЖИДАННЫХ МЕСТАХ

Брайан почти не знает своего старшего брата Люсьена, ведь тот несколько лет жил в пансионе. Но когда пансион закрывается на ремонт, Брайан с отцом вынуждены забрать Люсьена домой. Проблема в том, что Люсьен – не обычный подросток. Вся ответственность по уходу

за братом ложится на Брайана. Но как позаботиться о человеке, если не знаешь, что ему нужно?

